

МВД России
Санкт-Петербургский университет

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОКИ И ПУТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Монография

Под редакцией
доктора философских наук, профессора В. В. Балахонского

Санкт-Петербург
2025

УДК 130.2
ББК 63.3(2)
Т28

Т28 Творческая деятельность: истоки и пути самоопределения : монография / Ю. В. Аманацкий, В. В. Балахонский, С. И. Ладушкин, П. Г. Мартысюк [и др.] ; под ред. докт философ. наук, проф. В. В. Балахонского. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. – 160 с. : табл. ; 21 см. – 50 экз. – ISBN 978-5-91837-967-7.

Авторский коллектив:

Аманацкий Юрий Валентинович (глава 5).

Балахонский Виталий Витальевич (введение, глава 2).

Ладушкин Сергей Иванович (глава 3).

Мартысюк Павел Григорьевич (глава 1).

Никулин Антон Геннадьевич (глава 6).

Плетнев Александр Владиславович (глава 4).

ISBN 978-5-91837-967-7

EDN: OGCOAI

В монографии выясняется сущность феномена творческой деятельности, раскрываются возможности его теоретической и практической дифференциации от деятельности «нетворческой». Авторами проводится классифицирование видов и форм творчества, определяется их специфика; исследуются творческие основы процесса мышления, выявляются факторы, препятствующие творческому мышлению; проводится ретроспективный анализ теоретических подходов к пониманию творчества представленных на различных этапах развития научного познания; рассматриваются основы творческого подхода в области познания и разработки права, а также в сфере правоприменительной деятельности. Большое внимание уделяется раскрытию практических аспектов творческой деятельности в системе подготовки кадров высшей квалификации в образовательных организациях высшего профессионального образования системы МВД России.

Издание предназначено для слушателей и адъюнктов, научно-педагогических работников образовательных организаций системы МВД России.

УДК 130.2
ББК 63.3(2)

Рецензенты:

Бельский В. Ю., доктор философских наук, профессор
(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя);

Мелихов А. И., доктор юридических наук, доцент
(Академия управления МВД России)

ISBN 978-5-91837-967-7

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
ГЛАВА 1. ИСТОКИ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	8
1.1. Общее представление о творчестве как сотворении нового	8
1.2. Мифологические истоки творческой деятельности в процессе перехода от мифа к логосу	11
1.3. Метафизика творчества	16
1.4. Философское творчество как модус человеческой деятельности	19
1.5. Свобода и необходимость в творческой деятельности	31
1.6. Противоречия в творческой деятельности. Внутренний конфликт творца	33
ГЛАВА 2. НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО: СУЩНОСТЬ, СПЕЦИФИКА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ	38
2.1. Творческие стратегии научного исследования в социальных и гуманитарных науках	38
2.2. Методологические основы научно-исследовательского творчества	56
ГЛАВА 3. ЛОГИЧЕСКИЕ ЭВРИСТИКИ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ МЕТАЭВРИСТИКИ В КОГНИТИВНЫХ НАУКАХ	69
3.1. Эвристические принципы в современной логике	71
3.2. Эвристики в современной психологии	95
3.3. Метаэвристики в компьютерных науках и в искусственном интеллекте	100
3.4. Эвристики и метаэвристики в философской практике	104
ГЛАВА 4. МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ АНОМИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА	110
4.1. Аномия цифрового общества	110
4.2. Специфика образования в условиях виртуализации	114
4.3. Перспективы методологического творчества е	116
ГЛАВА 5. ИСТОРИЧЕСКАЯ ОПЫТ И ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБЪЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	121
5.1. Защита исторической памяти	121
5.2. Уроки истории. Англосаксонская геополитическая стратегия XX века в Европе и ее историческая оценка	125
5.3. XXI век. Война с неонацизмом, как война за историческую правду и ценности народа России	133

5.4. Урок мужества и памяти. Умение жить и быть счастливым.....	134
ГЛАВА 6. ЧЕЛОВЕК КАК ТВОРЕЦ: РЕНЕССАНСНЫЙ ГУМАНИЗМ КАК АПОФЕОЗ ОПРАВДАНИЯ ВОРЧЕСКОГО НАЧАЛА	139
Заключение.....	153
Список использованных источников	154

ВВЕДЕНИЕ

Основой общения выступает деятельность человека. Под творческой деятельностью принято понимать способ самореализации человека. Понятием творческой деятельности охватываются разные формы человеческой активности – экономическая, политическая культурная и т. д., а также сферы функционирования общества. С помощью этого понятия даются характеристики различных аспектов и качеств бытия людей – физическая и умственная, внешняя и внутренняя, творческая и разрушительная и т. д. Таким образом, проводится разграничение в истолковании творческой деятельности как одного из аспектов, уровней или объектов социального бытия и понимания ее как принципа созидания и исследования специфических процессов, качеств и форм этого бытия. В первом случае деятельность подлежит описанию наряду с другими проявлениями человеческого бытия, во втором она оказывается инструментом, обнаруживающим и воспроизводящим связи социального процесса. Так, выявляется предметность человеческой деятельности, ее реализуемость в материале и ее зависимость от материала. Предметность творческой деятельности зачастую понимают прямолинейно, как ее овеществление, как поглощенность процесса деятельности вещью (таковы многие современные технологические концепции, соответствующие технократические проекты, вызывающие естественную критику, которая разоблачает подобную интерпретацию деятельности и, вместе с тем, как бы замыкает деятельность в рамках такой интерпретации). Однако предметность творческой деятельности по сути означает социальность ее, ибо предмет не замыкает человеческую самореализацию, а открывает ее социальному миру, другому человеку, представляет ее разным («близким» и «дальним») людям, «транслирует» ее в пространстве и времени социального процесса.

Связь предметности и социальности человеческой творческой деятельности свидетельствует о том, что ее социальный характер не сводится к ее совместности, т. е. что индивидуальная деятельность человека в действительности тоже является социальной, поскольку она реализует (выявляет, создает, достраивает, синтезирует) человеческие силы и способности и таким образом участвует в воспроизводстве социального процесса. Индивидуальный аспект человеческой

деятельности, социальный по своему содержанию и предметный по формам своего воплощения, кажущийся иногда чем-то второстепенным, является «ядром» и «сердцевиной» деятельности, ее «живой плотью». Иными словами, деятельность без самореализации индивидов попросту невозможна.

Предметность и социальность творческой деятельности продуктивно реализуются только при наличии самореализации. В этом смысле самореализацию нельзя «включить» в деятельность или «выключить» из нее. Условно говоря, если в цепочке социальных связей отсутствует минимальное напряжение, создаваемое человеческой самореализацией, деятельность и собственно социальный процесс становятся невозможными.

Под творческой деятельностью понимается форма активности человека, направленная на преобразование окружающего мира. Известно, что все живые существа взаимодействуют с окружающей средой. Однако в живой природе происходит лишь приспособление организмов к природным условиям. В ходе же человеческой деятельности происходит изменение и преобразование мира в интересах людей, создание того, чего нет в природе. Деятельности человека присущи такие черты, как сознательность, продуктивность, преобразующий и общественный характер. Творческая деятельность выражает сущность, как самого человека, так и созданного им мира. В процессе деятельности происходит формирование и самореализация личности.

Предшествующие столетия в истории нашего общества можно представить как время, когда была сделана попытка строить деятельность общества без учета самореализации творчества человеческих индивидов. Результаты этой попытки оказались не только малоэффективными, но и разрушительными, поскольку закрепили отчуждение предметных, социальных и личностных аспектов деятельности. В теории это отчуждение выражалось различными концепциями связи производства и человеческого фактора, практики и бытия людей, труда и личной жизни, фактически разрывавшими деятельность и личностную самореализацию людей.

В монографии раскрываются многообразные аспекты человеческой творческой деятельности, которые, будучи взятыми в их единстве, позволяют сформировать целостное представление о данном феномене. Научно философский анализ творческой деятельности

начинается с раскрытия культурологических подходов к выяснению ее сущности. Обосновывается общее понимание творчества как сотворения нового. Выясняется соотношение свободы и необходимости в творчестве, раскрывается сущность внутренних противоречий творческого процесса. Выясняется смысл и формы репрезентаций творческих стратегий научного исследования в социальных и гуманитарных науках, выявляются методологические основы научно-исследовательского творчества.

Большое внимание в монографии уделено логико-когнитивным особенностям научного творчества, что представляется актуальным для формирования у обучающихся навыков проведения самостоятельной творческой исследовательской деятельности. Выявляются аспекты творчества в историческом опыте и памяти как основы патриотического воспитания.

ГЛАВА 1

ИСТОКИ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1. Общее представление о творчестве как сотворении нового

В традиционном представлении под творчеством принято понимать человеческую деятельность, приводящую к возникновению ранее не существовавших материальных и духовных ценности. Творчество характеризуется уникальностью и общественно-исторической значимостью. Являясь сущностной стороной деятельности, оно фиксирует в ней главным образом момент совершенствования.

Если рассматривать творчество как «механизм» любого развития, то напрашивается вывод, что творчество свойственно как неживой, так и живой природе. Оно существовало до возникновения человека и общества, выступая необходимым условием развития материи и образования ее новых сущностных форм. В масштабах мироздания творчество человека выступает одной из форм развития сущего.

В творчестве раскрывается духовная природа человека. В ней осуществляется акт самопревышения, который позволяет творящему любой исторической эпохи выйти за пределы как самого себя, так и за границы данности мира. Именно это делает смертного человека бессмертным, приносящим в жизнь непреходящие ценности и красоту.

В основе творчества лежит деятельность, обозначающая универсальную, специфически человеческую форму активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование. Как таковое это понятие содержит в себе все сущностные человеческие характеристики. Но содержит их имплицитно, в свернутом виде. Когда же оно становится объектом специального анализа, возникает потребность развернуть его в систему понятий, определяющих деятельность со стороны либо структуры, либо общественных функций, либо ее форм и разновидностей.

Каждое из подобных определений в свою очередь может стать предметом специального исследования, выявления особого места и роли творчества в системе категориальных определений человеческой деятельности. Само понятие творчества охватывается совокупностью

определений, образующих относительно самостоятельную теорию (теорию практики, теорию познания, теорию целеполагания и др.). Сказанное в полной мере относится и к понятию творчества как одному из существенных видов деятельности. Анализировать деятельность конкретно — значит рассматривать ее и со стороны творческого совершенствования, а анализировать творчество — значит более содержательно исследовать деятельность в целом. Следует, однако, учитывать, что, хотя человеческая деятельность по своей сути есть творчество, вместе с тем не любая конкретная деятельность осуществляется на творческом сущностном уровне. Так что если творчества вне деятельности не бывает, то бывает деятельность, лишенная творческого (сущностного) содержания. О подобной деятельности обычно говорят, как о нетворческой — стандартной, стереотипной, шаблонной, осуществляющейся по заданным образцам, алгоритмам. И если некорректно выражение «деятельность и творчество», то правомерно говорить о «творческой и нетворческой деятельности».

Понятия «деятельность» и «творчество», разумеется, не тождественны. При этом они соотносятся между собой как целое и часть. Творчество есть особенный деятельный процесс, отличающийся от нетворческой деятельности, но это такой особенный процесс, через который реализуется всеобщая сущность деятельности как способа бытия человека в мире. Исследовать деятельность в контексте творчества — значит не только раскрыть ее содержание, ограничиваясь присущими ей сущностными свойствами и закономерностями общего типа, но и оценить возможности ее реализации в срезе творческого совершенствования и развития.

Бесспорно, социальная ценность творимого должна учитываться при определении творчества, поскольку последнее действительно вызывается к жизни возрастающими материальными и духовными потребностями людей. Общественная природа человеческой деятельности обуславливается в конечном счете социальными задачами, целями и потребностями. Без учета социокультурного контекста понять суть и специфику творчества невозможно. Творческая деятельность есть, несомненно, общественно полезная, но не любая общественно полезная деятельность есть обязательно творческая. Так что оценочный момент деятельности по ее полезному результату не может

служить исходным критерием выявления сути и своеобразия творчества, различения творческой и нетворческой деятельности.

Чаще всего для выявления специфики творчества пользуются понятием «новое». Творчество обычно и определяется как деятельность, порождающая нечто новое, какого никогда ранее не было.

Творческую деятельность нередко отличают от нетворческой (стандартной) именно по ее новизне. При этом понятие «новое» рассматривается даже как самое существенное в ее определении. Поэтому творчество необходимо рассматривать не просто как очередную деятельность, а как качественно новую. В стандартной деятельности, пусть даже довольно интенсивной, возникающее новое однопорядково со старым. Новое же, создаваемое в творческой деятельности, есть более совершенное по сравнению с предыдущим. Хотя оно и основывается на старом (известном), но в то же время и диалектически его отрицает (снимает), развивая это старое по пути качественного обновления. Новое, которое возникает посредством творчества, есть не просто создание несуществующих объектов и процессов, а создание объектов и процессов в отличной от прежней и неизвестной людям качественной определенности.

Рассматривая новое в качестве семантического ядра творческой деятельности, необходимо обратить внимание на ряд важных для нее моментов. Творческая деятельность несет максимальную полноту бытия в случае прироста нового на фоне сохранения старого. Допускаются варианты частичного сохранения старого с последующим их включением в формирующееся новое.

Творчество человека не только одна из форм творчества в мире, а особая, высшая форма развития в виде человеческой деятельности. Оно одновременно является одной из форм развития вообще и сущностью собственно человеческой деятельности как деятельности развивающейся. В природе до и вне человека развитие как формообразование нового происходит стихийно, т. е. естественным путем, в то время как человеческая деятельность есть общественно-историческая, предметно-преобразовательная, сознательная, целесообразная. Поэтому в ней в ходе развития может создаваться нечто такое, чего нет в природе в готовом виде, и что не может возникнуть в ней помимо человеческой деятельности. Субъектом творчества, носителем

творческих потенций является человек и только человек, реализующий эти потенции в своей живой деятельности.

Каждый предмет творческой деятельности человека имеет личностную окраску самого творца, вкладывающего в него все свои способности, по сути, внутренний мир. «Только личностная (идеализированная) деятельность, — утверждает В. Библер, — может быть деятельностью всеобщей, превращающей исходный предмет в иной предмет. Трансформируя предмет (идеализированный), ты получаешь больше того, что в нем было «сначала», его потенция переходит в предметность, — и это уже не воспроизведение истины предстоящего познанию предмета, это такой идеальный предмет, которого нигде, никогда не было, но этот новый предмет воспроизводит... истину природного предмета как предмета культуры, т. е. природного предмета в его потенциях... Но это преобразование предмета есть преобразование способности познания, есть создание предмета как всеобщего определения личности, то есть как возможности выхода за пределы этого предмета. Только изменение идеального предмета есть непосредственное изменение всеобщих определений личности (есть определение личностных изменений всеобщего). Реализация возможностей действительности есть изменение самой этой действительности (появление новых ее возможностей) и, в этом смысле, — формирование абсолютно нового. Творчество как реализация возможностей... есть творчество как создание новых возможностей, как создание новой действительности (абсолютно новое)» [1, с. 19].

1.2. Мифологические истоки творческой деятельности в процессе перехода от мифа к логосу

Истоки творчества обнаруживают себя в мифорегиозной традиции, что прослеживается в сакральных текстах народов мира. Примером служат космогонические мифы, повествующие о сотворении мира и жизни, о том, кто заложил начало всего сущего. Особое место в них отводится возникновению различных сущностных форм на фоне противостояния космоса и хаоса. «Переход от неорганизованного хаоса к упорядоченному космосу, — пишет В. Топоров, — составляет

основной внутренней смысл мифологии, содержащейся уже в архаичных мифах творения» [2, с. 6]. Следствием космоизации хаоса является упорядоченность земной жизни, а также приемлемая согласованность и функционирование ее жизненных форм.

Идея творчества в космогонической мифологии связана с порождающим началом, а также образом смерти, распада, расчленения некоторой первоначальной целостности бытия и последующим восстановлением космического бытия через ритуальную практику. Перечисленные модификации идеи творчества объединяет главное: они носят натуралистический характер, творчество в них является естественно-природным процессом.

Примером может служить ведийский космогонический миф, в котором повествуется о том, как Индра убивает Вритру, после чего раскалывает холм (недифференцированный первичный мир), подпирает небо, отделяя его от земли. В нем акт творения приводит к разделению некогда единого мира в результате чего становится возможным переход от неявного к явному, если говорить языком космологии — от хаоса к космосу. Эти мифы наполнены идеей трагедии и безысходности, так как свидетельствуют о том, что все созданное возвращается в бесформенное и нетленное, из которого оно и произошло. Вместе с тем в них содержится великая надежда на то, что нетленное обязательно все сотворит заново, ибо всякое творение неизбежно повторяет космогонический акт — сотворение мира.

Сам акт сотворения мира не носит однозначно гомогенный характер. Он наполняется всевозможными противоречивыми интенциями, с точки зрения мифологического мышления имеющими по большей части внешний бытийный характер. В отдельных мифологических сюжетах создаваемый культурным героем-демиургом мир напрямую обусловлен противоречивой природой создателя. В иных сюжетных линиях мир создается братьями-демиургами, изначально имеющими противоположную по содержательной направленности природу.

«В рамках многожанрового эпического цикла древний мифологический образ получает двойственную разработку: героическую и комическую. С одной стороны, четко распределяются между братьями-близнецами героические и комические черты; с другой стороны, создается сложный образ героя, действующего то как мифологический

демиург, то как богатырь, то как плут-трюкач... Деяния культурного героя прикреплялись ко временам, предшествовавшим установлению строгого порядка. Этим объясняется и возможность совпадения в одном образе демиурга и плута-трюкача» [3, с. 32].

По большей части культурный герой имеет человеческое обличье. Например, в Полинезии — Мауи, в Меланезии — Тагаро; культурные герои два брата-близнеца, соперничающие или враждующие между собой Омель и Ен в фино-угорской мифологии; помогающие друг другу Иоскега и Тавискарон у ирокезов, То Кабинана и То Карвуу у меланезийского племени гунан-туна.

У богомилов распространено дуалистическое учение гностического типа, в котором указывается на то, что добро и зло имеют вечную природу. В нем повествуется о том, что мир создавался демиургами-антиподами. Белобогом, воплощающим добро, и Чернобогом, в свою очередь олицетворяющим зло. Согласно мифологическому повествованию, Белобог создает пчелу, во всех смыслах полезное насекомое. Подражая ему, Чернобог создает бесполезное насекомое — осу.

В ряде архаических культур демиург представлен в зооморфном обличье. Функцию демиурга у коренных народностей Северо-Восточной Азии и северо-западного побережья Северной Америки выполняет Ворон. Данный мифологический персонаж во многом обладает противоречивой природой. «В фольклоре коренных народностей Северо-Восточной Азии и северо-западного побережья Северной Америки Ворон предстает перед нами то почитаемым родовым предком, то великим творцом земли и людей, то сказочным героем, побеждающим людоедов, то прожорливым плутом, инициатором всевозможных смешных проделок» [3, с. 38].

По мере возрастания человеческого фактора в творческо-устроительном процессе на смену демиургу приходит культурный герой. В культурном герое уже прослеживается «эманация» божества, взятая в ее мифологической конкретизация.

В традиционных племенных культурах ведущим выступает коллективное производящее начало. Лишь только мифологизация культурного героя наделяет его сверхъестественными качествами, что открывает перед ним возможность самостоятельно решать творческие задачи. «Образ культурного героя в мифах олицетворяет силы племени и выражает идеализацию активной творческой самодеятельности

всего рода-племенного коллектива. Совершенно очевидно, что важно понять эту человеческую и коллективную основу образа культурного героя, понять, что перед нами — архаическая форма типизации, олицетворение коллектива в целом... Осознание силы коллектива — основа идеализации в сказаниях о культурных героях, ибо покорение природы, трудовые успехи, технический и общественный прогресс при первобытнообщинном строе связываются и могут быть связаны только с деятельностью коллектива в целом» [3, с. 38].

Из космогонии человек как потенциальный творец исключается. Неслучайно, он сам является продуктом божественного творчества. В богословском творчестве первостепенным является момент приращивания бытия, проистекающего из ничто. Творение мира из ничего равнозначно приведению замысла к воплощению. Здесь идеальное, сокрытое в замысле совпадает с осуществленным в бытии. В иных видах древнего творчества, реализующихся вне космогонии, фигура человека-творца присутствует, хотя при этом и испытывает существенные ограничения. Тенденция перенесения творческой активности во вне человека-производителя сохраняет свою актуальность. Это становится заметным при обращении к античной культуре.

Человек в мифорегиозной традиции не обладает самостоятельной творческой природой. В рамках античного сознания искусство обладает внутренней пассивностью. Оно прямо вложено богами, и это не метафора, как например, обращение к музам у современных поэтов.

Традиционное представление о богах как «вдохновителях» поэтического творчества и взгляд на поэта как на человека, устами которого говорит само божество, характерно и для Гесиода. Не только Гомер и Гесиод не могут шагу ступить без Аполлона и муз, таковы же все греческие поэты. И, подобно Пиндару, каждый из них с полным правом может назвать себя «пророком муз», так что уже не он поет, а сама муза, он же только оформляет это пение хорами и лирой.

В творческом порыве, о чем свидетельствует древнегреческий миф, ваятель Пигмалион лишь уподобляется божественному творцу. Он не в состоянии с ним уравниваться всецело, так как создает прекрасную статую Галатеи, выступающую лишь отражением красоты внешнего мира. Однако, высшее творение, согласно мифу, содержится в другом — в оживлении холодной застывшей статуи Галатеи. Жизнь в нее вдохновляют боги, что и является высшим актом

творения. Лишь в результате воли богов мастер и его творение становятся единым целым.

В этой ситуации напрашивается следующий вывод: когда отсутствует развитый опыт личности, творчество реализуется через различные формы божественного участия. Там, где человек не властен над сущим его место занимает Бог. Сопряжение человеческой жизни с жизнью природы, эстетическое переживание нерасторжимого единства между человеком и Универсумом, по своей сути фундируют основу мифорелигиозных представлений о творчестве.

Божественное творчество неразрывно связано с вечно-обновляющейся природой, ставящее своей целью сведение конечного к абсолюту, потенцированное восстановление единства первоначала, выстроенного на принципах гармонии и красоты. Приобщаясь к божественному творчеству, человек лишь бесконечно приоткрывает занавес предвечной красоты. Определяя творчество как художество, В. Соловьев указывает на то, что «как и все человеческое, художество есть текущее явление, и, быть может, в наших руках только отрывочные начатки истинного искусства. Пускай сама красота неизменна; но объем и сила ее осуществления в виде прекрасной действительности имеет множество степеней, и нет никакого основания для мыслящего духа окончательно останавливаться на той ступени, которой мы не успели достигнуть в настоящую историческую минуту, хотя бы эта минута и продолжалась уже тысячелетия [4, с. 352–353].

У Н. А. Бердяева, как и у В. С. Соловьева, перед человеком ставится теургическая задача — творение мира, т. е. его преобразование и одухотворение. Творческий акт есть продолжение дела творца, а творчество гениально по своей природе. Гениальность человека отражает в нем образ Бога-творца. Гениальность не тождественна гению, она не ограничивается только способностью человека создавать художественные и философские произведения, управлять государством или делать открытия и изобретения.

Несмотря на то, что в ранний период исторического времени заслуги за свершаемое и признаются за некоей сверхъестественной силой, человек при ней неизменно присутствует. Правда, он еще не выступает в полном смысле слова в качестве творца, в силу того, что представляется в качестве субъекта, не признающего возможности личного творения. Человек или присутствует при творении, пребывая

в качестве его соучастника, или действует от лица некоей неизменно присутствующей высшей силы. Скорее всего, он выступает как оформитель и соучастник всего, что возникало в процессе коммуникации.

1.3. Метафизика творчества

С каждой исторической эпохой понимание творчества человека обогащалось на основе развития науки и искусства, сохраняя при этом определенные традиции. Так, пантеистические черты в философии, начиная с Бруно, а еще в большей степени — Спинозы, обновленно воспроизводились относительно творчества как чего-то менее существенного по сравнению с познанием мира. Творчество считалось удачной, но в значительной мере случайной комбинацией уже существующих элементов. В этом отношении характерна теория познания Бэкона. Такое понимание усиливается в философии Гоббса, Люка и Юма, в учениях, которых творчество приравнивается к изобретательству. В классической немецкой философии (XVIII в.), в частности в философии Канта, теория творчества представлена в относительно завершенном виде. Творческая деятельность выступает под названием продуктивной способности воображения. Кант анализирует творческий процесс как один из важнейших элементов структуры сознания. Таково заключение, противоположное платоновскому. Что касается Шеллинга, то он творческую способность воображения рассматривал в единстве сознательного и бессознательного. Поэтому гении, как наиболее одаренные люди, творят как бы в состоянии наития, бессознательно, подобно тому, как творит природа, с той разницей, что этот объективный, т. е. бессознательный характер процесса, протекает все же в субъективности человека и, стало быть, опосредован его свободой.

Много внимания проблеме творчества уделяется представителями русской философии. В этой ситуации особого внимания заслуживает работа Н. Бердяева «Смысл творчества»¹. Человек, по мнению Н. Бердяева, призван к творчеству. Творчество есть его нравственный

¹ Бердяев Н. А. Смысл творчества. Москва : АСТ, 2007. 164 с.

долг на земле, его задача и миссия. Творческий акт вырывает человека из рабского принудительного состояния в мире, поднимает его к миру иному, иному пониманию бытия. Вершиной творчества является теургия (богочеловеческое творчество), путь к которой пролегал через символическое искусство. Творчество рассматривается философом как откровение человека и совместное с Богом продолжающееся творение. Здесь действует принцип антроподицеи — оправдание человека в творчестве и через творчество.

Следуя за определениями творческой деятельности Н. Бердяева, можно предположить, что подлинный смысл творчества на платоновский манер проистекает из «миров иных». Восхождение в творческом акте к иным мирам означало, в соответствии с общеплатоническими принципами концепции В. Соловьева, выход в царство идеального совершенства, абсолютной красоты. Когда, отвечая потребностям своей христианской установки, приходит пора наложить на творческий акт «отпечаток вечности» или хотя бы в общих чертах придать ему объективность и содержательность, Н. Бердяев дает возможность подразумевать, что «мир красоты» укоренен в сверхсубъективной сфере, и даже иногда ссылается на «ноуменальный мир».

В процессе творческой деятельности художник уподобляется теургу, который наряду с совершенствованием природного бытия, завершает незавершенное, расширяя область уже имеющейся красоты природных форм. Например, заменяя косную, неоформленную материю просветленной и преображенной через внесение в нее идеального начала. В. Соловьев именует эту миссию «подвигом Пигмалиона». Он, теург, должен заняться преображением человеческого бытия; главный предмет теургии выступает нравственная и социальная жизнь человечества, бесконечно далекая от осуществления своего идеала.

У Н. Бердяева, как и у В. Соловьева, перед человеком ставится теургическая задача — творение мира, т. е. его преображение и одухотворение. Творческий акт есть продолжение дела творца, а творчество гениально по своей природе. Гениальность человека отражает в нем образ Бога-творца. В связи с этим возникает сознание реального бытия Бога как объективного первообраза человеческой личности, и в этом сознании человек получает единственную возможность без всяких противоречий мыслить и определить себя как такую вещь физического мира, которая является в мире действительным образом Бога.

Н. Бердяев трактует творческую задачу человека как продолжение дела непосредственно самого Творца, созидающего мир заново из ничего, что при отсутствии содержательного критерия оборачивается неким субъективным переживанием. В творческом продукте предполагается раскрытие бесконечного, способность к бесконечному трансцендированию во вне.

Теургия рассматривается Н. Бердяевым как сверхкультурное явление. Оно способно преодолеть кризис творчества, благодаря снятию противоположности между субъектом и объектом, что допускает возможность абсолютного знания о мире и, как следствие, открывает перспективу иного бытия. Теургия возвышается над исключительно человеческим творческим действием, так как представляет собой действие человека совместное с Богом — богочеловеческое творчество.

Теургию можно рассматривать как творчество вне отягощающих обстоятельств внешнего мира. В своей глубине оно содержит религиозно-онтологический смысл сущего. Теургическое творчество пребывает вне устоявшихся норм и законов, в первую очередь это касается искусства. В ней содержится предел возможностей творящего субъекта.

В контексте исследования синергии человека и бога интерес представляет философско-религиозная концепция С. Н. Булгакова. Она разнится с концепцией Н. Бердяева. В отличие от Н. Бердяева, наделяющего человека неограниченной свободой и способностью творить как совместно с Богом, так и вне Бога, С. Булгаков творческую миссию человека усматривает в реализации божьего замысла. «Очевидно, что человек не обладает всемогуществом, способностью творить из ничего все, чего захочет. В этом смысле человек вообще не может творить, сам будучи тварью. Если он может творить, то не из ничего, а из созданного уже (или предвечно существующего, по мнению пантеистов) мира. В нем он может отпечатлеть свои идеи, воплощать свои образы. В нем он может находить ответы на свои вопросы, вопрошать его экспериментом и давать ему свои определенные директивы (к чему сводится вся техника). И из совокупности всего этого образуется новый мир культуры, создаваемый в хозяйстве» [5, с. 175].

В некоторой степени С. Булгаков придерживается теории Платона. Он также сводит знание к припоминанию. При этом в отличие от Платона русский мыслитель рассматривает знание как припоминание

не через цепочку телесных перерождений, а в смысле метафизическом. В его понимании, оно есть выявление того, что метафизически дано, оно в этом смысле не есть божественное творчество, порождающее сущее из ничего, но лишь воссоздание, воспроизведение данного, сделавшегося заданным, и это воссоздание становится творчеством лишь постольку, поскольку оно есть свободное и трудовое воспроизведение. Человеческое творчество поэтому не содержит в себе ничего метафизически нового, оно лишь воспроизводит и воссоздает из имеющихся, созданных уже элементов и по вновь найденным, воссоздаваемым, но также наперед данным образцам. Творчество в собственном смысле, создание метафизически нового, человеку, как тварному существу, не дано и принадлежит только Творцу. Поэтому в метафизическом смысле оно не абсолютно и не оригинально.

С. Булгаков указывает на софийность природы человеческого творчества, что метафизически обосновывается реальной причастностью человека к божественной Софии, проводящей в мир и природу божественные силы Логоса. Во многом это и определяет способность человека нести в себе, хотя и в неразвернутом еще виде, потенциально, компендиум всей природы, весь ее метафизический инвентарь. Соответственно, познавать природу, на нее воздействовать, покорять ее, быть ее царем. В такой ситуации познающему субъекту остается постоянно помнить и учитывать, что мир им познается исключительно по человеческим критериям ясности, отчетливости и достоверности, каковые, в свою очередь, укоренены в открытости ему Бога, а высшим критерием его познания является духовное совершенство.

1.4. Философское творчество как модус человеческой деятельности

Творческое понимание приходит к человеку тогда, когда он не отказывается от себя, как творца, от своего значимого места в пространстве и времени, позволяющего с необходимостью удерживать в своей памяти замысел творения, занимая при этом идеальное для творения положение в мире. Только в этот момент всеобщее осознается

в индивидуе как нечто, что превышает его, но и не дано извне или свыше, а есть именно он сам.

Идея творчества вплоть до эпохи Возрождения, когда человек открыл в себе личностное начало, соотносилась с высшей сверхъестественной силой. Именно эта высшая сила, одним словом Бог, отвечала мировоззрению человека архаической и традиционной культуры. Начиная с эпохи Возрождения, человек постепенно освобождается от опеки Бога, что позволяет ему уже воспринимать самого себя как единственного и непреложного творца. До сего времени он творил неосознанно, в связи с чем творческий продукт не являлся его полноценным достоянием. Что касается Возрождения, то оно рассматривает творчество, прежде всего, как художественное творчество, как искусство в широком смысле слова, которое в своей глубинной сущности рассматривается как творческое созерцание. Отсюда характерный для Возрождения культ гения как носителя творческого начала по преимуществу. Именно в эпоху Возрождения возникает интерес к самому акту творчества, а вместе с тем и к личности художника, возникает та рефлексия по поводу творческого процесса, которая незнакома ни древности, ни средневековью, но столь характерна именно для Нового времени.

Бог в эпоху Возрождения воспринимался как Творец вселенной, но человек в определенном смысле должен как бы вновь создать ее. Как указывает Э. Кассирер: «мыслители Ренессанса научились видеть человеческую природу и человеческую историю в новом свете. Они восхищались человеческой культурой и восхваляли ее скорее как работу человека, нежели чем дар Божий. Подлинное человеческое достоинство заключено в этой творческой способности, то есть в его способности создавать образы, которые имеют специфически человеческий характер. По Николаю Кузанскому, один Бог имеет... творческую способность, но человеческий разум снабжен иным достоинством, которое не ниже этого, — ...достоинство подражания. Бог — Творец вселенной, но человек в определенном смысле должен как бы вновь создать ее. В своем разуме он обладает элементами, семенами всех вещей. Нужно лишь развить их из имплицитного состояния в эксплицитное для того, чтобы знать и понимать мир» [6, с. 219].

В речи Пико делла Мирандолы человек описан как скульптор, который должен усовершенствовать свою собственную форму, данную

ему природой. Он сам себе судия и почетный творец и мастер. Отсюда проистекает мысль, что человек способен воспринять себя творцом лишь только в том случае, когда его уникальный внутренний мир становится внешним преобразованным бытием, новой ранее не бывшей предметной реальностью произведения искусства. Творчество в этом случае есть не что иное, как изменение способа индивидуального личностного бытия. Творчество тем самым означает не только переход из внутреннего состояния во внешнее, но и прояснение, упорядочивание и гармонизацию того, что было внутренним миром творца. В результате творческой деятельности в человеке нечто оформляется впервые, выходя из душевных глубин.

Человек ставится на место бога и как своенравный творец мира и как автор новой истины, нового Священного писания, уже не божественного, а человеческого происхождения. Творчество нового и не бывшего становится уделом самого человека.

О творчестве как самосозидании Н. Бердяев писал: «В самосозидании Я личности человеческий дух совершает творческий акт синтеза. Нужно творческое усилие духа, чтобы не допустить разложения Я, раздвоения и распада на части личности. Человек не только призван к творчеству как действию в мире и на мир, но он сам есть творчество... Образ человека есть творческое единство» [7, с. 248].

В процессе осознания самого себя как творца творческая деятельность способна перерасти в культуротворческую. Культура как «вторая природа», дистанцирующейся от естественной среды, является исключительно творением самого человека. Культура и творчество между собой генетически взаимосвязаны. Своими основными достижениями культура обязана творчеству. Неслучайно, творчество является лейтмотивом культуры и способствует бесконечному репродуцированию культурных ценностей. Культура неразрывно связана с человеком, так как является продуктом его жизни и деятельности. Она возникает тогда, когда человек начинает осмыслять все существующее через призму собственных преобразовательных усилий.

В некоторой степени недооцененным в анализе культуротворчества выступает гармонизация самого человека. Усовершенствование природы человека наряду с усовершенствованием внешнего мира является высшей целью культуротворчества. Будучи субъектом культуротворчества, человек благодаря преобразовательным усилиям

творит искусственную среду как высшую по отношению к естественной. Ведь и идея культуры возникает тогда, когда человек ощущает себя творцом, способным создать мир лучше, чем он есть.

При переходе от мифа к логосу сознание человека становится в большей степени спекулятивным. В культуре начинают доминировать светские ориентиры. Наряду с обмирщением культуры с параллельным выхолащиванием из нее религиозного содержания, творческая энергия человека устремлена к исполненности в абсолютной полноте, что приводит к утверждению высших культурных ценностей. Согласно трансцендентальной направленности культуротворчества, движение к высшей цели рассматривается в качестве источника творческой самореализации человека как человека. Оно принципиально отличается от движения к промежуточным целям, которое имеет функциональный и адаптационный характер. Если налицо активное открытое восприятие опыта жизни, то творческая самореализация человека носит конструктивный характер. Если же человек подавляет сознание себя открытым на трансцендентное и большее, стремится стабилизироваться в уже обладаемом, то творческие усилия становятся деструктивными и социально опасными.

По мере доминирования в сознании творца рационального начала происходит переориентация творческого поиска, вызванного преодолением мифологических гносеологических установок. Философское творчество, направленное на познание мира, уже в меньшей мере отталкивается от сверхъестественной природы мифа, а в большей мере сориентировано на интеллектуальные резервы природы познающего субъекта, его способность генерировать рациональную картину мира. Процесс философского познания во многом схож с творческим процессом, так как выводит философствующий ум на новые рубежи постижения бытия. Творческий порыв философствующего субъекта меняет направленность вектора внутрь, на духовное самопознание, что приводит к самосозиданию творящего, так и вовне, на познание внешнего мира, что влечет за собой сотворение нового интеллектуального продукта. Познавательные возможности философии являются основой нового знания. В связи с этим философская гносеология в рамках настоящего исследования может быть представлено в качестве одного из инвариантов творчества.

В контексте подобного рода размышлений определенный интерес представляет сравнительный анализ философского и мифологического творчества. Подобный выбор можно объяснить тем, что миф в силу своей первичности является как предтечей, так и источником зарождения философии. Несмотря на это, по мере формирования логоса он редуцирует, утрачивая тем самым свой первоначальный сакральный статус. Неслучайно, философия традиционно рассматривалась с позиции духовного преодоления мифа, где мудрость выражалась в формах критического осмысления бытия и его рационального доказательства.

В качестве мышления философия стремится к рациональному объяснению всего бытия. Но, будучи одновременно выражением мудрости, она обращается к предельным смысловым основам, видит вещи и весь мир в их человеческом (ценностно-смысловом) измерении. Таким образом, философия выступает как теоретическое мировоззрение и выражает человеческие ценности, человеческое отношение к миру.

Одним из векторов творческой направленности мифа, предшествовавшего зарождению философского логоса, является стремление смоделировать мифологическую картину мира по образу человеческого тела. На основе антропоморфного принципа взаимодействия человеческого деяния и космического (природное) становление соединяются воедино. «Не случайно, — как отмечает М. К. Мамардашвили, — одной из первых моделей мира — и в познании и искусстве — была модель человеческого тела, в которой космическими аналогиями и гомологиями мир как целое и разные его части проецировались на целое и части человеческого тела (то есть в целях понимания существенно использовалось описание мира таким, чтобы в нем было место человеку сего заданной духовно-телесной формой)» [8, с. 87].

Мифологическая картина мира представляется как череда изоморфных объектов, к которым можно отнести Вселенную, Землю, территорию племени, социум и самого человека. Все эти объекты пребывают в тесной и неразрывной связи, имея в своей основе «закон участного внимания» и закон «идеального равновесия», а также представление о мире как совокупности мест взаимодействия множества неповторимых и незаменимых живых существ, сопричастных как

всему этому миру, так и друг другу и потому ответственных за этот мир и за все его проявления.

Миф предоставляет человеку возможность выйти за рамки своей временной ограниченности, в процессе которой всеобщее «я» становится его собственной «великой реальностью», а «великая реальность» — собственной индивидуальностью. Человек при этом не субъективная мера всех вещей, а личность, мерой которой и становится мифологический универсум. В мифе преодолевается субъектно-объектная форма связи, разделенность человека с миром, порождаемая замкнутостью его на себе, что является источником возникновения иных форм общности свободных индивидов. Миф способен к восполнению и созиданию человеком себя в бытии, в котором для него нет весомых природных оснований. Это объяснимо тем, что в нем есть нечто гораздо большее, чем содержится в поддающемся рациональному осмыслению окружающем мире.

Несмотря на конструктивный потенциал мифа, в нем присутствуют сдерживающие механизмы, привязывающие человека к мифологической реальности и, тем самым, ограничивающего познавательные возможности, что в свою очередь приводит и к минимизации гуманистической сферы его бытия.

В оценке природы человека и его познавательных возможностей в мифе примечателен изложенный Ф. Ницше разговор царя Мидаса с пойманным Селеном. «Ходит стародавнее предание, что царь Мидас долгое время гонялся по лесам за мудрым Силеном, спутником Диониса, и не мог изловить его. Когда тот, наконец, попал к нему в руки, царь спросил, что для человека наилучшее и наипредпочтительнейшее. Упорно и недвижно молчал демон; наконец, принуждаемый царем, он с раскатистым хохотом разразился такими словами: «Злополучный однодневный род, дети случая и нужды, зачем вынуждаешь ты меня сказать то, что полезнее было бы тебе и не слушать? Наилучшее для тебя вполне достижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем» [9, с. 66].

В этой связи имеют особый вес размышления О. Е. Иванова по поводу того, что в рамках мифа «человек не в состоянии вместить в себя мифологическое сущее. Оно превышает всякую человеческую меру, подлинно безмерно и потому совпадает с хаотическими безднами космогонических мифов» [10, с. 159].

Человеческие возможности явно ограничены по сравнению с этой безмерностью, и человек не способен вместить в свое бытие бездну, перед которой трепещут даже боги, которая способна поглотить и самые могущественные природные стихии. Он ограничен, бездна же безгранична.

Таким образом, в рамках мифологического сознания утверждается не истинно-сущее, а «блестящее порождение» грез, вызванное «расположением подлинного мира там, где господствуют «страхи и ужасы» существования». С позиций Ницше говорить о «спокойной устойчивости мифологической эпохи можно лишь с оговорками. Присутствие бездны не может быть устранено из мироощущения, ведь «даже бессмертным богам страшно это чудо». Понятно, что такое самоощущение никогда не может прийти к тождеству самосознания, обратиться в единство человеческого «Я», как бы зависающего над пропастью.

Определяя потаенную сферу бытия, миф раз и навсегда лишает человека творческой возможности через овладение миром познать как свою подлинную сущность, так и сущность окружающего мира. Наряду с этим, являя собой замкнутую картину мира, он также ограничивает сферу познания, определяя нечто завершенное со всех сторон, удерживаемое в известных пределах. Мифологический процесс — это явление такой полноты протекания, своего рода движение, которое исходит из определенного начала, проходит через определенные центры, достигает определенного конца, тем самым замыкая и завершая себя.

Расхождение между философским (рациональным) и мифологическим (иррациональным) выражением творческой воли субъекта уже с очевидностью прослеживается в том, что творческий порыв в философии рождается в акте вопрошания. В этой связи философия включает в свой гносеологический конструкт проблемы и попытки дать ответ на поставленные ею вопросы. В отличие от нее миф уже в самом себе содержит определенный ответ, не ставя перед собой вопросов, решение которых становится возможным в рамках философского дискурса. В пределах мифа всякие онтологические высказывания, т. е. высказывания о бытии мира, о мире как сущем оказываются недостижимы или с большой натяжкой оказываются представленными в упрощенных этиологических схемах. Они реальны только

в философии, поэтому именно философия способна претендовать на роль онтологии или учения о бытии таковом.

В работе «Диалектика мифа» А. Ф. Лосев уточняет, что «предельно-интенсивной» реальность мифа является лишь для мифологического сознания. К этому следует добавить, что в основе мифологической реальности лежат вещественно-телесные интуиции, являющиеся продуктом мифологического сознания. Философская же онтология призвана установить фундаментальные значения реальности на все времена, выявить возможный для человека максимум ее значения. Таким перманентно реальным оказывается лишь самосознание, как предельное состояние субъективности. Однако его реальность не является его собственным достоянием, она оказывается присущей самосознанию лишь потому, что самосознание открыто Сверхсущему. Благодаря Сверхсущему явленные в философском творчестве смысловые формы доводятся до уровня самосознания, обеспечивающего целостность полагаемого смысла.

В пределах мифа всякие онтологические высказывания, т. е. высказывания о бытии мира, о мире как сущем, о природе человека оказываются недостижимы. Человек, следуя трагическому примеру мифического героя Икара, обостренно ощущает допустимые границы своего собственного бытия, а также границы познаваемого им мира. Лишь философия способна претендовать на роль онтологии или учения о бытии как таковом, и призвана установить фундаментальные значения реальности на все времена, выявить возможный для человека максимум ее значения.

Если в мифе кроме человеческого, что открывается в антропоморфной мифологической картине мира, ничего нет, и значит, истина есть сам человек, — то в философии круг истинного гораздо шире. Притом увеличение его пространства имеет принципиальный характер. Человек узнает нечто сверх себя и помимо себя. Тем самым расширяются и творческие возможности человека. Перенося центр мировосприятия за пределы только человеческого, в область сущего как такового, человек вовсе не теряет, а выигрывает, так как раздвигаются пределы пространства его реализации, возникают новые творческие цели, виды деятельности и т. д. Истина вне человека оказывается в этом плане более «человеческой», чем истина по масштабам человека.

Но для того, чтобы творящий субъект подвинулся к осмыслению запредельно человеческого в его сознании должно возникнуть противоречие между положениями мысли и положениями бытия. До тех пор пока мир для человека существует таким, каким он ему кажется, всякое утверждение мысли о мире, очевидно, относится только к миру кажущемуся, и потому всякое утверждение мысли о мире, если только это утверждение согласно с собою самим, всегда и, безусловно, полагается состоятельным, так что никакого сомнения, а тем более критики мысли в этом случае, очевидно, возникнуть не может. Когда же мир действительный отделяется от мира кажущегося, тогда всякое суждение о мире кажущемся не может быть перенесено и на мир действительный без особого оправдания этого переноса в отношении мира действительного, так что для состоятельности мысли о мире в этом требуется уж не одно только формальное согласие мысли с собою самой, но и согласие ее с действительностью: в этом именно согласии мысли и действительности и полагается истинность философского творческого познания.

Особый характер философского творчества определяет и коренное отличие природы философских понятий от понятий, в которых вещи предстают, прежде всего, как конкретные, внеположенные человеку в его истинно человеческом смысле предметы. К их числу относятся не только мифические представления, имеющие божественную природу, но, и, казалось бы, в корне противоположные мифу понятия науки. И там, и там, разумеется, в очень различных качествах вещь находится в центре внимания, а «человеческое дело» — на периферии. В отличие от мифа и науки творческая задача философии заключается в том, чтобы привести сущее к своей подлинной природе, а не вытолкнуть в несуществование. Поэтому дистанция философии по отношению к сущему не дистанция-отторжение, но дистанция-связь. Устанавливая в своем знании подлинный статус сущего, она тем самым делает человеческой данностью самое бытие. Будучи одновременно выражением мудрости, философия в своем творческом поиске обращается к предельным смысловым основам, видит вещи и весь мир в их человеческом (ценностно-смысловом) измерении.

Философия открывает новые перспективы, расширяющие горизонты знания до постижения мира самого по себе, как чистого объекта,

уже не окрашенного и не искаженного человеческой субъективностью. В этом плане философия рассматривается как преддверие европейской науки, как изначальная концентрация ее основных смыслов. Однако не следует забывать, что важнейшей целью философского творчества является пробуждение в человеке универсального Я и приведение его в соответствие с внешним бытием. В соотношении с предметным миром она раскрывает это Я как центр познавательной ситуации, вне которой никакие данные опыта, то есть почерпнутое извне предметное содержание, не может стать знанием. Вне философии знание тем самым становится чем-то иным, меняет свою природу и лишь по формальным признакам сохраняет свое присутствие.

Современный европейский человек оказался во всевластии науки, которая создала уже не отторжимое от него «неорганическое тело» - мир современной техники. Думать и расстаться с ним всерьез, наверное, можно было еще во времена Руссо, когда «гуманитарное пространство» было еще достаточно обширным. Не случайно Кант видел заслугу Руссо в том, что тот поставил этику выше всего на свете. В том смысле, что есть некоторые этические достоверности, которые не зависят от прогресса науки и знания. Но они возможны в силу устройства мира. Главное не считать себя лишним в мире. Сегодня подобная точка зрения утратила свою действенность. Ученый еще хочет, чтобы наука была знанием, выдававшим присутствие человека, но для этого нет иного способа, кроме как вновь вернуться к основе всякого знания — отношению Я и предмета. Но тогда требуется вновь актуализировать чистое, неопредмеченное Я в мышлении. В этой связи возникает потребность в обращении к философии, которая способна решить вполне конструктивную творческую задачу — открыть путь научения идее чистого Я. Знание о чистом Я остается единственным видом подлинного знания.

Благодаря философскому творчеству, мы возвращаем человека к его подлинной сущности из безличностных форм существования, где он, человек, выносит суждения о мире, нисколько не подозревая об отсутствии необходимого основания, которое, собственно, и делает его таковым. В результате возникает перспектива устранения дефицита личности и приведения ее к чистой форме, абсолютному значению. При этом в процессе творчества зачастую происходит самоустранение субъекта с целью последующего достижения органичности

восприятия и, в конечном итоге, обретения себя уже на новом уровне. Фактически же устранение происходит в момент творческого озарения, благодаря которому открывается перспектива выхода за пределы своего собственного «я», что приводит к самоизменению субъекта, а также развитию его мировоззрения. Творческий подход субъекта к оценке внешнего бытия, а также его обращенность к духовным аспектам своего существования являются основным мировоззренческим принципом, личностной основой.

Одним из важнейших результатов творческой деятельности принято считать открытия. В особенности, это принято относить к науке. Что касается сферы философского творчества, то здесь, как верно заметил О. Е. Иванов, «философские открытия заключаются не в демонстрации, не в знакомстве с сущностями, которые нам были совершенно неизвестны в нашем дофилософском опыте. Они являются... полным осознанием фактов, которые нам уже в той или иной мере известны и важность которых обычно предполагается в наших действиях. Открытие Аристотелем сущности и правил логических умозаключений не означает того, что эти правила до обнародования его работ были совершенно неизвестны людям и никогда не применялись. Напротив, в определенной степени эти правила были известны всем людям, по крайней мере, имплицитно» [10, с. 124–125].

Философские открытия часто заключаются в некоем ясном, полностью осознанном понимании фактов, возможном благодаря их философскому анализу. Данные факты изначально воспринимаются как известные и добываются из непосредственного соприкосновения с действительностью. При этом философствующий субъект хочет познать объект не для того, чтобы «устранить» его как побежденного, а чтобы глубже и реальнее приобщиться к нему, отмечая его неизменную данность.

Философская креативность стремится к постижению основ бытия путем сотворения параллельного бытия и реальности, пусть и в ущерб эмпирическому. Она идет как бы «внутрь», «вглубь». В этом случае новизна имеет персональный, экзистенциальный характер. Причем, благодаря онтологичности устремлений, в этом типе креативности органично сочетаются гносеологический, эстетический и этический компоненты. В целом, философский тип креативности

«работает» в духовной сфере деятельности и основным «продуктом» ее можно назвать духовные, трансперсональные ценности.

Философия как стремление человека к познанию себя самого определяет и выражает собою весь процесс духовного развития человека. Так как исходным моментом этого развития служит постоянное противоречие мысли и жизни, основанием же этого противоречия является коренное противоречие между природным содержанием человеческой личности и механической природой физического мира, то человек естественно пытается отгадать себя и определить свое положение в мире из познания своих отношений к безусловному бытию Бога, а потому первым и непосредственным содержанием философского мышления естественно является содержание религиозных верований, и философия ближайшим образом определяет и выражает собою весь процесс религиозно-нравственного развития человека.

Философское творчество представляет собой акт, в рамках которого происходит не только переосмысление существующего и формирование нового знания об объективной реальности, но также осуществляется процесс закрепления человека в бытии. Реальность для философа — это отнюдь не мир, воспринимаемый нами как нечто внешнее по отношению к человеку, а сложнейшая проблема соединения человека и мира, проникновение человека в мир. В философской деятельности проявляется глубинное творческое стремление человека к непрерывному поиску новых путей решения существующих проблем и к самоутверждению в мире. Философское творчество несет в себе попытки прорыва к нормальному функционированию субъекта в постоянно усложняющемся мире, а в некоторых случаях, согласно Анри Бергсону, оно сродни жизненному порыву к творческому восхождению, к переходу за границы необходимости. Схожую мысль мы находим и у Н. Бердяева. «Философия, как и всякий творческий акт, устремлена к трансцендентному, к переходу за грани мировой данности. Философия не верит, что мир таков, каким нам по необходимости навязан» [11, с. 13]. В философском творчестве осуществляется акт самопревышения не только познаваемых вещей внешнего мира, но и самого себя. В творческом познании сущее лишь развивается к высшим формам, лишь возрастает.

В философском творчестве не только выявляется всеобщее в системе «мир – человек», но ей также дается определенная интерпретация

и формируются новые смыслы. Все это позволяет находить определенный ориентир в совокупности массовых решений, смыслов, заложенных в динамично развивающемся мире.

В целом философское творчество есть процесс выработки исходных, наиболее общих принципов и универсальных форм понимания мира как целого, выступающих мировоззренческими ориентирами в творческой деятельности человека. Оно нацелено на самореализацию и самосозидание мыслящего субъекта, на приведение в соответствие его духовного мира и объективных основ бытия, что в итоге универсализирует знание и придает ему целостный и всеобъемлющий характер.

1.5. Свобода и необходимость в творческой деятельности

Переход от мифа к логосу открывает перспективу свободы и необходимости в творческой деятельности. В творчестве реализуется попытка обретения свободы вне довлеющих внешних обстоятельств и различного рода противоречащих природе творца несуржиц мира. При всем этом преодолеть противоречия мира и таким образом обрести свободу через творческое усилие, направленное во вне, вряд ли возможно.

Начиная со Спинозы, свобода воспринимается в качестве осознанной необходимости. Подобного рода мысль возникает тогда, когда человек, обращаясь к пониманию своей жизни или жизни окружающих обостренно ощущает, что из-за ограниченности материальных или духовных возможностей ее изменить нельзя. Одним из модусов свободы выступает возможность выбора. Наиболее продвинутым вариантом решения проблемы свободы является сотворение новой действительности в отличие от реализации возможностей прежней. Ход рассуждений Б. Спинозы также касается и проблемы свободы воли. По мнению философа, обычно люди убеждены в своей полной и безоговорочной свободе. При этом большинство из них не стремятся проникнуться причинами, пробуждающими феномен свободы к жизни. По этой причине свобода воли уподобляется иллюзии. Только умудренное меньшинство, опираясь на знания, способно

подняться до осознания мировой связи всех причин с единой субстанцией, постигает необходимость всех своих поступков, и это позволяет им превратить их аффекты-страсти в аффекты-действия и обрести тем самым подлинную свободу. Для тех, кто встал на этот путь, истинная свобода открывается как осознанная необходимость.

У Канта, если человек действует в соответствии с нравственным законом, твердо установленным в его душе, он не более чем подтверждает себя. Но сдвиг-подвиг в отношении своего внутреннего мира — это уже творчество, создание ранее не бывшего. Собственно, творчество начинается тогда, когда «я» действует в полной мере, осознавая природу своего действия. Применительно к творчеству нужно говорить о самосозидании и создании иного. Причем одно предполагает другое: создавая некоторую предметную реальность «я» тем самым создает и самое себя.

Творчество — это самовозобновление «я», когда оно, все то же, встречается с собой заново, в результате чего творец каждый раз по мере духовного роста находит себя новым.

Творческое действие одновременно является деятельностью и параллельным промысливанием себя как творца. Оно неизбежно переходит в предметную реальность, подлежащую последующему распределению, т. е. переходу в деятельностное сознание.

Русский философ С. Н. Булгаков в своей книге «Философия хозяйства»¹ писал: «Творчество требует для своего существования двух условий: наличности, во-первых, замысла, свободы изволения и, во-вторых, мощи, свободы исполнения... Для того, чтобы хотеть, очевидно, нужна личность, это — предпосылка персонализма. Для того же, чтобы творить, надо не только хотеть, но и мочь, надо ставить себе выполнимую задачу, иначе творчество окажется или невозможным, или недовершенным» [5, с. 175]. По мнению С. Булгакова, творчество человека обладает свободой отличной от мертвого механизма вещей. По отношению к божественному творению мира из ничего она имеет определенные ограничения. В то же время эта творческая ограниченность отнюдь не сводится к особому виду механической причинности. В человеческой деятельности всегда есть место и для нового творчества. Русский философ это объясняет самим присутствием человека

¹ Булгаков С. Н. Философия хозяйства / отв. ред. О. Платонов. Москва : Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.

в мире, его неповторимостью и оригинальностью. «Каждый человек есть, в известном смысле, художник своей собственной жизни, черпающий силу и вдохновение в себе самом. Потому мертвому детерминизму, исходящему из предположения об ограниченном числе причинных элементов и их комбинаций, нет места в истории» [5, с. 271].

В процессе реализации творческого замысла творящий субъект встречается с необходимостью, которая в свою очередь направляет творческий процесс.

В отличие от С. Булгакова Н. Бердяев наделяет человека-творца гораздо большим диапазоном возможностей. Его творческая деятельность выходит за пределы наличной действительности. В противном случае оно не было бы истинным творчеством, созданием вещей и явлений, не существующих в наличной действительности — причем не только актуально, но и потенциально, в виде некоторой, только еще намечающейся тенденции. Благодаря дару творческой свободы, человек призван привести в созданный Всевышним мир нечто такое, что не содержалось в первоначальном божественном замысле. Бог не знает и не хочет знать заранее, во что выльется творческая деятельность человека и человечества. Творчество неотрывно от свободы. Творческая свобода, свободная мощь открывать потаенные стороны этого мира. В это же время «бесконечный дух человека претендует на абсолютный, сверхприродный антропоцентризм, он сознаем себя абсолютным центром не данной замкнутой планетной системы, а всего бытия, всех планов бытия, всех миров» [11, с. 36].

1.6. Противоречия в творческой деятельности.

Внутренний конфликт творца

В творчестве, как объективации собственного усилия, личность имеет дело со своим собственным содержательным наполнением. Оно может исходить не от нее, но при этом с ней неразрывно связано. Содержательное наполнение личности способно формировать как позитивную, так и негативную установку в восприятии творческого продукта. При этом природа творческой деятельности человека

наполняется диалектическими противоречиями, образующимися в ходе взаимодействия творящего человека и внешнего мира, противоречиями субъективно-волевых и внешне предметных моментов деятельности. Данное противоречие есть источник и движущая сила творчески-деятельностного процесса. Без наличия творческого противоречия деятельность не развивалась бы, а в той деятельности, где нет развития, собственно, нет и творчества. Муки творчества являются свидетельством присущих ему противоречий.

Наряду с диалектическими противоречиями, характеризующими конструктивную природу творческой деятельности, в ней присутствуют и элементы деструкции. Во многом это обусловлено тем, что «между бытием человека и всяким результатом творческого акта существует абсолютная несоизмеримость и противоположность. Когда человек остается в своем бытии, он не творит. Когда человек творит, он объективирует ценности, создает несоизмеримое с собственным бытием, не выражающее его бытия. С этой точки зрения, творить можно только культуру, т. е. ценности логические, этические и эстетические, но нельзя творить нового бытия, иной жизни» [11, с. 56].

Творческие интенции отдельно взятой личности нередко расходятся с внешними установлениями общества. Противоречия в творческой деятельности обнаруживают себя в срезе конфронтации свободы и необходимости. Творческая природа стремится сбросить оковы необходимости, однако, сама того не замечая порождает лишь трагическую двойственность человеческой природы, рвущейся из оков необходимости, но иное бытие не достигается. Все духовные и чувственные формы, включающиеся в стимулирование и реализацию творчества, возникают и реализуются как формы отражения и выражения этих противоречий в жизни и отношениях людей. Система данных противоречий бесконечна. Это не только противоречия между потребностями и условиями их удовлетворения, но и между условиями бытия и социокультурными ценностями людей, между их привычками и любознательностью.

Внутренний дискомфорт личности творца является следствием неоднозначной и во многом противоречивой природы творчества. В творческом порыве личность превосходит саму себя, тем самым создавая прецедент утверждения новых смыслов, расхожих с традиционным восприятием мира. Нередко за исключением творческого

меньшинства вновь испеченный культурный продукт не разделяется обществом. В этом прослеживается возможная культурная девиация, которая может быть устранима благодаря общественной природе творчества, принимающей новый культурный продукт как ценность.

В современной культуре творческая девиация раскрывается в дегуманизации. Как справедливо замечает Хосе Ортега-и-Гассет: «Большая часть того, что здесь названо «дегуманизацией» и отвращением к живым формам, идет от этой неприязни к традиционной интерпретации реальных вещей. Сила атаки находится в непосредственной зависимости от исторической дистанции. Поэтому больше всего современных художников отталкивает именно стиль прошлого века, хотя в нем и присутствует изрядная доза оппозиции более ранним стилям. И напротив, новая восприимчивость проявляет подозрительную симпатию к искусству более отдаленному во времени и пространстве — к искусству первобытному и к варварской экзотике. По сути дела, новому эстетическому сознанию доставляют удовольствие не столько эти произведения сами по себе, сколько их *наивность*, то есть отсутствие традиции, которой тогда еще и не существовало» [12, с. 218].

В акте творчества субъект самоустраняется для достижения органичности восприятия и, в конечном итоге, обретения себя уже на новом уровне. Фактически же устранение происходит лишь с точки зрения формального дискурса, и через это творческое самоустранение реализуется саморазвитие. Субъект творчества лишь в момент озарения способен к спонтанному самоизменению, к обновлению бытия, к выходу за пределы собственного «я» и развитию мировоззрения.

Самоизменение возможно в промежутке между единичным и общим, трансцендетальным и трансцендентным, субъектностью и иносубъектностью, по мере проникновения к бытийным основам. И если влияние мировоззрения на творчество происходит на аналитических этапах творческого процесса, контролируемых разумом, то на этапе прообраза, не имеющего дискретной протяженности, зародыша художественной реальности со свойственным ему целостным мироощущением и возможностью проникновения к бытийным основам, влияние творчества на мировоззренческую структуру наиболее действенно.

Проблема творчества неразрывно связана с выбором индивида в культурном пространстве. В. Библер обращает внимание на то, что включаясь в деятельность, я включаюсь в проблему, в неравновесность, в жизнерадостность бытия, мое бытие и мое сознание — это бытие и сознание решения проблемы. Причем, в это решение (оно от меня зависит) включается и «решение прошлого», его переформулировка, и новое значение его «расшифровки». Мое сознание развивается бытием как сознание проблемы, как мучение сдвига личности, как потенция изменения бытия. С этой точки зрения направлен тезис, что человеческая деятельность детерминируется целью.

Одной из проблем исследования культуротворческой деятельности выступает оценка творческого продукта, как самим создателем, так и сообществом людей с позиции его новизны и общественной значимости. Создатель, может быть, как удовлетворен, так и не удовлетворен конечным продуктом своей культуротворческой деятельностью. При этом его общественная оценка может расходиться с мнением самого творца. Неудовлетворенность интеллектуальным продуктом идет от непонимания его глубинной духовной природы, а его последующая интерпретация во многом снижает, а то и аннигилирует его первоначальный смысл. При всех за и против «культурный диалог в рамках настоящего исследования открывает перспективы реализации творческой деятельности как на внешнем, так и на внутреннем плане. В последнем случае речь идет о влиянии творческих процессов на духовную природу лиц, включенных в творческий диалог» [13, с. 26].

Разрушительные интенции, сокрытые в творческой деятельности, можно отнести к двум видам. Первые из них затрагивают бытийную основу творчества и выражаются в следующем: процесс сотворения новых ценностей сопровождается уничтожением прежних; активизация одной стороны творчества приводит к невозможности реализовать бесконечное множество других; творение, взятое в своем предельном выражении, порождает реальность, убеждающую творца в ограниченности его возможностей, что препятствует дальнейшему творческому поиску. Второй вид деструктивности творчества формируется в социокультурном пространстве. К нему можно отнести следующие моменты: творчество на выходе имеет результат, провоцирующий непредсказуемость социокультурных последствий; в угоду

социокультурной усредненности творчество может утратить неповторимость, т. е. свое смысловое ядро, что способно привести к разрушению личности творца [13, с. 29].

Не остается без внимания и проблема творческого участия в создании коллективного продукта. Человеческий ум способен возводить грандиозные сооружения, всячески будоражащие ум, и питающие фантазию. В создании подобного рода участвуют множество людей. При этом пальма первенства принадлежит архитектору, точнее его творческому замыслу. Что касается всех остальных участников, то они в свою очередь лишь только опредмечивают его замысел в действе, нередко имеющем механистичный характер.

Человек по-разному может реализовать свой творческий потенциал в самых различных формах социального и культурного бытия. Каждая из этих форм обладает своей «специализированной» смысловой и символической системой. Одни из них по большей части относятся к духовному, другие к материальному (физическому) миру человека. При этом не так уж непроходима граница, разделяющая физический и духовный миры. За каждым из них стоит идея, приводящая их к единому цельному человеческому бытию.

Несмотря на сложную и неоднозначную природу культуротворческой деятельности, порождающую множество противоречащих друг другу оценочных суждений, его критерии неизменны — это новизна, общественная значимость, гармония творца с внешним миром.

ГЛАВА 2

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО: СУЩНОСТЬ, СПЕЦИФИКА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

2.1. Творческие стратегии научного исследования в социальных и гуманитарных науках

Любое научное творчество должно начинаться с четкого понимания его целей, задач, желательных результатов, к получению которых стремится ученый. Опираясь на это понимание важно изначально найти правильную стратегию проведения исследовательской деятельности [14, с. 92–96; 15, с. 114–127].

Само слово «стратегия» имеет греческое происхождение, изначально оно ассоциировалось с искусством ведения военных действий. В современном значении, применительно к сфере научного познания, понятие «стратегия» означает всесторонне разработанный общий план проведения исследования. В методологии научного познания представлены различные варианты стратегий проведения научного поиска. К важнейшим из них относятся следующие стратегии:

1. Индуктивная стратегия — смысл которой состоит в систематическом отслеживании тенденций изменения изучаемого объекта. В Западной философии науки подобная стратегия часто связывается с так называемым методом «кейс-стади», получившим свое широкое распространение в 70-х гг. XX века. В зарубежной практике этот метод оказался востребованным с 1970 года, а на волне некритического заимствования всего западного, прокатившейся по нашей стране в последние десятилетия, он широко внедрился в современную отечественную методологическую парадигму. Общий смысл данного метода состоит в том, чтобы, детально изучив один или несколько «случаев», сделать на их основе обобщающий вывод о содержании глубинных процессов, протекающих в обществе. Суть этого метода достаточно тривиальна, но обладает научным значением, поскольку базируется на методологии проведения индуктивного исследования. Подобные стратегии применяются в научном познании уже много веков, западные ученые лишь придумали для этого новое громкое

название, не более того. Но сама подобная стратегия исследовательского поиска, несомненно, значима и широко применяется в методологии проведения научных исследований.

Однако следует отметить некоторую опасность некритического применения этой стратегии, которая состоит в том, что неполная индукция, составляющая основу этого метода, всегда дает только вероятностные предположения. Достоверные знания о целом может дать лишь полная индукция. Поэтому, стремясь сделать обобщающие выводы о процессах, протекающих в социуме, исследователь должен не ограничиваться несколькими отдельными проявлениями («случаями») этих процессов, а стремиться охватить своим исследованием как можно более полную картину происходящего, то есть стремиться к осуществлению как можно более полной индукции [16, с. 39–43].

Приведенные нами критические замечания относительно стратегического статуса методологии «кейс-стади», не относятся к области проведения конкретных исследований (например, в практической социологии), в которых предмет изучения ограничен достаточно узкими рамками, где речь идет не об обществе в целом или о важнейших тенденциях его развития, а о достаточно узком горизонте изменений в небольшой социальной общности. В этом случае обнаружение изменений в позициях респондентов, мнения которых ранее было выявлено и зафиксировано, действительно, может свидетельствовать об определенных тенденциях изменений (настроений, позиций, оценок и т. д.) в рамках данной общности. Обобщая изложенное, следует отметить, что методология «кейс-стади» не представляет стратегии научного поиска, но может рассматриваться как эффективная тактика проведения конкретных исследований в достаточно узких познавательных границах.

В соответствии с индуктивной стратегией организации и проведения научного исследования адъюнкт собирает эмпирический материал по своей теме, который затем обобщается с целью обнаружения закономерностей и важных тенденций изменения изучаемого объекта.

2. Дедуктивная стратегия — предполагающая реализацию подхода к изучению предмета на основе его рассмотрения через призму соответствующей научной парадигмы, фундаментальных основ конкретной науки, действующего законодательства, теории права и т. п.

Дедуктивный метод, лежащий в основе данной стратегии, дает, в отличие от неполной индукции, достоверные научные знания.

Реализация дедуктивной стратегии написания кандидатской диссертации предполагает широкое использование достоверных научных знаний (теоретических, методологических) для осмысления предмета проводимого исследования, для выяснения того, что из имеющихся в науке представлений применимо к объяснению и пониманию изучаемых феноменов.

Выделение нами отдельной дедуктивной стратегии не предполагает установления непреодолимой границы между ней и индуктивной стратегией, напротив, обе эти стратегии взаимодополняют и взаимобогащают друг друга и в практике проведения научного исследования должна достигаться определенная корреляция данных исследовательских подходов. Дифференциация выбора этих стратегий определяется целями, задачами проводимого исследования, особенностями познаваемого предмета, что позволяет говорить лишь об определенном общем приоритете той или иной стратегии в данном конкретном случае.

3. Стратегия исследования противоположностей в предмете познания — направленная на выяснение сущности изучаемого предмета путем осмысления ее проявлений в противоположных формах репрезентации и определения оснований их единства и противоположности. Глубокий диалектический потенциал данной стратегии наиболее четко раскрывается в сфере социально-гуманитарных наук, предметом изучения которых является человек, общество и многообразные сферы жизнедеятельности социума, атрибутами, сущности которых выступают соответствующие противоречия. Методологическое значение познавательной стратегии, направленной на выяснение подобных противоречий, состоит в том, что она позволяет выявить источники социальных или ментальных изменений, обнаруживать возможности и средства снятия остроты борьбы противоположностей, предсказывать назревание определенных социальных проблем [17, с. 112–116].

В практике подготовки и написания адъюнктами диссертаций реализация данной стратегии предполагает:

1) четкую постановку проблемы, которую призвано решить проводимое исследование;

2) изучение истории этой проблемы, включающей в себя полемику между специалистами в данной области, борьбу противоположных научных позиций и школ, столкновение мнений и т. п.;

3) использование при проведении исследования диалектического методологического инструментария;

4) предлагаемое диссертантом решение научной проблемы.

Конкретной формой тактической реализации данной исследовательской стратегии может служить социологический метод исследования «дна» и «элиты» общества, получивший свою актуализацию в современной парадигме социального познания. Репрезентацией «дна» общества выступают бомжи, наркоманы, бродяги, алкоголики и прочие асоциальные элементы социума. «Элиту» ассоциируют с артистами, известными спортсменами, учеными, политиками, представителями крупного бизнеса и т. д. Применение данного метода исследования социума позволяет глубже понять остроту социальных противоречий, назревание социальных конфликтов и разработку мер по их снятию и т. д. [18, с. 63–72].

4. Стратегия объяснения изучаемых феноменов — предполагающая переход от научного описания исследуемых явлений к объяснению их сущности. Методология научного объяснения предполагает выяснение законов функционирования и изменения объекта, при учете конкретных условий их реализации в определенной форме реальности (природной, социальной или виртуальной), благодаря чему выявляется сущность соответствующих феноменов, формируется основа для осуществления научных предсказаний, ретросказаний, оценок и т. д.

В практике проведения диссертационного исследования данная стратегия реализуется на основе перехода от описательной части работы, которая фиксирует собранный эмпирический материал, к ее объяснительной части, предполагающей формирование теоретических положений, выполняющих объяснительные функции по отношению к эмпирическому материалу.

5. Стратегия критической рефлексии изучаемого материала — состоящая в разностороннем оценочном подходе к исследуемым явлениям, а также к представленным в научной литературе мнениям по их поводу [19; 20]. Основы данной стратегии были заложены еще Сократом, выделявшим в качестве важного аспекта своего познавательного

метода — иронию, то есть критику недостаточного или неправильно-го мнения оппонентов. С тех пор критическая рефлексия изучаемого материала становится атрибутом научной деятельности.

Стратегия критической рефлексии предполагает не только соответствующее оценочное отношение к исходному познавательному материалу, но и разносторонность и многогранность исследовательских подходов, позволяющих обнаружить позитивные, эвристически ценные аспекты объекта критического анализа и выявить его слабые стороны и недостатки. Само понятие критики в данном контексте не обладает только негативными коннотациями, гораздо более значимой выступает ее позитивная сторона, стремление обнаружить рационально обоснованный смысл аксиологически противоречивых феноменов.

В работе по подготовке и проведению научных исследований адъюнктам следует применять стратегию критической рефлексии изучаемого материала на всех этапах их деятельности: начиная от критической оценки собираемого эмпирического материала и его верификации, заканчивая формулировкой положений диссертации, выносимых на защиту (что является примером позитивной и плодотворной самокритики).

Приведенный перечень возможных стратегий организации научной деятельности не является исчерпывающим. Выбор той или иной стратегии определяется самим исследователем, который вправе разработать и предложить собственную эвристическую стратегию, в наибольшей степени соответствующую специфике изучаемого объекта. Важнейшими детерминантами выбора стратегии являются объект, предмет, цели и задачи исследования, используемый методологический инструментарий и, конечно, сам субъект познания — ученый, наделенный определенными способностями, знаниями, предпочтениями и т. п. Именно субъект, как источник познавательной активности, реализующий ее в системе исследовательских действий, определяет и цели и задачи и выбор методов их достижения.

Безусловно, субъект научного познания — ученый, наделен всеми формами человеческой субъективности, включающей в себя его симпатии, антипатии, вкусы, мировоззренческие убеждения и т. п., но это не означает субъективного произвола исследователя. Наука требует объективности в рассмотрении явлений.

Как же соотносится принцип объективности, как атрибут научного познания, с субъективными предпочтениями ученых?

Свобода научного поиска, право субъекта выбирать тему, объект, предмет, методологический инструментарий проводимого исследования преобладает на начальных этапах работы, но будучи выбрана и сформирована сама стратегия организации и проведения научной деятельности начинает требовать от субъекта выполнения соответствующих норм и правил осуществления познавательных операций и процессов. В завершение работы ученый должен получить определенные результаты, обладающие абсолютно объективными характеристиками, не зависящими от любых форм человеческой субъективности.

Можно выделить определенную закономерность изменения соотношения субъективности и объективности на различных этапах исследовательского поиска ученого: влияние субъективных факторов в процессе научного поиска снижается по мере продвижения исследования от его начальных этапов к завершению работы, а в итоговых результатах и выводах происходит достижение научной объективности.

Может возникнуть вопрос: как быть с объективностью тенденциозно написанных работ, в которых идеологические, мировоззренческие, политические предпочтения, симпатии и антипатии определяют и полученные результаты? Ответ на него достаточно прост: подобные работы не обладают научным статусом! Они могут представлять политические программы, констатацию идеологических убеждений, религиозные произведения, но только не науку!

Отмеченная нами тенденция трансформации исходных субъективных установок ученого в объективные результаты проведенного исследования, относятся к общей методологической стратегии Науки, без ее дифференциации по различным областям знания. В сфере социально гуманитарных наук проблема методологической субъективности в значительной степени усиливается проблемой субъективности самого предмета исследования – человека и общества. Субъективность в данном случае выступает неотъемлемым атрибутом, как индивидуального человеческого сознания, так и многообразных форм общественного сознания, а именно они и специфические формы жизнедеятельности, организованные на их основе, и составляют предметы изучения социальных и гуманитарных наук.

Все в человеческих действиях и в человеческом обществе пронизано субъективностью, которая может определять соответствующие поступки и действия, но общество представляет собой сложно организованный социальный организм, для которого характерными являются конфликты и противоречия между составляющими его социальными субъектами (индивидами, семьями, политическими партиями и т. п.). Субъективное осознание объективных социальных противоречий способно резко обострить конфликтные ситуации в обществе, та или иная форма разрешения которых выступает репрезентацией определенных социальных закономерностей.

Что же, помимо результатов и выводов исследований, составляет объективную основу реализации научной стратегии в области социально гуманитарных наук?

Таковую основу образуют две важнейшие формы научного познания — факты и законы. Обе эти формы носят объективный характер. Именно они образуют методологическую основу осуществления важнейших эвристических процедур — объяснения, предсказания, ретросказания и доказательства, определяющих научный характер используемой методологии.

В меньшей степени проявляются возможности достижения объективности в процедурах интерпретации и оценки. Это обусловлено тем, что интерпретация представляет собой придание смысла любым проявлениям человеческой деятельности, а определение смысла содержит достаточно большой простор для субъективности. Именно поэтому одной из важных гносеологических характеристик интерпретации выступает атрибутивная возможность иных интерпретаций. Различие интерпретаций одних и тех же фактов может вести к тенденциозному их осмыслению.

Оценка также оставляет большой простор для проявления субъективности, поскольку может соотносить свой предмет с определенной системой ценностей, среди которых возможно наличие и иррационально осмысленных и ненаучных ценностей.

Подобная специфика познавательных процедур интерпретации и оценки, состоящая в достаточном просторе для проявления субъективности даже в результатах их применения, требует от исследователей особого внимания к их объективному использованию

и методологической осторожности, направленной на то, чтобы избежать или хотя бы минимизировать субъективное влияние.

Мы выяснили, что факты и законы выступают важнейшими основополагающими формами научного познания, обеспечивающими объективную обоснованность получаемых результатов. Но насколько широко представлены в методологии социально гуманитарного познания эти формы?

Факт, понимаемый как достоверное эмпирическое описание события или явления, предполагает возможность различных интерпретаций, что продуцирует острые научные дискуссии. Но само достоверно установленное событие не может вызывать научные споры. Примером этого, служит ожесточенный спор, развернувшийся по идеологическим мотивам, вокруг такого социального явления нашей отечественной истории, как Великая Октябрьская социалистическая революция. Мнения спорящих сторон разделились на крайние противоположности. Но ожесточенный спор касается только оценок или интерпретаций этого события. Сам факт его свершения в 1917 году не подлежит никакому сомнению и никем не оспаривается.

Можно констатировать, что социально гуманитарное познание располагает большой фактуальной базой, позволяющей основывать на ней теоретические научные обобщения и проверять выдвигаемые гипотезы.

Проявляются ли в процессах функционирования и изменения общества особые социальные законы, также вызывает споры в научном сообществе. Представители некоторых философских направлений ставят это под сомнение, на основании уникальности и неповторимости социальных событий. А если нет повторяемости в развитии общества, то нет, и не может быть никаких социальных законов.

Подобное сомнение в существовании общественных закономерностей является научно некорректным, поскольку игнорирует факты и абсолютизирует степень уникальности социальных явлений.

Социальные явления, конечно, уникальны и неповторимы, но не более чем уникальны и неповторимы любые события, происходящие в животном или растительном мире, являющемся предметом изучения естествознания. Однако относительно природных законов никто не высказывает сомнений в их существовании. Уникальность является важной характеристикой объектов не только

живой, но и неживой природы. Так, например, в мире не существует двух одинаковых капель воды или снежинок.

Повторяемость выступает атрибутом любого закона, поскольку любой закон — это необходимая, существенная, повторяющаяся связь между явлениями. Есть ли повторяемость в социальных процессах? Ответ на этот вопрос, безусловно, положительный! Что же повторяется в истории развития общества? Повторяются социальные ситуации, в которые последовательно попадают люди, народы, поколения и все человечество.

Под влиянием научной аргументации, споры о реальности экономических, политических, психологических и пр. социальных закономерностей завершились их безусловным признанием, однако, центр последующей дискуссии сместился в сторону сомнений в существовании особых исторических закономерностей, отличающихся от других социальных законов [21].

В ходе длительной дискуссии по данному поводу сформировались две противоположные позиции, которые можно условно обозначить как позиции противников и сторонников существования специфических исторических законов.

Основные аргументы, выдвигаемые учеными отрицающими существование специфических исторических законов, можно свести к следующим положениям:

1. Не существует особой специфической исторической деятельности людей, а, следовательно, и ее законов. Процесс развития общества детерминируется экономическими, политическими, идеологическими, религиозными и т.п. формами деятельности, обладающими собственными законами.

2. Любой процесс человеческой деятельности имеет свою историю, и в силу этого может считаться историческим. Экономические, политические, идеологические законы прошлого все несут исторический характер.

3. Исторический закон служит лишь формой конкретизации социологического закона, как закона представляющего более высокий уровень теоретического обобщения.

4. Методологическое использование категории «исторический закон» затрудняет дифференциацию исторического и логического методов исследования.

Перечисленные аргументы, по нашему мнению, не являются достаточными для обоснования отсутствия в методологическом инструментарии исторической науки собственных законов.

Особой исторической деятельностью как предмета изучения исторической науки, безусловно, не существует. Можно использовать данное понятие в аксиологическом аспекте, для подчеркивания значимости последствий определенных действий. В социально-онтологическом же смысле историческая деятельность интегрирует в себе все возможные формы жизнедеятельности социума.

В обществе не существует в чистом виде никакого отдельного вида деятельности, не связанного с другими видами. Экономические законы испытывают на себе огромное влияние политических установок, политика детерминирована идеологическими ценностями и т. д. В реальном историческом процессе все это тесно переплетено и взаимодетерминировано, что и находит свое отражение в исторических законах. Исторический закон фиксирует связь многообразных факторов социальной ситуации в их конкретно-неповторимом виде.

Можно согласиться с тем, что исторический закон является конкретизацией социологического закона, при этом следует уточнить, что социологические законы представлены на двух уровнях теоретизации: 1) на уровне общих социологических теорий; 2) на уровне методологии конкретных социологических исследований, представляющих, во многих случаях, определенные эмпирические обобщения. Исторические законы конкретизируют связи между явлениями первого уровня.

В четвертом аргументе, связанном с проблемой дифференциации исторического и логического методов исследования, явно прослеживается тенденция отождествления исторического метода с самой исторической наукой, что представляется некорректным, поскольку сама историческая наука использует в своем эвристическом инструментарии не только исторический метод, но и логический.

На основании вышеизложенного, представляется возможным выделять в методологии исторического познания особые «исторические» законы, важнейшими особенностями которых является:

1. Пространственно-временная определенность действия исторического закона, конкретизирующего специфику взаимодействия социальных связей в рамках сложившейся ситуации.

2. Отражение взаимосвязи различных факторов исторического события: политических, экономических, идеологических и т. п.

3. Ретроспективность действия исторических законов, состоящая в том, что они телеологически ориентированы, главным образом, на познание прошлого. Нельзя отрицать возможного предсказательного потенциала подобных законов, но данный потенциал может раскрываться на уровне более широких теоретических обобщений выступающих предметом широкого комплекса социальных наук (философии истории, политологии, социологии и т. д.).

4. Усиление эвристической значимости исторического закона в соответствии со степенью детализации его проявления в рамках конкретной социальной ситуации. В отличие от этого эвристическая ценность социологического закона усиливается по мере его восхождения от локального уровня к всемирно-историческому.

Рассматривая стратегии научного исследования в социальных и гуманитарных науках, следует отметить, что в рамках проведения конкретных исследований, решение стратегических задач реализуется через применение тактических методов, которые в своей совокупности и позволяют достигать стратегических успехов. Это определяет значимость учета частных методов, при формировании общей стратегии проводимого исследования.

Социально-гуманитарная сфера научной деятельности располагает широкой системой узкоспециализированных познавательных методов. Примером подобных методов, узкоспециализированных, но имеющих самое широкое применение в стратегических проектах различных социальных и гуманитарных наук, могут служить методы: социологического, массового и экспертного опросов, анкетирования, собеседования и т. д.

Для понимания специфики изучаемого вопроса представляется важным отличать понятие «методология проведения научного исследования» от понятия «стратегия проведения научного исследования». Эти понятия не тождественны по своему содержанию. Дифференциация данных понятий может быть осуществлена по следующим основаниям:

1) по содержательно-сущностному основанию, в соответствии с которым в отличие от «методологии проведения научного исследования» представляющего собой тот методологический инструментарий

(т. е. систему методов и процедур познания, которые ученых применяет в своей исследовательской практике), «стратегия проведения научного исследования» предполагает осуществление управления и планирования проводимой научной деятельностью;

2) по телеологическому основанию различие между этими понятиями проходит по целям, на которые ориентированы данные эвристические феномены: методологические цели связаны с решением конкретных познавательных задач проводимого исследования, стратегические — с достижением его главной цели (которая конкретизируется в системе задач исследования);

3) по степени универсальности: методология науки всегда носит универсальный характер, поскольку представляет собой систему общих норм и правил осуществления соответствующей деятельности; стратегия в большей степени индивидуальна, и определяется конкретными условиями и целями научной деятельности.

Обобщая материал, изложенный в данном параграфе, можно сформулировать следующее определение понятия «стратегия научного исследования». В широком плане понятие «стратегия научного исследования» представляет собой искусство организации и управления проведением процесса исследовательского поиска, включающее в себя планирование и прогнозирование хода научной деятельности, выбор и эффективное применение методологического инструментария, обеспечение материальных ресурсов, необходимых для достижения соответствующих эвристических целей.

Логика планирования научной деятельности представляет собой систему регулятивных принципов организации исследовательского процесса. Это более узкое понятие по сравнению с понятием «стратегия научного исследования», поскольку связано лишь с одним узкоспециализированным аспектом стратегии — обнаружением основополагающих принципов реализации определенной стратегии в конкретизированной области ее применения.

Разработка логики планирования научной деятельности представляет собой очень сложную и методологически важную задачу, от успешного решения которой, в значительной степени, будет зависеть и результативность самого проводимого исследования.

Определение логики планирования научной деятельности не является продуктом субъективных установок и предпочтений ученого,

она детерминирована многими объективными факторами, среди которых большое значение имеют:

- 1) специфика объекта и предмета исследования;
- 2) цели и задачи проведения исследовательского поиска;
- 3) степень сложности изучаемой проблемы;
- 4) уровень научных компетенций самого ученого;
- 5) степень разработанности данной проблемы в соответствующем направлении научного познания;
- 6) наличием общих законов мыслительной деятельности, определяющих основополагающие особенности ее планирования, учитываемые всеми учеными;
- 7) общей логикой проведения подобных видов научной деятельности, принятых научным сообществом в рамках действующей парадигмы и т. д.

Несмотря на указанные факторы объективной детерминации общей логики научного исследования, в ней всегда остается простор для творчества ученого. Планирование научной работы предполагает, прежде всего, определение ее целей и задач, средств достижения этой цели, а также выделение основных, логически связанных между собой этапов проведения исследовательской работы.

Общим правилом планирования этапов научной деятельности является последовательное решение задач предшествующего этапа, выступающее необходимым и достаточным основанием для перехода на следующий этап и решения эвристических задач, запланированных для него. В большинстве случаев подобное правило полностью реализуется в деятельности ученых, однако, из этого правила возможны исключения, обусловленные спецификой проводимого исследования и выше перечисленными объективными факторами его детерминации.

Ученый не всегда может заранее предвидеть те проблемы и сложности, с которыми он столкнется при проведении исследования. Сложность некоторых из этих проблем (к их числу относятся материально-ресурсные, временные, организационные и прочие проблемы, решение которых не полностью зависит от ученого) продуцирует необходимость пересмотра последовательности решаемых задач, вследствие чего, задачи разных этапов спланированной

научной деятельности могут решаться в иной последовательности или параллельно друг другу.

Количество планируемых этапов может быть различным, при подготовке кандидатской диссертации эти этапы могут совпадать с прогнозируемым временем написания глав и параграфов данной работы. Разумеется, планирование адъюнктом своей работы по написанию диссертации должно осуществляться при непосредственном контакте со специалистами кафедры и под руководством научного руководителя.

Осуществление планирования научной деятельности и определение общей логики проведения исследования, в виду своей сложности, предполагает учет наработанных стандартов в этой области, принятых в рамках действующей научной парадигмы, поэтому важно критически осмыслить в данном вопросе мнение специалистов, по планированию научной деятельности.

Рассмотрим некоторые из подобных вариантов планирования.

Первый вариант планирования проведения научного исследования предлагает Б. А. Ашмарин, который фиксирует следующую, весьма распространенную модель планирования последовательности осуществления этапов проведения научного диссертационного исследования:

1) изучение научной литературы по теме исследования и анализ практики того вида деятельности, который составляет предмет диссертации;

2) выбор темы диссертации и обоснование ее актуальности и теоретической и практической значимости;

3) определение целей и задач проводимого исследования;

4) строгая формулировка названия диссертации;

5) формулировка гипотезы проводимого исследования;

6) составление плана исследования с прогнозируемыми этапами его реализации;

7) «подбор испытуемых, выбор методов исследования, подготовка помощников, заготовка документов, организация условий, сбор материала, обработка материала»,

8) оформление результатов исследования и внедрение их в практику [21].

Второй вариант планирования проведения научного исследования представлен в работах В. И. Загвязинского, который выделяет следующие этапы организации научной работы по подготовке диссертации:

1) определение темы, уточнение объекта и предмета исследования, формулировка познавательных задач, выдвижение гипотезы, определение фактуальной эмпирической базы, экспликация ведущей идеи и замысла работы;

2) определение методов проведения исследования, верификация, осмысление и систематизация фактов, проверка изначально выдвинутой гипотезы (что предполагает ее подтверждение или опровержение), формулировка и обоснование предварительных выводов, формулировка заключительных выводов (положений выносимых на защиту);

3) оформление итогового текста, отражающего результаты проведенного исследования и внедрение их в практику [20].

Третий вариант логической модели планирования проведения научного исследования представлен в работах А. А. Хагурова и И. Н. Кузнецова [22]. Их логическая модель планирования предполагает выделение следующих этапов:

1. Концепция — теория — гипотеза;

2. Перевод ключевых слов в измеряемые показатели — индикаторы;

3. Определение объекта и предмета наблюдения;

4. Наблюдение до введения экспериментального стимула;

5. Наблюдение после введения экспериментального стимула;

6. Анализ результатов и оценка гипотезы;

7. Представление результатов исследования.

Основное отличие этой третьей модели от первых двух состоит в ее детализации методики проведения эксперимента, которая конкретизируется в трех этапах данной модели (четвертом, пятом и шестом), что представляется избыточным даже для тех стратегий проведения научных исследований, в которых эксперимент может иметь место в системе методологического инструментария.

Вызывают сомнение также первые два пункта рассматриваемой модели.

В первом пункте обозначается логическая последовательность этапов исследования, идущая от формулировки общей концепции к теории и от нее к гипотезе, но это нарушает общепринятое в методологии научного познания представление о движении исследовательского процесса от гипотезы к теории, но не наоборот. Конечно, между гипотезой и теорией существует диалектическая взаимосвязь: будучи подтверждена, гипотеза сама становится научной теорией, которая, в свою очередь, может служить основанием выдвижения новых гипотез. Но эта диалектика работает только в широком историческом контексте развития научного познания, в рамках отдельно проводимого, конкретного научного исследования теория не может предшествовать собственной гипотезе.

Во втором пункте, посвященном переводу ключевых слов в измеряемые показатели — индикаторы, имеет место абсолютизация значения подобного вида научной деятельности, что может иметь значение при написании научной статьи, но не обладает универсальностью в общей логике организации подготовки диссертационных работ.

Проводя сравнительный анализ всех трех вариантов логических моделей планирования проведения научного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Общим атрибутом этих моделей выступает этап выдвижения гипотезы, логически предвещающей ход дальнейшего исследования. Но подобная изначально сформулированная, по отношению к будущему процессу исследования, гипотеза имеет смысл лишь при условии ее экспериментальной верификации. Но эксперимент, как мы увидим ниже, применим не во всех науках. Изначально сформулированные гипотезы, не получив своего экспериментального подтверждения, «зависают в воздухе», так и не превращаясь в научные теории.

Одной из причин этой методологической проблемы выступает многозначность толкования самого понятия «гипотеза», которое имеет как минимум два основных значения: 1) форма научного познания, представляющее собой целостную систему научных представлений и их подтверждений, характеризующееся недостаточной доказанностью (в этом значении гипотеза соотносится по своему содержанию с научной теорией и, будучи доказанной, гипотеза сама становится научной теорией); 2) научное предположение.

В методологии современной науки более распространение получило второе (узкое) понимание смысла гипотезы, которое отождествляет в данном случае «часть» и «целое», гипотезу как достаточно развернутую в содержательном плане цельную систему представлений, и лежащее в ее основе гипотетическое предположение.

Эта терминологическая нестыковка порождает ошибочное представление о том, что любое научное исследование должно начинаться с выдвижения гипотезы, но это не так, ни в первом, ни даже во втором (узком) значении данного термина. В широком смысле, доказанная гипотеза, ставшая научной теорией, представляет собой завершающий этап научного исследования и стремление ее сформулировать перед началом научного поиска логически некорректно. В узком смысле, гипотеза, как гипотетическое предположение, также не может иметь универсальной представленности в любом проводимом исследовании, поскольку ученый далеко не всегда изначально, априорно, знает, что он откроет в результате своей познавательной деятельности.

На основании этого можно заключить: 1) изначально выдвижение гипотезы до самого проведения исследования не является обязательным элементом планирования научной деятельности; 2) выдвижение гипотезы в начале исследования имеет смысл лишь при условии ее последующей экспериментальной верификации.

2. Эксперимент, призванный подтвердить изначально известную ученому гипотезу, не может иметь универсальный статус в логике организации научной деятельности. Действительно, в каких-то направлениях научного познания эксперимент является важнейшим методом познавательной деятельности. К таким направлениям относятся, прежде всего, физика, химия, биология, педагогика, психология, судебная экспертиза и т. д. Но, наряду с этими науками, существуют направления научного поиска не предполагающие возможности проведения экспериментов. Примерами подобных наук являются — философия, теория государства и права, многие конкретные отрасли юриспруденции, политическая экономия, историческая наука и т. д.

В этой связи можно сформулировать определенную закономерность: чем более абстрактна и теоретична наука, тем меньше возможности использования в ней экспериментальных методов проведения

исследований, и наоборот. Данная закономерность носит универсальный характер и действует даже в тех науках, в которых практика экспериментирования важна и востребована. Примером этого является теоретическая физика, выходящая на уровень осмысления бесконечного Космоса, то есть бесконечно далеко за границы возможностей практической проверки своих гипотез. А эксперимент — это важнейший метод эмпирического уровня исследований и за рамками практики он не применим. Для снятия этого очевидного противоречия и было придумано новое понятие «мысленный эксперимент», которое никоим образом не коррелируется с самой сущностью эксперимента.

На основании этого, можно утверждать, что проведение эксперимента не является универсальным и обязательным этапом любого научного исследования, а, следовательно, и не может быть атрибутивным элементом логических моделей планирования проведения научного исследования.

3. Из трех рассмотренных моделей наиболее полно раскрывает практические реалии планирования проведения научного исследования — первая логическая модель.

Корректируя терминологические неточности проанализированных моделей, представляется целесообразным заменить термин «гипотеза» на понятие «замысел», которое подразумевает основополагающую идею, объединяющую все структурные компоненты общей логики планирования проведения научного исследования. Подобный замысел действительно предваряет любой процесс исследовательской деятельности.

Замысел исследования служит основой и организующим принципом построения логики планирования будущей научной работы. На основе первичного замысла, ученый осознает проблемность интересующего его направления научного поиска, определяет объект и предмет исследования, формулирует тему реализуемого научного проекта, определяет цель и задачи исследования, подбирает методологический инструментарий проводимого исследования.

2.2 Методологические основы научно-исследовательского творчества

Одной из важнейших задач философии по отношению к конкретным наукам является осуществление методологической функции, состоящей в разработке универсальных методов, процедур и форм познавательной деятельности. Научный метод познания можно определить как систему регулятивных норм организации теоретической и практической деятельности, выработанных субъектом познания, на основе сущности и специфики изучаемого объекта.

Научный метод познания представляет собой яркое проявление единства субъективного и объективного: он разрабатывается ученым, выступающим субъектом познавательной деятельности, но объективен, т. е. не зависит по своему содержанию и формам применения от своего разработчика. В практике проведения конкретного научного исследования выбор метода, который целесообразнее всего применить в данном случае, детерминируется спецификой изучаемого объекта, целями и задачами осуществляемого исследования, требуемой глубиной рассмотрения проблемы.

В научной литературе, посвященной методологии познавательной деятельности, широко представлены две классификации познавательных методов. Различие между ними определяется разницей исходных оснований построения данных классификаций.

Первая классификация построена на основе определения границ применения методов в процессе познания. По этому основанию научные методы подразделяются на три большие группы:

Первую группу составляют всеобщие методы, отличительной особенностью которых является возможность их применения во всех науках и на всех этапах познания, они раскрывают общую логику, стратегию исследовательского поиска. Данную группу составляют философские методы, важнейшими из которых являются: диалектический метод, метафизический метод, логический и исторический методы, метод восхождения от абстрактного к конкретному и т. д.

Вторую группу образуют общенаучные методы, которые также обладают универсальными характеристиками и используются во всех науках, но, в отличие от всеобщих методов, применяются лишь

на определенных этапах познания. В эту группу входят такие методы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование, эксперимент и т. д.

Третья группа объединяет частные методы, для которых характерны узкие границы их применения, они, как правило, используются лишь в пределах одной науки, либо в ограниченных рамках близких областей проведения научных исследований. Примерами подобных частных методов могут служить: метод препарирования, применяемый в биологии (применение этого метода можно обнаружить и в действиях патологоанатома), радиоспектральный метод, используемый в физике и т. д.

Первая классификация построена на базе дифференциации методов в соответствии с уровнями научного познания. По этой традиционной для научной методологии классификации методы подразделяются на эмпирические, основанные на получении знания из опыта. Эту группу составляют такие методы как наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент, описание и теоретические, использующие логические способы получения знаний при помощи соответствующих умозаключений и обобщений. Примерами методов этой группы являются: метод абстрагирования, аксиоматизации, формализации, восхождения от абстрактного к конкретному и др. При рассмотрении данной классификации следует обратить внимание на то, что она обладает одним существенным недостатком, который состоит в ее неспособности дифференцировать ряд важнейших методов по заявленному основанию построения данной классификации. Так, ряд важнейших общенаучных методов познания, таких как анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование и др., могут использоваться как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях. Это серьезный недостаток данной классификации, но, вследствие ее широкой репрезентации в современной научной литературе, ее следует знать и учитывать в тех познавательных ситуациях, в которых данный недостаток не проявляется.

Обратимся к рассмотрению сущности и специфики методов проведения научного исследования. Начнем с самых простых, но, вместе с тем, фундаментальных эмпирических методов, на основе которых формируется более сложный методологический инструментарий науки.

Исторически первым методом, применяемым человеком в его познании мира был метод наблюдения. От обыденного наблюдения, широко представленного в процессах жизни любого человека, научный метод наблюдения отличается рядом важнейших принципов, соблюдение которых обязательны для его научного статуса. К подобным принципам относятся: принцип планомерности, принцип систематичности, принцип активности (некоторые авторы относят метод наблюдения к так называемым пассивным методам исследования, очевидно, ассоциируя это с ученым, сидящим за микроскопом, однако, проведение целого ряда наблюдений требует от исследователя большой активности, например, наблюдение за поведением диких животных в естественной среде), принцип сведения до минимума субъективного влияния. Важнейшими функциями метода научного наблюдения в проводимом исследовании являются: функция сбора эмпирической информации для постановки проблем, выдвижения гипотез и обобщения собранного материала; функция проверки достоверности выдвигаемых научных предположений.

Следует учитывать различие двух возможных видов научного наблюдения. Первый вид наблюдения называется прямым, он связан с непосредственным восприятием ученым изучаемого объекта. Второй вид наблюдения — косвенный, его особенностью является опосредованное восприятие объекта, через изучение результатов его взаимодействия с другими объектами. Классическим примером подобного косвенного наблюдения выступает применение в физике камеры Вильсона, которая позволяет наблюдать лишь следы заряженных микрочастиц, а не сами эти частицы.

Более сложным методом, возникающим на основе наблюдения, является метод сравнения. Суть этого метода научного познания состоит в установлении сходства и различия между изучаемыми объектами. Необходимым условием научного статуса применения данного метода выступает неукоснительное соблюдение двух основных требований.

Первое из них состоит в том, что нельзя сравнивать заведомо несравнимые объекты, то есть сравнение должно проводиться по общему логическому основанию. Любое нарушение данного требования делает сравнение ненаучным.

Второе требование связано с необходимостью проводить сравнение по наиболее важным признакам. Не соблюдение это требования влечет за собой опасность для исследователя запутаться в чрезмерно большом количестве параметров проводимого сравнения, в результате чего так и не получить его качественные результаты.

Сравниваемые в процессе исследования объекты могут соотноситься между собой непосредственно, что дает возможность получения качественных результатов и опосредованно, т. е. сравнение осуществляется на основе соотнесения сравниваемых объектов с каким-то третьим объектом. Разновидностью и конкретизацией подобного опосредованного сравнения является метод измерения.

Процедурная сущность метода измерения состоит в выяснении количественных характеристик объекта при помощи соответствующего эталона. Такими эталонами в научном познании выступают общепринятые единицы измерения — метр, килограмм, километр и т. п. Определение количественных параметров изучаемого объекта позволяет в ходе проводимого исследования осуществлять дальнейший научный анализ его качества.

Важнейшим методом эмпирического уровня исследования является эксперимент, сущность которого состоит в создании ученым искусственных условий, позволяющих обнаруживать интересующие его свойства изучаемого объекта.

В процессе научного исследования эксперимент может выполнять следующие основные функции:

1) обнаружение ранее неизвестных объектов или их определенных характеристик;

2) выявление или уточнение количественных параметров изучаемого объекта (то есть его измерение);

3) уточнение соотношения между объектами, их сравнение между собой, что может служить эмпирической основой определения их сущности и построения соответствующей классификации объектов;

4) обоснование ранее выдвинутых гипотетических предположений (экспериментальное подтверждение гипотезы является надежным и убедительным способом ее доказательства, что обусловлено тем, что эксперимент выступает в качестве одной из трех главных форм практического подтверждения истины).

В соответствии с указанными функциями в научной методологии выделяют следующие основные виды экспериментов: поисковые, измерительные; проверочные; доказательные и т. п.

В современной научной литературе можно часто встретить указание на так называемые мысленные эксперименты, которые, как правило, соотносятся с изучением бесконечного Космоса, т. е. бесконечно далеко выходят за пределы человеческой практики. Но эксперимент — это одна из главных форм именно практической проверки истины. Не основанные на практике, «мысленные» эксперименты по своей сути представляют собой подмену научных понятий: понятия «эксперимент» заменяется понятием «моделирование». Действительно, «мысленные» эксперименты, по мнению их сторонников, состоят в логическом или математическом моделировании соответствующих явлений или процессов. Такая подмена понятий является научно некорректной, поскольку она продуцируется либо отождествлением методов эксперимента и моделирования, либо выступает продуктом субъективного желания некоторых ученых придать убедительность своим космологическим предположениям, доказать которые практически невозможно.

Важным методом эмпирического познания является также метод описания, сущность которого состоит в фиксации характеристик объекта в определенной знаковой форме. Конкретными репрезентациями подобных знаковых форм выступают слова разговорного языка, научная терминология, символы, формулы и т. п. Спецификой метода описания является его универсальный характер, вследствие чего он может быть отнесен к всеобщим методам, но в отличие от других всеобщих методов, он может действовать на всех этапах проводимого исследования. Это определяется тем, что описание предваряет любой исследовательский процесс, уточняя предмет его познавательного интереса, информационно фиксирует сам ход этого процесса и текстуально оформляет его результаты.

Главной особенностью человеческого сознания выступает его способность к абстрактному мышлению. В сфере методологии научного познания это находит свою конкретизацию в методе абстрагирования, состоящем в отвлечении от несущественных свойств объекта и фиксации внимания на главных, существенных свойствах. Метод абстрагирования выполняет принципиально важные функции в научном

исследовании, обеспечивая саму возможность его проведения. Эвристическая значимость данного метода ярко раскрывается в конкретных результатах его применения – в видах получаемых абстракций: 1) абстракции отождествления состоящей в образовании научных понятий, осуществляемом на основе объединения изучаемых объектов в особый класс, что возможно лишь при их мысленном отождествлении между собой; 2) изолирующей абстракции, представляющей собой выявление свойств, несуществующей отдельно от реальных предметов, и обозначение их соответствующими именами, в результате чего эти свойства в нашем сознании начинают существовать и рассматриваться как самостоятельные объекты научного интереса (примером это могут служить такие свойства предметов, как белизна, растворимость, устойчивость и т. п.); 3) абстракции конструктивизации, основанной на отвлечении от сложности и неопределенности границ реальных объектов.

Достаточно простыми, но вместе с тем, фундаментально основополагающими методами познания являются два взаимодополняемых и взаимосвязанных метода — методы анализа и синтеза. Метод анализа представляет собой совокупность приемов мысленного разделения изучаемого объекта на составляющие его части, что позволяет осуществить их детальное изучение. Метод синтеза объединяет в себе группу приемов мысленного соединения разделенных в анализе составных частей целого, с целью получения его обобщенных характеристик.

Научные представления о специфике анализа и синтеза возможно получить только применяя изолирующую абстракцию, поскольку в реальном познавательном процессе они неотделимы друг от друга, их неразрывная взаимосвязь состоит:

1) в их взаимообусловленности, поскольку для осуществления анализа необходимо представление о целом объекте, что предполагает имеющийся в нашем сознании результат предшествующего синтеза, а для проведения синтеза необходимы представления об отдельных частях единого целого, что достижимо лишь на основе уже совершенного анализа;

2) взаимодополняемости, детерминированной тем, что метод анализа позволяет раскрыть специфику, свойственную частям единого

целого, а метод синтеза направлен на выяснение того существенно общего, что объединяет части объекта.

В методологии научного познания классическим примером конкретного проявления взаимодополнения методов анализа и синтеза выступает дифференциально-интегральный метод в математике. Чтение человеком какого-либо текста или запись им определенной информации также возможно лишь на основе аналитико-синтетической деятельности разума по отношению к звуковой и буквенной структуре слова.

Отдельным видом аналитической деятельности обладающей явно выраженной методологической спецификой выступает метод субстратного анализа, который в истории науки всегда был одним из первичных способов изучения объекта. Генетическая первичность метода субстратного анализа не свидетельствует о том, что он представляет собой чисто эмпирический уровень познания, данный метод может эффективно использоваться как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях познания.

Реализация в практике проведения научного исследования субстратного метода заключается в поиске минимально достаточных оснований формы существования и развития изучаемого объекта, представляющих собой относительно простые, качественно элементарные элементы его составляющие.

Примерами результатов применения метода субстратного анализа в методологии научного познания выступают многие фундаментальные научные открытия. Так, в современной науке субстратом всех природных явлений считается материя; все известные физические явления и процессы имеют своим субстратом элементарные частицы и поля; атомы выступают субстратом химических реакций; презентацией субстрата биологических процессов служат молекулы ДНК и РНК, а также белковых веществ, которые являются элементарными «единицами» земной жизни, в соответствие с методологией марксистского экономического анализа субстратом капиталистической системы отношений выступает «товар».

Представляется целесообразным выделить важнейшие принципы субстратного анализа, к которым относятся:

Во-первых, принцип обнаружения относительно независимых друг от друга, единиц субстрата, составляющих его компоненты и определение их сравнительных характеристик;

Во-вторых, принцип выявления элементарно-достаточной структурной основы изучаемого объекта, позволяющей ему сохранять свою качественно-количественную определенность и специфику, с последующим исследованием ее сущностных свойств и важнейших характеристик;

В-третьих, принцип номологического эвристического поиска, предполагающий обнаружение законов, лежащих в основе структурной организации объекта и отношений между объектом и его субстратом.

В отечественной философско-методологической литературе имеется лишь одна монография, написанная Е. П. Никитиным в 1981 году, посвященная применению методологии субстратного анализа к изучению природы научного обоснования, данную тематику продолжил и теоретически развил поволжский философ А. А. Гагаев, но затем, осмысление феномена субстратного анализа на уровне монографических исследований перешло на периферию научного сознания [15, с. 145–154].

В общей логике проведения научного исследования метод субстратного анализа дополняется привлечением структурно-функционального, вариативно-моделирующего и генетического эвристических методов. Многогранность и многоаспектность природы познаваемой наукой реальности продуцирует следующую логическую связь во взаимодействии методологических приоритетов: изучая свойства объекта, мы, одновременно, получаем информацию для понимания его субстрата; а выясняя содержание субстрата объекта, мы выходим на необходимость решения проблемы определения системообразующих принципов, объединяющих компоненты субстрата в единое целое, то есть его структуры, которая, в свою очередь не может быть понята без выяснения ее функций. Эта логически обоснованная последовательность исследовательских действий раскрывает взаимодетерминированность корреляции методологических операций, взаимодополняющих и взаимоуточняющих друг друга.

Логическим развитием таких фундаментальных, основополагающих методов познания, как анализ и синтез является системный

метод исследования, который справедливо считается многими историками науки ведущим методов XX века. Это метод незаменим для изучения сложных объектов, каковыми является абсолютное большинство феноменов, входящих в предмет познавательного интереса социогуманитарных наук.

Системный метод исследования ориентирован на решение трех познавательных задач.

Первая из них состоит в выяснении элементов, в своем единстве образующих изучаемый объект. Решение этой задачи предполагает применение методологии научного анализа, включая в себя, как возможный компонент, и субстратный анализ.

Вторая задача связана с решением вопроса о том, что объединяет эти элементы в единое целое, говоря другими словами, речь идет об обнаружении системообразующих связей, обеспечивающих целостность структуры объекта. Решить эту задачу невозможно без привлечения метода научного синтеза.

Третья задача, раскрывающая саму специфику системного метода исследования, состоит в рассмотрении изучаемого предмета в качестве элемента другой, более широкой системы.

Следует отметить некоторую корреляцию функционала системного и субстратного методов исследования, что подчеркивает близость их методологии, основное различие между этими методами состоит в следующем: 1) если системный метод стремится к изучению объекта в единстве всех составляющих его элементов, то субстратный метод ограничивается лишь выяснением минимально достаточных компонентов, способных обеспечить его функционирование; 2) если системный метод ориентируется на формирование целостного представления об изучаемом объекте, то субстратный метод, лишь на определение важнейших компонентов объекта, которые и составляют его субстрат.

К методам научного познания, применяемым как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях познания, принадлежат и такие основополагающие методы, как дедукция и индукция.

Дедукция представляет собой метод познания, функционирующий на базе движения мысли от общего к частному, т. е. осуществляемый путем логического выведения сведений об изучаемом объекте на основе общих научных положений.

Индукция — это метод познания, в основе которого лежит движение мысли от частного к общему, что операционально конкретизируется в логическом построении вывода, путем обобщения информации о частных явлениях. Индуктивный метод не представляет собой какой-то элементарно-однозначной системы логических операций, он является репрезентацией системы составляющих его конкретных методов, направленных на получение выводов о решении конкретных познавательных задач, объединенных общей логикой исследовательского поиска. Так, в частности, в рамках индуктивного метода четко выделяются следующие логические варианты его конкретизации: 1) метод единственного сходства — если два случая исследуемого явления различны во всем, кроме одного обстоятельства, то это обстоятельство и будет причиной данного явления; 2) метод единственного различия — если случай, в котором явление наступает, и случай, в котором оно не наступает, во всем сходны кроме одного обстоятельства, то это обстоятельство и будет причиной данного явления; 3) метод сопутствующих изменений — если изменение одного явления сопровождается изменениями другого явления, то эти явления находятся во взаимосвязи друг с другом.

Мы уже говорили о методе исследования, который даже в научной литературе часто путают с методом эксперимента. Таковым является метод моделирования, эвристическая специфика которого состоит в опосредованной форме изучения объекта, путем создания и исследования вещественного или логического аналога предмета познавательного интереса, для которого характерно сходство с оригиналом по главным, существенным параметрам и отличие от него по второстепенным свойствам. Методологической основой метода моделирования является метод абстрагирования, но данные методы не тождественны, поскольку моделирование лишь базируется на абстрагировании, дополняя и обогащая его важным дополнительным содержанием. В моделировании исследуется не сам объект, а лишь его аналог (модель), представленная в предметной или логической (математической) форме, т. е. абстрагирование выступает только средством формирования изучаемой модели, что служит лишь предварительным условием, необходимым для проведения самого исследования этой модели. Возможно, определенная «искусственность» в формировании подобной модели, наряду с прочими факторами, и определило

стремление некоторых авторов отождествить моделирование с экспериментом (и в том, и в другом случае фигурирует создание «искусственных» условий). Однако еще раз подчеркнем, что подобное отождествление некорректно.

Важными отличиями эксперимента от моделирования выступают:

1. Отличия в репрезентации этими методами различных уровней научного познания: эксперимент представляет эмпирический уровень исследования, моделирование может осуществляться как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях.

2. Отличия в атрибутивности создания «искусственных» условий, которые выступают атрибутом, неотделимым от эксперимента, но могут присутствовать, не играя определяющей роли, либо вообще не присутствовать в моделировании (особенно это касается логического моделирования, при котором само понятие создания искусственных условий теряет свой смысл).

3. Отличия в предмете исследования: в эксперименте предметом изучения непосредственно является сам объект, с которым и проводится эксперимент, при моделировании предметом познания становится модель, выступающая формой репрезентации объекта по ряду общих существенных характеристик, интересующих ученого феноменов, то есть связь с объектом познания в моделировании опосредуется самой моделью.

В сравнении с другими методами проведения научного исследования, моделирование обладает рядом существенных методологических преимуществ основными из которых являются: 1) способность моделирования исследовать процессы, которые невозможно непосредственно наблюдать ни одному индивиду, ни всему человечеству в его историческом развитии (примерами таких процессов, изучаемых на основе метода логического моделирования являются процесс зарождения и эволюции жизни на Земле, процесс естественного образования алмазов, и т. д.); 2) экономическая выгода моделирования по сравнению с проведением непосредственных экспериментов с объектом.

В отличие от рассмотренных нами чисто операциональных методов научного познания, в методологии подготовки и проведения научных исследований важную роль играют теоретические методы, связанные с определением общей логики построения процесса

познания. К подобным методам относятся: исторический метод, логический метод, метод восхождения от абстрактного к конкретному и т. д.

Применение исторического метода формирует общую стратегию исследовательского поиска, направленную на особое внимание к фактам и конкретным формам проявления изучаемых процессов. Для этого метода характерна фиксация внимания исследователя ко всем деталям, исторически развивающегося процесса, рассматриваемого во всех его случайностях и отклонениях. В противоположность этому, логический метод формирует исследовательскую парадигму, базирующуюся на абстрагировании от всего случайного и второстепенного, и фиксирует внимание ученого лишь на раскрытии закономерностей и наиболее существенных проявлениях изучаемого процесса. Результатом применения логического метода становится формирование научной теории, а в результате применения исторического метода происходит воссоздание истории существования и развития познаваемого процесса.

Следует подчеркнуть, что в рамках проводимого научного исследования исторический и логический методы тесно взаимодействуют, взаимодополняют и взаимообогащают друг друга, это обусловлено тем, что логическое осмысление объекта позволяет глубже понять его историю, раскрыть основные тенденции ее развития, а исторический подход дает возможность описывать научные факты, позволяет собрать конкретный материал для последующих логических обобщений, служит средством проверки выявленных логическим путем закономерностей.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному раскрывает саму общую логику и тенденцию осуществления процесса научного познания. Основу его категориального аппарата составляют два понятия — «абстрактное» и «конкретное». Абстрактное, как результат применения метода абстрагирования, представляет собой неполное, одностороннее знание. Смысл понятия «конкретное» менее определен, поскольку обладает двумя главными значениями. Первое значение понятия «конкретное» связано с фиксацией начального этапа исследовательского поиска, в этом значении конкретное — это сам изучаемый объект. Второе значение понятия «конкретное», напротив, фиксирует телеологический результат познания, каковым является

формирование в сознании познающего субъекта всестороннего многогранного знания об объекте.

В соответствие с этим процесс применения метода восхождения от абстрактного к конкретному совпадает с самим процессом исследования, поскольку фиксирует его начальную, отправную точку и его телеологически обоснованное завершение.

Логически данный метод можно разделить на два этапа:

1) восхождение познания от конкретного в самой действительности к абстрактному представлению о нем;

2) восхождение от абстрактных, односторонних знаний об объекте к знаниям конкретным, полным и многогранным.

Второй этап обладает наибольшим эвристически смыслообразующим значением, поэтому и сам метод получил свое название в соответствии с этим этапом.

ГЛАВА 3

ЛОГИЧЕСКИЕ ЭВРИСТИКИ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ МЕТАЭВРИСТИКИ В КОГНИТИВНЫХ НАУКАХ

Феномен творчества на протяжении столетий остается одной из основных тайн человеческого бытия в мире, разгадать которую люди пытаются с древности и до наших дней. Будучи чрезвычайно многогранным явлением, творчество присутствует во всех сферах человеческой деятельности — в науке, в искусстве, в образовании, в технике, в способах организации форм человеческого общежития и т. д. Повсюду можно найти элементы творческой активности человека, начиная с обыденных дел, и заканчивая самыми возвышенными проявлениями человеческого духа. В современной когнитивистике принята четырехкомпонентная модель креативности, предложенная Дж. Кауфманом и Р. Бегетто (так называемая 4С-модель), подразделяющая проявления творчества в человеке на четыре группы: *Big-C* (креативность выдающихся и гениальных людей), *Pro-C* (креативность профессионалов в своей предметной области), *Little-C* (творческий подход к бытовым и повседневным делам), *Mini-C* (творческое развитие себя и самообучение). Для каждого из этих видов креативности разработаны и используются репрезентативные тесты, позволяющие объективно оценивать как творческий потенциал отдельного человека, так и групп людей, собранных в команды для решения творческих задач. Но что роднит и объединяет разные виды творчества в человеке? Что меняется от эпохи к эпохе в историческом развитии феномена творчества, а что является его инвариантом? Наконец, в чем состоит сама сущность творческого акта и постижима ли она рационально?

При всем многообразии проявлений творчества в человеке, есть понятийные черты, присущие любой творческой активности, логическое содержание понятия творчества как такового. Обычно в числе существенных признаков творческого акта называют 1) способность порождать нечто качественно (принципиально) новое по сравнению с уже существующим в реальности и 2) способность создавать нечто полезное для разрешения какой-то проблемной ситуации или

удовлетворения какой-либо насущной потребности. Каждый из названных признаков творчества необходим, а в совокупности он достаточны для формулировки понятия творчества в когнитивных науках. Согласно классической модели интеллекта, предложенной Дж. Гилфордом (так называемая «кубическая модель интеллекта»), в структуре интеллектуальной деятельности человека всегда присутствуют два пласта: конвергентное/логическое/репродуктивное мышление, и дивергентное/творческое/продуктивное мышление. Творчеству, как продуктивному виду интеллектуальной деятельности¹, противостоит деятельность репродуктивная, различие между которыми определяется в первом приближении следующим образом: конвергентное мышление ориентировано на нахождение единственно верного решения для каждой задачи из некоторого класса задач, в то время как дивергентное мышление ориентировано на поиск множественных решений для одной и той же задачи.

Дискуссионным остается вопрос о том, можно ли считать разрушение чего-либо творческим процессом? Например, оригинальное и качественно новое опровержение чьей-либо аргументации — это творческая деятельность человека, или нет? Говоря формально, результатом этого процесса является не только разрушение значимости аргументов оппонента, но и отсылка к несовершенству прежних способов критики. И все же ответ должен быть скорее утвердительным, если эта критика берется в ее целостной диалектичности, обнаруживая в своей внешней разрушительности элементы созидания (например, творческую деятельность по открытию новых способов ведения критической дискуссии). В противном случае мы получим абстрактное понимание творчества, при котором элемент момент разрушения старого в акте творчества будет абсолютизирован и понят превратно.

В современных когнитивных науках, к которым обычно причисляют философию, логику, психологию, лингвистику, антропологию, нейронауку и исследования в области искусственного интеллекта, принято считать, что ключом к пониманию тайны творчества является исследование творческих интеллектуальных актов мышления в контексте порождающей их среды человеческой деятельности.

¹ В когнитивных науках творчество понимается как преимущественно интеллектуальная деятельность по решению задач и разрешению проблемных ситуаций.

Ближайшим образом это означает исследование тех приемов и способов работы с неалгоритмическими задачами, для решения которых недостаточно обладания конечным набором интеллектуальных инструментов, обеспечивающих решение задачи в определенное время и гарантированно приводящих к решению поставленной задачи.

В этом разделе мы рассмотрим эвристические принципы интеллектуальных актов, уделив основное внимание именно логическим эвристикам. Более кратко и обзорно будет рассмотрена роль эвристик в современной когнитивной психологии, в области искусственного интеллекта и в философской практике.

3.1. Эвристические принципы в современной логике

Исследование феномена творчества в логике имеет давнюю традицию, корни которой уходят в философское прошлое традиционной формальной логики. Новый импульс это направление исследований получило в XX веке, когда начался современный этап в развитии логической науки — этап символической логики. Возникнув на стыке традиционной логики и математики, новая наука (поначалу именовавшаяся математической логикой) обратилась к изучению оснований математического мышления, в т. ч., к исследованиям математических открытий. Пионерами данного направления были величайшие математические умы того времени, такие как, например, А. Пуанкаре и Д. Гильберт. Поначалу методология этих математико-логических исследований творчества была в значительной мере психологична, не дифференцирована от интроспективной психологии. Но уже в трудах Г. Фреге, Б. Рассела, А. Уайтхеда, В. Аккермана, посвященных математической логике и основаниям математики, была заложена парадигма современного логического мышления — системная работа с формализованными логическими исчислениями. Стало понятно, что логический подход к изучению актов творчества имеет не меньшее право на существование, чем философско-психологический. Эта временная сепарация логики от психологии, именуемая в специальной литературе «антипсихологизмом» в логике, была необходима в тот исторический период для научного оформления предметного

поля символической логики, но в последующем тренды изменились, обнаружив значительное число пересечений логической науки с психологией на общем поле когнитивных исследований.

Центральное место в осмыслении творчества в современной логике отводится исследованию логических эвристик. Системное изучение механизмов логического мышления, реализуемое в формализованной среде логического исчисления, позволяет выявлять, исследовать и модифицировать те аспекты рациональной (прежде всего, рассудочной) деятельности человека, которые образуют собой саму ткань интеллектуальной творческой деятельности человека. Изучая принципы построения исчислений, логики получают возможности влиять на отдельные аспекты креативности рациональной мысли, модифицируя через систематику формализованных правил ее эвристический потенциал. В рамках логики акт творчества понимается, прежде всего, как способность рационального субъекта находить эффективный способ решения задачи в структурированной среде рассуждения, а также выявлять системные причины, препятствующие нахождению решения таких задачи. Эта методология познания механизмов творческого поиска сформировалась в середине XX века, главным образом, в американских университетах в русле логико-математической программы изучения эвристик, повышающих продуктивность мышления школьников и студентов, изучающих математику и другие точные науки. Заметный вклад в эту программу внесли труды Дж. Пойа, чьи научно-педагогические работы активно переводились и печатались в СССР. В дальнейшем эта исследовательская программа трансформировалась в междисциплинарную методологию *problem solving* — генерализацию общих принципов рационального разрешения проблемных ситуаций в разных областях творческой деятельности человека.

В отечественной традиции советского периода исследования логических эвристик в связи с их влиянием на творческое мышление проводились, главным образом, в рамках университетских традиций философско-логического образования, и связаны с именами таких ученых как В. Ф. Асмус, О. Ф. Серебрянников, В. Н. Пушкин. В настоящее время, как уже было сказано, эвристики как методы и приемы развития креативности мышления изучаются в рамках когнитивистики — междисциплинарной области на стыке гуманитарных,

естественных, точных и технических наук, вносящих свой вклад в комплексное понимание феномена творческой интеллектуальной деятельности человека.

Далее мы рассмотрим подробнее способы реализации основных эвристических принципов творческого логического мышления при решении задач на доказательство. В логико-математической традиции задачи традиционно подразделяли на три группы: 1) задачи на вычисление, 2) задачи на доказательство, 3) задачи на построение. В плане исследования творческого мышления наибольший интерес представляют именно задачи на доказательство, поскольку в них аккумулируются принципы единства техники рассуждений, среды построения рассуждений, стратегии и тактики рассуждений, а также способов оптимизации найденных решений. Кроме того, развитие математической логики в середине XX в. показало, что многие задачи на вычисления и построения могут быть редуцированы к задачам на доказательство без существенных потерь для понимания логики их решения. Все это стимулировало интерес исследователей творческой рациональности к изучению эвристического потенциала различных классов логических исчислений, наиболее известными из которых являются исчисления аксиоматические исчисления (исчисления гильбертовского типа), исчисления естественного вывода (натуральные исчисления), табличные исчисления (семантические таблицы) и секвенциальные исчисления (исчисления генценовского типа). В рамках этого раздела мы сосредоточимся на натуральных и табличных исчислениях как не требующих для своего понимания сложного технического аппарата. Осмысление того, как работает логическое мышление в рамках различных логических исчислений, позволяет оценить его эвристический потенциал, по-разному раскрывающийся в различных формальных средах.

Дадим общее описание системы N естественного вывода.

В системе N доказывают формулы, имеющий вид кратной импликации:

$$(A_1 \rightarrow (A_2 \rightarrow \dots (A_n \rightarrow C) \dots)), \quad (1)$$

где $A_1 \dots A_n$ — antecedentes доказываемой импликации;

C — ее консеквент.

Интерес к доказательствам формул вида кратной импликации обусловлен, прежде всего, тем, что большинство творческих задач в познавательной и практической деятельности человека могут быть описаны в виде кратко-импликативных структур, где в качестве стартовых условий выступают антецеденты (достаточные условия импликации), а в качестве консеквента фигурирует искомая конечная ситуация, решение проблемы. Вторая причина интереса к кратным импликациям в логике состоит в том, что согласно принципу дедукции всякая доказанная в исчислении кратная импликация может быть преобразована в соответствующее ей утверждение о логическом следовании консеквента из антеценентов, что не только облегчает построение выводов при локальных допущениях, но и устанавливает точное логическое соответствие между предметным языком логики и метаязыком исследователя, в котором формулируются утверждения о логическом следовании. Те исчисления, в которых не доказуема в каком либо виде дедукционная теорема (формальный аналог принципа дедукции), имеет существенные ограничения на способность адекватно репрезентировать собой центральное понятие любой логической системы – понятие логического следования.

1. Инференциальные правила (правила непосредственного следования) задаются стандартно:

Введение конъюнкции (ВК):

$$\frac{A \quad B}{A \wedge B}$$

Удаление конъюнкции (УК):

$$\frac{A \wedge B}{A} \quad (\text{УК 1}) \quad \frac{A \wedge B}{B} \quad (\text{УК 2})$$

Введение дизъюнкции (ВД):

$$\frac{A}{A \vee B} \quad (\text{ВД 1}) \quad \frac{B}{A \vee B} \quad (\text{ВД 2})$$

Удаление дизъюнкции:

$$\frac{A \vee B \quad A \rightarrow C \quad B \rightarrow C}{C}$$

Удаление импликации:

$$\frac{A \rightarrow B \quad A}{A}$$

2. Дедуктивные правила (правила построения доказательства):

2.1. На любом шаге построения прямого доказательства можно записать формулы A_1, A_2, \dots, A_n в качестве прямого допущения;

2.2. На любом шаге построения прямого доказательства можно записать формулу, следующую из ранее написанных по одному из инференциальных правил.

3.2. На любом шаге построения прямого доказательства можно записать ранее доказанную формулу (далее — р.д.ф.), при условии, что она доказана в системе N естественного вывода.

Сформулированное выше правило будем далее называть правилом построения прямого доказательства (далее — ПППД) в системе N .

Прямое доказательство формулы (1) считается построенным в системе N , если в соответствии с пунктами 1–3 правила построения прямого доказательства получена формула C , совпадающая с консеквентом доказываемой формулы.

В системе N , как и в большинстве других систем естественного вывода, имеется возможность строить косвенные доказательства. При этом применяется второе дедуктивное правило системы — правило построения косвенного доказательства (далее — ППКД) формулы в системе N :

1. На любом шаге построения косвенного доказательства можно записать формулы A_1, A_2, \dots, A_n в качестве прямого допущения;

2. На любом шаге построения косвенного доказательства можно записать формулу, следующую из ранее написанных по одному из инференциальных правил.

3. На любом шаге построения косвенного доказательства можно записать р.д.ф., при условии, что она доказана в системе N естественного вывода.

4. На любом шаге построения косвенного доказательства можно записать формулу $\neg C$, противоречащую консеквенту доказываемой формулы, в качестве допущения косвенного доказательства.

Косвенное доказательство формулы (1) считается построенным в системе N , если в соответствии с пунктами 1–4 ППКД получена пара противоречащих друг другу формул B и $\neg B$, и заканчивающаяся одной из них.

В логических исчислениях различают такие формальные объекты, как выводы и доказательства. В самом общем виде это различие можно описать так: доказательством называют вывод из пустого множества предпосылок (допущений). Неформальный смысл этого уточнения заключается в том, что можно строить доказательства формул в логическом исчислении, опираясь исключительно на общие принципы исчисления, не делая никаких ситуативных посылок-предположений, но можно также и использовать последние, обозначая их как локальные допущения для конкретной доказываемой формулы. В первом случае мы имеем доказательство формулы, опирающееся исключительно на общие (для всех прочих доказательств) дедуктивные свойства логической системы. Во втором случае, получается вывод при локальных допущениях, что обычно дает больше тактических возможностей в процессе поиска доказательства и облегчает построение вывода. Однако применительно к системе N мы проигнорируем это различие как несущественное для наших целей и будем использовать выражения «вывод» и «доказательство» в качестве синонимов.

Рассмотрим эвристические принципы системы N на примере построения доказательства в системе N следующей формулы:

$$(A \rightarrow C) \rightarrow ((B \rightarrow D) \rightarrow ((A \wedge B) \rightarrow (C \wedge D))), \quad (2)$$

В соответствии с анализом формулы по схеме кратной импликации доказываемая формула имеет третий ранг сложности, поскольку включает в себя три главных знака импликации, сгруппированных вправо.

Начало доказательства стандартно:

$(A \rightarrow C)$ — допущение 1 (п. 1 ПППД);

$(B \rightarrow D)$ — допущение 2 (п. 1 ПППД);

$(A \wedge B)$ — допущение 3 (п. 1 ПППД).

Эти шаги доказательства, состоящие в выписывании допущений, вполне стандартны и не требуют особых интеллектуальных усилий. Однако попытка построить прямое доказательство формулы достаточно быстро сталкивается с известным затруднением: состав допущений в наибольшей степени подходит для применения правила УД (удаление дизъюнкции), однако это правило к допущениям неприменимо, поскольку условные формулы имеют разные консеквенты, в то время как правило УД применимо лишь для импликативных формул с одинаковыми консеквентами. Очевидно, что для прямого доказательства требуется какие-то ранее доказанные формулы, но какие именно — не понятно.

Попытка доказать формулу косвенным способом дает дополнительную возможность:

4) $\neg (C \wedge D)$ — допущение косвенного доказательства (п. 4 ППКД).

Очевидно, однако, что косвенное допущение не облегчает задачу поиска построения доказательства, поскольку в системе N нет правил непосредственного следования, содержащих в качестве посылок негативно-дизъюнктивную формулу. В итоге процесс поиска доказательства останавливается на необходимости воспользоваться какой-то из ранее доказанных формул, но какой именно — это остается непонятным.

Стандартный эвристический прием в системах натурального вывода состоит в том, чтобы в случае тактической неопределенности задаться вопросом о конечной цели искомого доказательства, увязав ее с уже имеющейся в доказательство наличием в виду допущений.

Когда прямое доказательство формулы (2) можно будет считать построенным? В соответствии с ПППД это произойдет, когда в выводе появится (на законных логических основаниях) формула $(C \wedge D)$. Учитывая первоначальную идею об использовании в построении

доказательства правила УД, его подстановочный вариант должен выглядеть так:

$$\frac{A \vee B \quad A \rightarrow C \quad B \rightarrow D}{C \vee D}$$

Разумеется, в таком подстановочном варианте правило УД не валидно по уже указанной выше причине — разные антецеденты в имплицативных посылках. Следовательно, возникает вопрос: можно ли найти такой подстановочный вариант, при котором была бы сохранена общая структура правила УД, и в то же время был бы возможность получить в результате применения этого правила желаемую формулу ($C \vee D$)? Иными словами, хотелось придать правилу УД следующий подстановочный вид:

$$\frac{A \vee B \quad A \rightarrow (C \vee D) \quad B \rightarrow (C \vee D)}{C \vee D}$$

Очевидно также, что в таком виде правило УД вполне корректно, поскольку антецеденты имплицативных посылок присутствуют в качестве альтернатив в дизъюнктивной посылке, и в то же время их консеквенты одинаковы и совпадают с итоговой формулой ($C \vee D$).

Таким образом, общая задача построения доказательства формулы (2) свелась к двум подзадачам: получить законным образом в строящемся выводе две вспомогательные формулы:

$$A \rightarrow (C \vee D), \tag{3}$$

$$B \rightarrow (C \vee D), \tag{4}$$

Как это можно осуществить, имея в распоряжении лишь прямые посылки, перечисленные в самом начале доказательства? Обычно на этом этапе построения доказательства возникают затруднения как психологического, так и собственно логического плана. Первое затруднение состоит в том, что большинство пытающихся строить доказательство признаются в отсутствие каких-либо идей по поводу

того, как вообще можно получить в доказательстве такие формулы, поскольку с имеющимися посылками они, как представляется, никак не связаны; а второе затруднение возникает тогда, когда мы замечаем, что формулы (3) и (4) не являются тождественно-истинными, а значит, не могут быть доказаны в системе N в качестве ранее доказанных формул, поскольку система N в силу своей полноты и непротиворечивости позволяет строить доказательства лишь тождественно-истинных формул.

Таким образом, возникает двойное объективное затруднение, с которым сталкиваются большинство людей при попытке построить прямое доказательство формулы (2) в системе N . Можно указать и дополнительные соображения, вызывающие затруднения в попытке использовать обоснованным образом формулы (3) и (4), например, логическая нерелевантность антецедентов и консеквентов данных формул друг другу: формальная структура формул (3) и (4), содержащих различные метабуквы, не гарантирует для антецедентов и консеквентов хотя бы одну общую пропозициональную переменную в их составе, что и означает возможность подстановок в формулы совершенно нерелевантных (не связанных по смыслу) дескриптивных содержаний.

Как бы то ни было, на данном этапе работы имеются две подзадачи, которые должны быть решены для построения общего доказательства. Здесь и приходят на помощь эвристические приемы логики, позволяющие домыслить недостающие элементы доказательства. Продемонстрируем один из них, применяемый в данном случае.

Имеем среди посылок $A \rightarrow C$. Надо получить $A \rightarrow (C \vee D)$. Чего же не хватает для перехода от посылки к заключению? Очевидно, что по транзитивности не хватает перехода от формулы C к формуле $C \vee D$:

$$(A \rightarrow C) \rightarrow ((C \rightarrow (C \vee D)) \rightarrow (A \rightarrow (C \vee D))), \quad (5)$$

Если такую формулу можно доказать в системе N , ее можно будет использовать в выводе в качестве ранее доказанной формулы. Построим ее доказательство:

$$\begin{aligned} A \rightarrow C & \text{ — доп. 1 (п. 1 ППД);} \\ C \rightarrow (C \vee D) & \text{ — доп. 2 (п. 1 ППД);} \end{aligned}$$

A — доп. 3 (п. 1 ПППД);
 C — УИ (1, 3) (п. 2 ПППД);
 $C \vee D$ — ВД (4) (п. 2 ПППД).

Доказательство построено, а значит, можно построить и аналогичное доказательство второй недостающей формулы:

$$(B \rightarrow D) \rightarrow ((D \rightarrow (C \vee D)) \rightarrow (B \rightarrow (C \vee D))), \quad (6)$$

$B \rightarrow D$ — доп. 1 (п. 1 ПППД);
 $D \rightarrow (C \vee D)$ — доп. 2 (п. 1 ПППД);
 B — доп. 3 (п. 1 ПППД);
 D — УИ (1, 3) (п. 2 ПППД);
 $C \vee D$ — ВД (4) (п. 2 ПППД).

Доказательство второй недостающей формулы завершено. Кроме этого придется построить доказательства еще двух вспомогательных формул (7) и (8), для того, чтобы удалить вторые антецеденты в кратных импликациях (5) и (6). Впрочем, эти доказательства тривиальны:

$$C \rightarrow (C \vee D), \quad (7)$$

C — доп. 1 (п. 1 ПППД);
 $C \vee D$ — ВД (1) (п. 2 ПППД).

$$D \rightarrow (C \vee D), \quad (8)$$

D — доп. 1 (п. 1 ПППД);
 $C \vee D$ — ВД (1) (п. 2 ПППД).

Теперь можно приступать к сборке основного доказательства формулы (2).

Доказательство 1:

$A \rightarrow C$ — допущение 1 (п. 1 ПППД);
 $B \rightarrow D$ — допущение 2 (п. 1 ПППД);
 $A \vee B$ — допущение 3 (п. 1 ПППД);

$(A \rightarrow C) \rightarrow ((C \rightarrow (C \vee D)) \rightarrow (A \rightarrow (C \vee D)))$ — р.д.ф. (5) (п. 3 ПППД);
 $(B \rightarrow D) \rightarrow ((D \rightarrow (C \vee D)) \rightarrow (B \rightarrow (C \vee D)))$ — р.д.ф. (6) (п. 3 ПППД);
 $(C \rightarrow (C \vee D)) \rightarrow (A \rightarrow (C \vee D))$ — УИ (1, 4) (п. 2 ПППД);
 $(D \rightarrow (C \vee D)) \rightarrow (B \rightarrow (C \vee D))$ — УИ (2, 5) (п. 2 ПППД);
 $C \rightarrow (C \vee D)$ — р.д.ф. (7) (п. 3 ПППД);
 $D \rightarrow (C \vee D)$ — р.д.ф. (7) (п. 3 ПППД);
 $A \rightarrow (C \vee D)$ — УИ (6, 8) (п. 2 ПППД);
 $B \rightarrow (C \vee D)$ — УИ (7, 9) (п. 2 ПППД);
 $C \vee D$ — УД (3, 10, 11) (п. 2 ПППД).

Итак, доказательство построено. Оно формально правильно, поскольку соответствует на каждом шаге правилам системы N . Но оптимально ли оно? Не является ли оно в каком-то смысле логически избыточным?

Имеем среди посылок $A \rightarrow C$. Надо получить $A \rightarrow (C \vee D)$. Чего не хватает для перехода от посылки к заключению? Смотрим среди дедуктивных правил системы N наиболее подходящее для этой задачи. Ближе всего по логической форме правило УИ. Достраиваем недостающую посылку, осуществляя подстановки в правило УИ:

$$\frac{A \rightarrow C \quad (????)}{A \rightarrow (C \vee D)}$$

На месте вопросительных знаков должна быть формула, при наличии которой в выводе правило УИ можно будет применить для получения (2):

$$(A \rightarrow C) \rightarrow (A \rightarrow (C \vee D)), \quad (9)$$

Понимая, какой формулы недостает, спросим себя, нельзя ли доказать ее отдельно, в качестве ранее доказанной, чтобы потом поместить ее в вывод?

Делаем попытку доказать (9):

$A \rightarrow C$ — доп.1 (п. 1 ПППД);
 A — доп.2 (п. 1 ПППД);
 C — УИ (1, 2) (п. 2 ПППД);
 $C \vee D$ — ВД (3) (п. 2 ПППД).

Попытка оказалась успешной, значит, аналогичным образом можно построить и доказательство 10:

$$\frac{B \rightarrow D \quad (???)}{B \rightarrow (C \vee D)}$$

На месте вопросительных знаков должна быть формула:

$$(B \rightarrow D) \rightarrow (B \rightarrow (C \vee D)), \quad (10)$$

Строим ее доказательство:

$B \rightarrow D$ — доп.1 (п. 1 ПППД);
 B — доп.2 (п. 1 ПППД);
 D — УИ (1, 2) (п. 2 ПППД);
 $C \vee D$ — ВД (3) (п. 2 ПППД).

Итак, обе вспомогательные формулы доказаны, можно вернуться к общей сборке основного доказательства.

Доказательство 2:

$A \rightarrow C$ — допущение 1 (п. 1 ПППД);
 $B \rightarrow D$ — допущение 2 (п. 1 ПППД);
 $A \vee B$ — допущение 3 (п. 1 ПППД);
 $(A \rightarrow C) \rightarrow (A \rightarrow (C \vee D))$ — р.д.ф. (9) (п. 3 ПППД);
 $(B \rightarrow D) \rightarrow (B \rightarrow (C \vee D))$ — р.д.ф. (10) (п. 3 ПППД);
 $A \rightarrow (C \vee D)$ — УИ (1, 4) (п. 2 ПППД);
 $B \rightarrow (C \vee D)$ — УИ (1, 4) (п. 2 ПППД);
 $C \vee D$ — УД (3, 6,7) (п. 2 ПППД)

Доказательство построено, причем оно оказалось структурно проще и короче предыдущего в полтора раза. Очевидно, что сокращение произошло в результате отказа использовать в составе вспомогательных формул подформулы вида $C \rightarrow (C \vee D)$ и $D \rightarrow (C \vee D)$, которые тривиальны в силу того, что среди базовых инференциальных правил системы N имеются соответствующие формулам (7) и (8) правила ВД (введение дизъюнкции).

Указанное обстоятельство наводит на мысль о том, что эвристика как способ нахождения творческой идеи логически неочевидного доказательства некоторой формулы будет тем эффективнее, чем меньше она будет завязана на базовые свойства самого логического исчисления как формализованной среды построения доказательств. Само логическое исчисление как доказательная среда должно в идеале содержать подсказки следующего шага в строящемся доказательстве, учитывая сделанные ранее предыдущие шаги.

Следует признать, однако, что исчисление N натурального вывода не обладает такими эвристическими возможностями. Фактически весь труд поиска идеи оптимального доказательства ложится на плечи того, кто его строит. Исчисление натурального вывода в этом случае остается пассивной формальной средой, не давая исследователю никаких подсказок. В итоге любые эвристики, которые могут быть сформулированы применительно к данному исчислению, являются результатом ситуативных проб и ошибок, возникая лишь задним числом, когда доказательство уже построено. К числу таких эвристических приемов могут быть отнесены (с известной натяжкой) советы вроде «пробуй сперва доказать формулу прямым способом, и лишь потом косвенным» (поскольку структура косвенного доказательства зачастую бывает неочевидной при первоначальной формулировке идеи); с другой стороны, косвенное доказательство дает возможность использовать дополнительные допущения, что часто оказывается полезным в процессе поиска стратегии доказательства).

Также можно сформулировать полезный эвристический прием общего толка: «на каждом шаге доказательства четко формулируй его конечную цель и спрашивай себя, чего конкретно не хватает для достижения этой цели». Действие этого эвристического приема мы продемонстрировали в приведенном выше *доказательстве 2*. Польза этого совета заключается в том, что зачастую преднамеренное конструирование необходимых для достижения конечной цели формул выявляет тот факт, что исследователь находится буквально в шаге от искомой цели, поскольку недостающие шаги доказательства легко могут быть получены, как только они отчетливо артикулированы в виде требуемых формул.

Однако ответ на главный вопрос тем самым еще вовсе не получен: может ли само логическое исчисление быть организовано так

(на уровне синтаксиса, семантики, дедуктивной прагматики), чтобы эвристические принципы содержались в самом исчислении, в его собственной формальной организации? Идея иной организации формализованной среды для поиска и построения доказательств активно исследовалась логиками на протяжении всего XX века, принесла по ходу своего развития немало любопытных открытий. Не вдаваясь в излишние детали, прочертим основную логику развития этой идеи исследования логических эвристик.

Исторически первыми логическими исчислениями в рамках современного этапа развития символической логики, были упомянутые выше аксиоматические исчисления гильбертовского типа. Названные так по имени выдающегося математика и логика Д. Гильберта, известный труд которого «Основания теоретической логики» не только задал парадигму систематического изучения логических исчислений, но и лег в основу большинства курсов по математической логике во многих университетах мира, аксиоматические исчисления вполне соответствовали главной логической задаче того времени — построению формальной арифметики, которую Гильберт стремился представить как производную от логики математическую дисциплину. Это направление исследований стало называться впоследствии логицизмом. И хотя в полном виде замыслу Гильберта не суждено было реализоваться (в т. ч., по чисто логическим причинам), влияние этой идеи на дальнейшие исследования логических исчислений в прошлом веке сложно переоценить.

Вместе с тем, аксиоматические исчисления оказались крайне неэвристичными с практической точки зрения процесса поиска доказательства формул. Такие исчисления обычно содержат некоторое количество исходных формул, взятых в качестве аксиом, и одно-два правила непосредственного следования. Сам процесс построения доказательства формулы в аксиоматическом исчислении представляет собой различные подстановочные комбинации в аксиомы, соединяемые между собой по правилам непосредственного следования, и завершающиеся доказываемой формулой. Самым сложным элементом в этой работе является догадка о том, что и на каком этапе работы надо подставить в исходные аксиомы для получения конечного результата. Любопытно отметить, что разъяснение уже построенного кем-то доказательства представляет собой достаточно простую задачу,

в то время как сам комбинаторный поиск удачных и продуктивных подстановок представляет собой фактически движение вслепую и наугад.

Начиная с 40-х гг. прошлого века независимым друг от друга образом разные исследователи в Европе пришли к идее иной пространственной организации процесса построения доказательства, намного более эвристичной в плане поиска оптимальной стратегии и соответствующих ей тактических ходов. Прежде всего, речь идет о табличном исчислении Э. Бета, принципы построения которого опираются на две ключевые идеи: 1) идею универсальности косвенного способа доказывания и 2) идею свойства подформульности логического исчисления.

Первая идея естественным образом рождается из внимательного рассмотрения двух (якобы дополняющих друг друга) стратегий доказывания теорем в системе N естественного вывода. Действительно ли прямое и косвенное доказательство формулы являются альтернативными друг другу? Пункт 4 ППКД гласит, что косвенное доказательство может (но не обязано!) содержать в своем составе допущение, противоречащее консеквенту доказываемой формулы. Кроме того, косвенное доказательство считается построенным в системе N , если получена пара противоречащих друг другу формул (не обязательно с участием допущения косвенного доказательства). Таким образом, косвенным может считаться доказательство, в котором: а) не сделано косвенное допущение и б) противоречащие формулы получены в доказательстве без участия допущения косвенного доказательства.

Рассмотрим пример.

Докажем формулу:

$$A \rightarrow (\neg A \rightarrow B), \quad (11)$$

Доказательство 3:

- A — доп. 1 (п. 1 ППКД);
- $\neg A$ — доп. 2 (п. 1 ППКД);
- $\neg B$ — косв. доп. (п. 4 ППКД)

Получено противоречие, следовательно, косвенное доказательство формулы (11) построено. Очевидно, что доказательство избыточно, поскольку п. 3 никак не участвует в получении противоречия посылок друг другу. Можно опустить его вовсе без нарушения правильности доказательства.

Доказательство 4:

A — доп. 1 (п. 1 ППКД);
 $\neg A$ — доп. 2 (п. 1 ППКД).

Вновь получено противоречие, доказательство построено, но на этот раз без участия косвенного допущения $\neg B$.

Поскольку получать противоречия в доказательстве можно даже без косвенного заключения и даже без его релевантного пользования, можно считать, что все доказуемые в системе N формулы могут быть доказаны косвенным способом.

Вторая идея в табличном исчислении Бета — идея свойства подформульности — опирается на тот факт, что в исчислении N в процессе построения доказательства могут появляться (и часто фактически появляются) формулы, структурно более сложные, чем доказываемая формула. Потенциально это грозит уходом в дурную бесконечность, когда для обоснования каждой новой формулы потребуется использовать все более и более сложные вспомогательные формулы. Этот уход в бесконечность, как считал Э. Бет, и является главной причиной неэвристичности системы N . В табличном исчислении Э. Бета такая возможность бесконечной регрессии исключена, поскольку каждый последующий шаг в строящемся доказательстве будет использовать для семантического анализа подформулы доказываемой формулы — до тех пор, пока этот анализ не дойдет до атомарных выражений, отдельных пропозиций.

Дадим нестрогое описание системы B (табличное исчисление Бета) и покажем на примере доказательства формул (2) работу эвристических принципов в данном исчислении.

Доказательства формул в системе B строятся на поле, разделенном на две половины — правую (для ложных формул) и левую (для истинных формул). Такое поле будем в дальнейшем называть таблицей. Исходные столбцы таблицы маркируются индексами — 0 (для

истинных формул) и $+ 0$ (для ложных формул). Исходная (материнская) таблица в своих основных столбцах может содержать подстолбцы (дочерние столбцы), обозначаемые соответственно $- 01$, $+ 01$, $- 011$, $+ 011$ и т. д., в зависимости от количества последовательных вложений столбцов друг в друга. Дочерние столбцы наследуют все семантические свойства материнских столбцов, независимо от глубины их последовательных вложений. Таким образом, столбец $+ 021$ будет обозначать первый вариант правого (ложного) столбца подтаблицы $+ 02$ исходной таблицы $+ 0$. Маркировка столбцов поначалу может показаться несколько искусственной и усложненной, однако при практической работе по доказательству формул в табличном исчислении B позволяет отчетливо различать отдельные шаги семантического анализа каждого шага строящегося доказательства.

Любая доказываемая в исчислении B формула изначально предполагается ложной и помещается в правый (ложный) столбец исходной таблицы $+ 0$. Такой формальный шаг соответствует предположению «от противного» в неформализованных доказательствах. Человек, делающий в рассуждении косвенное допущение, как бы говорит себе: предположим, что доказываемая формула неверна (ложна); что отсюда следует?

Далее анализируются условия возможности этого предположения, исходя из обычной (табличной) семантики логических связей (негации, конъюнкции, дизъюнкции, импликации). Так, например, размещение в правом (ложном) столбце исходной таблицы дизъюнктивной формулы вида $A \vee B$ означает в силу семантики дизъюнктивной связки, что обе формулы, A и B , являются ложными, поскольку дизъюнкция истинна в тех случаях, когда хотя бы один дизъюнкт истинен. Соответственно, на следующем шаге доказательства обе формулы A и B будут размещены в этом же (ложном) столбце.

Аналогичным образом, нахождение в левом (истинном) столбце таблицы формулы вида $A \wedge B$ означает в силу семантики конъюнкции, что обе формулы A и B истинны и, следовательно, должны быть размещены по отдельности в том же левом столбце таблицы. Подобным образом анализируются все формулы доказательства, которые в силу содержащегося в них главного логического знака допускают однозначную семантическую интерпретацию для своих подформул.

Но бывают случаи, когда конкретный шаг строящегося доказательства допускает семантическую вариативность. В этом случае материнский столбец, содержащий такую формулу, разбивается на дочерние подстолбцы, которые заполняются подформулами анализируемой формулы в соответствии с семантикой логической связки, являющейся главным логическим знаком в данной формуле.

Например, если формула $A \rightarrow B$ оказалась в процессе построения доказательства в левом (истинном) столбце, то этой семантической ситуации соответствуют три возможности:

- 1) A ложна, B истинна;
- 2) A истинна, B истинна;
- 3) A ложна, B ложна.

Эти три условия истинности импликативной формулы $A \rightarrow B$ могут быть описаны следующим образом: если $A \rightarrow B$ истинна, значит или A ложна, или B истинна. Соответственно, в дочерних столбцах таблицы с индексом 0 подформулы A и B будут записаны следующим образом:

A в столбце «+ 01»;

B в столбце «- 02».

В случае, если одна и та же формула содержится в каком-либо позитивном (ложном) столбце материнской таблицы, а равно и в ее дочерних подстолбцах, и в то же время эта формула входит в соответствующие негативные (истинные) столбцы, это указывает на противоречие в ходе доказательства и такой (под)столбец считается замкнутым. Таблица замкнута, если все ее (под)столбцы замкнуты. Косвенное доказательство формулы в табличном исчислении B считается построенным, если в ходе семантического анализа формулы все (под)столбцы исходной таблицы оказались замкнутыми.

Покажем на примере доказательства формулы (2) в исчислении B принципы работы логических эвристик исчисления табличного типа. Шаги доказательства отмечены порядковой нумерацией, в скобках указывается дочерней формулы, маркер замыкания (Змк) указывает на замыкание (под)столбца по указанным в скобках формулам (см. таблицу 0).

Видим, что все подстолбцы таблицы 0 замкнуты, следовательно, нет ни одной логической возможности для подтверждения косвенного

предположения о том, что формула (2) может быть ложной. Следовательно, она является тождественно истинной.

Таблица 0

- 0		+ 0			
		1. $(A \rightarrow C) \rightarrow ((B \rightarrow D) \rightarrow ((A \vee B) \rightarrow (C \vee D)))$			
2. $A \rightarrow C$ (из 1)		3. $(B \rightarrow D) \rightarrow ((A \vee B) \rightarrow (C \vee D))$ (из 1)			
4. $B \rightarrow D$ (из 3)		5. $(A \vee B) \rightarrow (C \vee D)$ (из 3)			
6. $A \vee B$ (из 5)		7. $C \vee D$ (из 5)			
		8. C (из 7)			
		9. D (из 7)			
- 01		- 02	+ 01		+ 02
		11. C (из 2) ЗМК (из 7, 11)	10. A (из 2)		ЗМК (из 7, 11)
- 011	- 012		+ 011	+ 012	
	13. D (из 4) ЗМК (из 7–13)		12. B (из 4)	ЗМК (из 7–13)	
- 0111	- 0112		+ 0111	+ 0112	
14. A (из 6) ЗМК (из 10–14)	15. B (из 6) ЗМК (из 12–15)		ЗМК (из 10–14)	ЗМК (из 12–15)	

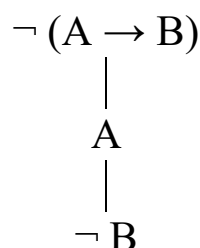
Семантические таблицы, аналогичные таблицам Бета, знаменовали собой прорыв в понимании того, как работают эвристики в рациональных доказательных рассуждениях. Оказалось, что сама логическая среда построения доказательства может быть организована с учетом того, как семантический анализ формулы определяет собой последовательность дедуктивных шагов в доказательстве, что было практически недостижимым в натуральных и аксиоматических исчислениях. Следующим шагом в эволюции табличных исчислений стали исчисления в виде графов, более эффективно использующие идею семантического анализа формулы, но не вводящие никаких предпосылок относительно логической онтологии. В этих исчислениях процесс творческого поиска стратегии доказательства никак не зависит от философско-логического толкования понятий истины

и лжи и поэтому может быть интерпретирован самыми разными способами, от технически реализованных процессов в вычислительных устройствах, до принятия жизненно важных решений по экзистенциально значимым вопросам человеческой жизни.

Рассмотрим логическое исчисление *Pr* (по имени австралийского философа и логика Г. Приста, активно использующего такие исчисления в своей научной и педагогической деятельности) для исследования эвристических возможностей в формализованных рассуждений.

Правила непосредственного следования задаются в виде структур, напоминающих графы:

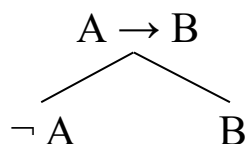
Правило «Импликация ложна» (ИЛ):

Смысл правила ИЛ можно пояснить следующим образом: если на каком-то шаге построения доказательства мы в процессе рассуждения оказались в негативно-импликативной ситуации, то это возможно лишь в единственном случае — когда антецедент *A* истинен, а консеквент *B* ложен или, что то же самое, мы принимаем формулу *A* в качестве истинной, соглашаемся с ней, и мы не принимаем формулу *B*, не соглашаемся с ней. Разбиение исходного доказательства на случаи не требуется, поскольку импликация бывает истинной лишь в одном случае.

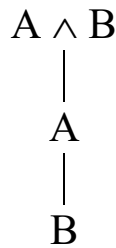
Если же на некотором шаге построения доказательства записана импликация $A \rightarrow B$, то мы принимаем ее в качестве истинной, а это возможно в трех семантических ситуациях, из которых достаточно учесть лишь две, как самые сильные: либо антецедент *A* ложен, либо консеквент *B* истинен. Графически это оформляется в виде разбиения графа:

Правило «Импликация истинна» (ИИ):

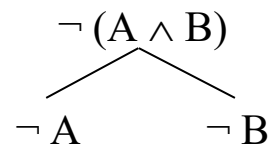

Аналогичным образом задаются правила следования и для других логических связок:

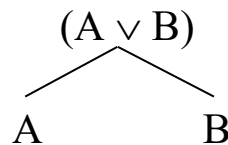
Правило «Конъюнкция истинна» (КИ):

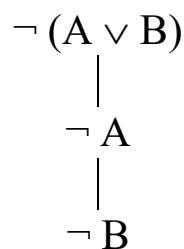
Правило «Конъюнкция ложна» (КЛ):

Правило «Дизъюнкция истинна» (ДИ):

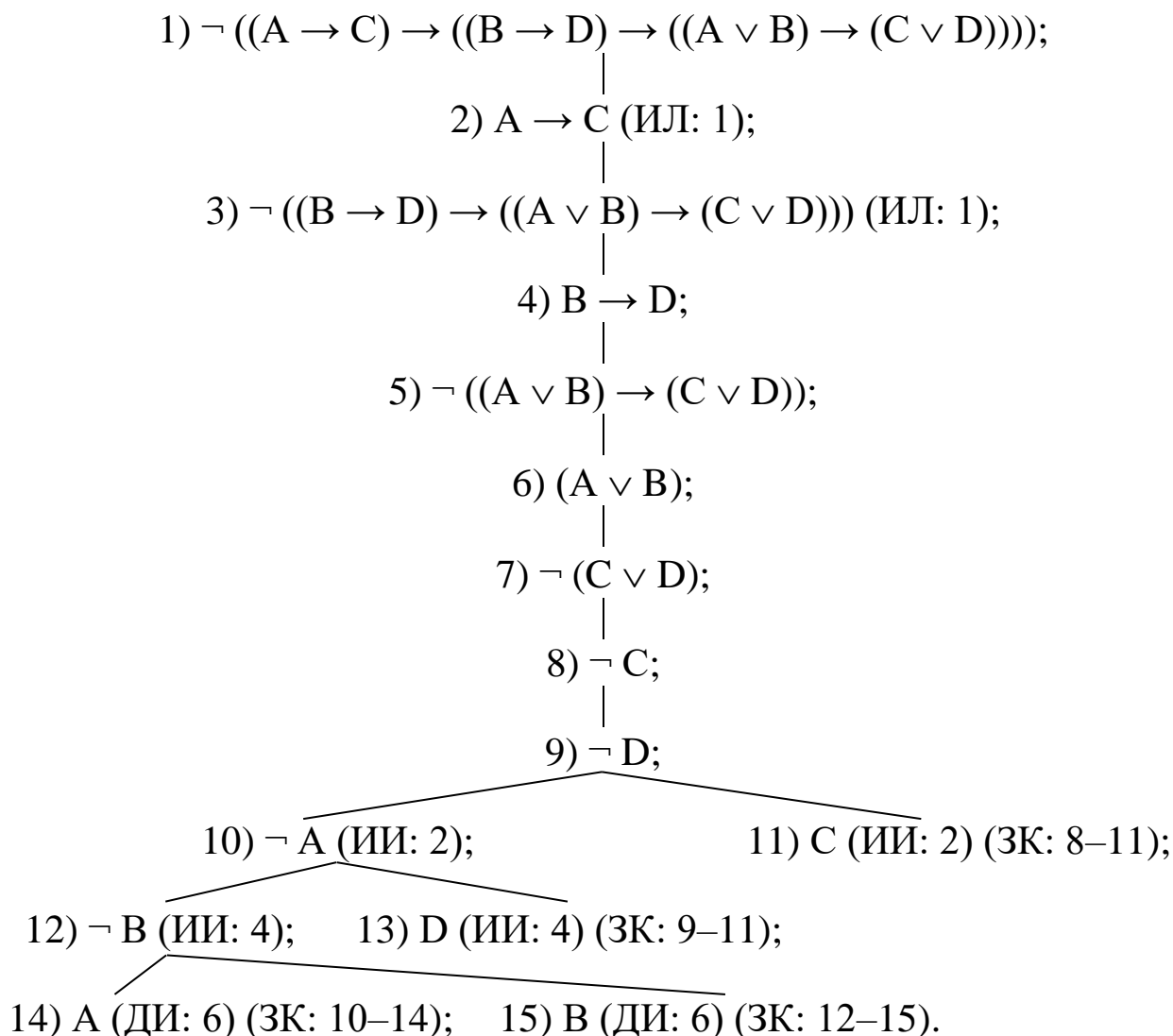

Правило «Дизъюнкция ложна» (ДЛ):

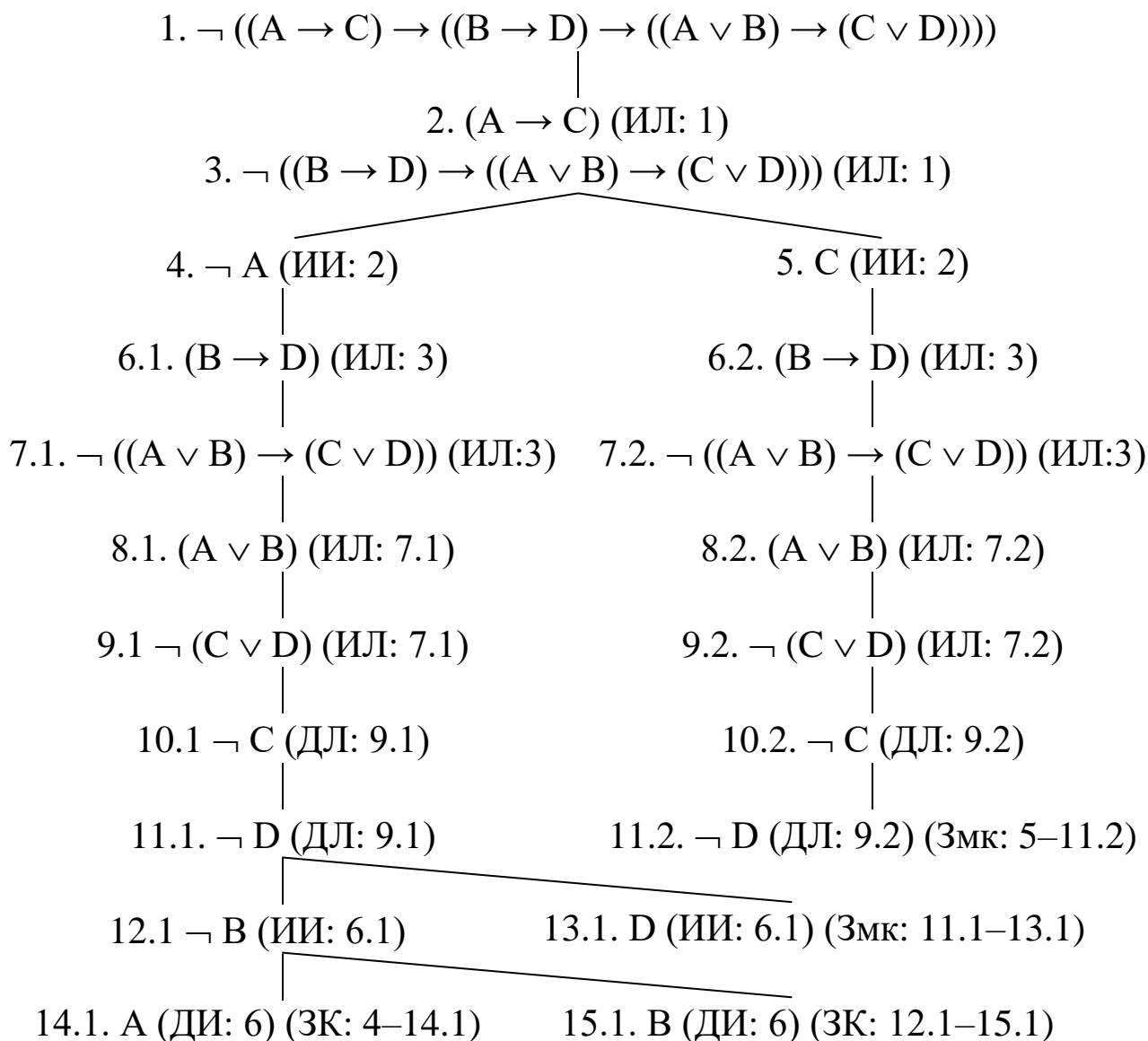

Покажем процесс построения доказательства в системе *Pr* формулы (2). Шаги доказательства будем нумеровать, сопровождать ссылками на правила следования системы *Pr*, указывая при этом также номер формулы, к которой применено соответствующее правило: например, (ИЛ: 1) означает, что данная формула получена в результате семантического анализа формулы (2) по правилу ИИ (импликация истинна). Замыкание ребер графа (аналогичное замыканию столбцов в семантических таблицах Бета, будем обозначать посредством

(Змк: 8–9), где 8 и 9 — порядковые номера противоречащих друг другу формул в соответствующей ветви графа:

В приведенном выше доказательстве видим те же 15 шагов-формул, однако пространственная организация доказательства в виде древовидного графа намного более интуитивна, чем структура аналогичного доказательства в системе *B*. Характерной особенностью исчисления *Pr* является то, что каждый новый шаг в строящемся доказательстве либо однозначно определяется предыдущей семантической ситуацией вне зависимости от того, в каком порядке и к каким формулам мы будем применять правила следования системы *Pr*. Покажем для сравнения, что иной порядок применения правил к доказываемой формуле даст визуально отличную структуру графа доказательства, однако конечный результат останется неизменным — доказательство формулы будет построено:

Очевидно, что альтернативное доказательство отличается от предыдущего лишь тем, что некоторые формулы дублируются в нем, что вызвано иным порядком семантического анализа — правило ИИ (импликация истинна) было применено к формуле (2) до того, как исчерпались все возможности применения к формулам доказательства безальтернативных правил ИЛ (импликация ложна) и ДЛ (дизъюнкция ложна). Но это изменение никоим образом не затронуло эвристическую процедуру нахождения следующего шага в строящемся доказательстве на основе семантического анализа предыдущих шагов.

Сравнение разных доказательств одной и той же формулы (2) в разных логических исчислениях позволяет сделать важное наблюдение относительно логического подхода к пониманию эвристик

как основных ячеек творческого процесса, реализующегося в стихии мышления: эвристический потенциал как способность к совершению нетривиальных мыслительных действий, ведущих к решению неалгоритмических задач, решаемых с помощью рассуждений, есть и не собственная характеристика человека как сознательного субъекта творческой деятельности, и не свойство решаемой им творческой задачи, тем более. Эвристические события возникают в самой дискурсивной среде обоснованных рассуждений, разворачивающихся по определенным правилам, но никогда не сводимым к ним полностью, они суть явления, характерные для конкретного способа взаимодействия познающего субъекта и структурированной особым образом среды, в которой формулируется и задача, требующая творческого разрешения. Именно в событии контакта мыслящего субъекта с формализованной средой решения задачи возникает то событие творчества, которое может быть исследовано и описано научными логическими методами.

Второе важное наблюдение, сделанное в ходе построения доказательств в разных логических средах, заключается в том, что эвристические возможности разных логических исчислений значительно различаются в зависимости от того, какие именно правила, по которым осуществляется мыслительная деятельность человека, формализованы в исчислении, а какие остаются на усмотрение мыслящего субъекта, т. е. остаются нерегламентированными. Согласно расхожему мнению популярной психологии количество событий творчества, происходящих с человеком, обратно пропорционально количеству регламентаций в той среде, в которой он мыслит и действует. Говорят при этом, что регламентации душат творчество, мешают проявлениям человеческой креативности. Такие заявления отчасти верны, если речь идет о регламентациях несущественного, о попытках контроля над теми элементами деятельности человека, которые превращают его самого в функцию и в механическую систему.

Однако в логике формализуется как раз то, что может и должно быть механизировано, поскольку и является механической составляющей в мышлении. Так, система N естественного вывода формализовала лишь отдельные логические переходы между простыми и сложными формулами посредством регламентации действий с логическими связками, в то время как сам процесс построения доказательства

был формализованы лишь минимальным образом, как набор (неупорядоченное множество) возможных действий с формулами в выводе. Это существенным образом ограничивало творческий потенциал субъекта в использовании эвристик в системе N . Образно говоря, решения задач на построение доказательств в системе N осуществляются скорее вопреки логическому исчислению, а вовсе не благодаря ему.

Иначе обстояло дело в системе B , где существенным образом учитывался семантический аспект логических связей и свойство подформульности, позволяющее последовательно редуцировать процесс доказательства формулы ко все более локальным и частным задачам и подзадам. Наконец, в системе Pr было формализовано самое существенное в процессе построения доказательства — сам процесс выбора формулы, подлежащей семантическому анализу, сделанный с учетом предыдущих шагов доказательства. Это приблизило доказательство теоремы к алгоритмическому процессу, при котором каждый следующий шаг в доказательстве почти однозначно определяется предыдущими шагами, в то время как мыслящему субъекту остается лишь следить за тем, чтобы придерживаться метаэвристических правил минимизации затрат логических ресурсов, не допуская избыточных повторений и циклических конструкций в доказательстве.

Все это в итоге наводит исследователей логических эвристик на мысль о том, что между творческим интеллектуальным актом и механическими процессами в мышлении не существует той непроходимой пропасти, о которой так любят рассуждать люди, далекие от предметного знания логики как научной системы мышления, и поэтому спекулирующие на представлениях об устройстве интеллектуальной деятельности человека, но не занятые понятийным осмыслением ее. Однако именно этой регулятивной идеей перебрасывается мост между точными и гуманитарными науками в их совместном исследовании процессов творческого мышления.

3.2. Эвристики в современной психологии

Значительный вклад в исследование творческого мышления и творческой деятельности человека вносит современная психология, главным образом, в таких своих разделах, как когнитивная психология

и психология творчества. В психологии исследование актов творческого открытия ведется в русле изучения так называемых эвристических стратегий — осознанных и целенаправленных способов решения проблем мыслящим, чувствующим, волящим и действующим субъектом. Эвристика в этом смысле есть особый режим деятельности человека, требующий его интеллектуальных и душевных усилий, напряжений воли и следующих за этим поступков. Такие конструктивные (в плане разрешения проблемных ситуаций) мыследействий принято называть позитивной или положительной эвристикой. В то же время в когнитивной психологии (а также в когнитивно-поведенческой терапии, как прикладной и практически ориентированной области психологических знаний), активно исследуются так называемые «байесы» — автоматические мысли, работающие в психике субъекта без его сознательных и волевых усилий, и вызывающие сбои рациональности в человеческом мышлении и поведении. Эти автоматизмы в мышлении принято называть негативными или отрицательными эвристиками. Байесы как когнитивные искажения ведут в перспективе их использования к дезадаптивным формам мышления и поведения, в то время как позитивные эвристики представляют собой адаптивные и продуктивные формы творческой активности.

Несмотря на то, что общий философско-психологический интерес к феномену творчеству уходит корнями в античное прошлое, качественный прорыв в психологическом понимании человеческой креативности произошел в психологии лишь на рубеже XIX–XX вв., когда психология оформилась в самостоятельную научную дисциплину, опирающуюся в своих исследованиях различных приемов изобретательства и открытия на основательную эмпирическую базу наблюдений и экспериментов. Важный вклад в исследование принципов психологических механизмов творческой деятельности внес немецкий психолог Г. Гигеренцер. Основными темами его психологических изысканий становятся эвристики, деревья принятия решений и описания способов действий рационального субъекта в условиях ограниченной рациональности.

В 60-е гг. прошлого века, двигаясь навстречу друг другу с разных направлений, логические исследования творческого рационального мышления и психологическое изучение эвристических приемов в поиске человеком оптимальных решений для целесообразных

действий в ситуациях с ограниченными ресурсами, казалось бы, обрели свое место встречи в начавшихся в то время исследованиях в области искусственного интеллекта. Но начальный энтузиазм исследователей в этой быстро развивающейся междисциплинарной области знаний, подкрепленный успехами в научной программе автоматического доказательства теорем, так же быстро сменился заметным охлаждением оптимистичных настроений, когда стало ясно, что само по себе наличие эвристик в мышлении субъекта отнюдь еще не делает его творческим субъектом. Это понимание нашло опытное подтверждение при разработке различных кибернетических систем, предшественников будущих компьютерных систем, сконструированных для моделирования когнитивных процессов. Эвристики как способы оптимизации продуктивных разрешений проблемных ситуаций, имея несомненное локальное преимущество перед механическими способами решения сложных комплексных задач, сами зачастую оказывались элементами репродуктивных когнитивных механизмов. Иными словами, эвристики, изначально выступавшие в роли «строительных кирпичиков» творческих актов, сами повсеместно оказывались нетворческими действиями в рамках достаточно сложных когнитивно-ориентированных систем производства и переработки знаний.

Новой вехой на пути постижения феномена творчества в рамках научной психологии стали труды американского психолога А. Ньюэлла, блестящего ученика нобелевского лауреата Г. Саймона, который вместе со своим учителем в 70-х гг. прошлого века стал разрабатывать новую область междисциплинарных исследований на стыке когнитивной психологии, символической логики и искусственного интеллекта. Результатом этих изысканий стала так называемая «теория задачного пространства» (*Problem Space Theory*), все ключевые идеи которой (стартовое состояние задачи, операторы как правила преобразования, формирование гипотез, сравнение альтернатив, дерево решений и пр.) замечательным образом перекликались с исследованиями логических эвристик как способов оптимизации рациональных рассуждений в формализованной среде в символической логике.

Характерной особенностью подхода А. Ньюэлла и Г. Саймона к изучению творческих рациональных актов стало представление эвристик как структурированных сущностей (когнитивных состояний

актора, решателя неалгоритмической задачи), которые можно было описать в терминах дискретной математики и вычислительной логики и превратить в дальнейшем в листинги программных кодов. Этим был переброшен связующий мост между традиционными (в рамках гуманистически-ориентированной психологии) исследованиями актов творчества, интуиции, креативных озарений и пр., с одной стороны, и логическим программированием, и вырастающей на его основе компьютерной наукой — с другой стороны. В частности, именно Ньюэлл и Саймон описали один из классических видов эвристик, эвристику восхождения (*hill climbing*), широко применяемую сегодня как в когнитивной психологии, так и в области изучения метаэвристик. Центральное понятие, используемое в теории задачного пространства — эвристический поиск. Мышление понимается как творческий поиск ответов на возникшие при решении проблем задачи, причем траектория этого поиска напоминает восхождение на холм по неизвестному заранее маршруту, при котором движущийся к цели субъект совершает челночные движения от средств к целям и от целей к средствам, постоянно оптимизируя их соотношение, выполняя их своеобразный апгрейд.

Важно отметить, что в теории задачного пространства, как и в символической логике, эвристики не противопоставляются алгоритмическим процедурам, но дополняют их. Поскольку общей чертой всех эвристик является негарантированность достижения желаемого результата в результате их использования, их применение оправдано в стохастически организованных проблемных ситуациях, где важно оценить вероятность достижения цели в условиях ограниченного времени и доступных ресурсов. Алгоритмический путь, будучи гарантированным в логическом плане, может оказаться просто бессмысленным, если станет понятно, что решение всех задач, составляющих совокупную проблемную ситуацию, выйдет за рамки допустимых временных или ресурсных рамок. В этом плане использование эвристик, как и любой настоящий акт творчества, всегда связан с неопределенностью и риском.

Системные изыскания в области применения эвристических принципов мышления и действия по разрешению творческих задач постепенно подвели Ньюэлла и Саймона к понятию «глубинной эвристики» — приемам оптимизации самих способов оптимизации.

Может показаться, что здесь исследование эвристик совершает своеобразный логический круг, рефлексивно замыкаясь на себя, превращаясь в метаэвристику (а затем и в мета-метаэвристику). Однако подлинный смысл глубинной эвристики (прототипа будущего глубинного обучения, “*deep learning*”) все же иной. Существенным моментом является не замыкание эвристики как процесса на самое себя, но дифференциация проблемных ситуаций на задачи и проблемы. В современных когнитивных науках задачами называют те проблемные ситуации, в которых достаточно четко определены цели, но недостаточно определен путь их достижения (хотя возможна точная инструментальная и методическая определенность движения по этому пути). Собственно проблемой называют ситуацию, в которой нет полной определенности, как в средствах достижения целей, так и в самих целях. В этом смысле проблема — это всегда неопределенность более высокого порядка. Причем эта неопределенность может быть вызвана как индивидуальной когнитивной или практической ситуацией мыслящего и действующего субъекта, так и иметь черты и коллективной неопределенности. На языке компьютерных наук говорят обычно о том, что в проблеме мы имеем дело не только с совокупностью (кластером) отдельных задач, но и сталкиваемся с необходимостью выяснения того, к какому классу принадлежит решаемая нами задача в рамках общей стратегии разрешения проблемы. Именно это стратегия действий некоторой кибернетической системы, способной самообучаться на обратной связи с предметной реальностью разрешаемой ею проблемы, и характеризуется понятием глубинного обучения. Человек в его творческой активности может рассматриваться в этом случае как частный случай такой самообучающейся системы, принципиально отличной от современных компьютерных систем лишь тем, что средой для его творческой деятельности оказывается социум как совокупность подобных ему свободно действующих творческих индивидуумов. Является ли этот качественный разрыв принципиально непреодолимым в будущем, когда вычислительные мощности компьютерных систем многократно вырастут, является в настоящий момент открытым.

Все вышесказанное выводит исследование эвристик на фундаментальные вопросы общей динамики их развития, которая в современной когнитивистике и обобщается в понятии «метаэвристика», которое впервые использовал Ф. Гловер в конце 80-х гг. прошлого века.

3.3. Метаэвристики в компьютерных науках и в искусственном интеллекте

В XXI веке метаэвристики выросли в отдельное направление исследований в области искусственного интеллекта. Сущность любой метаэвристики заключается в расширении возможностей, содержащихся в отдельных эвристических стратегиях, которые комбинируются между собой в рамках стратегии более высокого уровня (т. н. метастратегия). Но в своей понятийной конкретике метастратегия может быть названа метаэвристикой лишь при соответствии ряду существенных условий, среди которых выделяют обычно следующие:

1) всякая метаэвристика представляет собой метастратегию для управления стратегиями поиска оптимальных решений проблемной ситуации, но не всякая метастратегия является метаэвристикой;

2) в отличие от обычных эвристических стратегий метаэвристическая стратегия поиска никогда не является проблемно-ориентированной;

3) метаэвристическая стратегия, так же как и эвристическая стратегия, не является полностью детерминированной, выступая всегда лишь некоторым приближением к детерминированным процедурам алгоритмического поиска оптимальных решений задачи или проблемы, однако степень этого приближения может сильно варьироваться даже по сравнению со степенью приближения к алгоритмичности эвристических стратегий;

4) метаэвристическая стратегия всегда исследует само пространство решения проблемных ситуаций, а не саму проблему как таковую;

5) в своем предельном выражении метаэвристическая стратегия может быть максимально приближена как к обычной эвристической стратегии локального поиска, так и масштабирована до сложного комплекса самообучающихся когнитивных систем;

6) метаэвристическая стратегия стремится учитывать стандартные вероятностные ловушки, характерные для эвристических стратегий, реализуемых на ограниченном пространстве поиска, и избегает попадания в них;

7) метаэвристика использует принцип обратной связи с предметной средой эвристических стратегий для накопления и учета опыта,

возникающего при разрешении проблемных ситуаций (как позитивного, так и негативного) для корректировки и управления процессом комбинирования эвристических стратегий;

8) метаэвристическая стратегия использует знания, имеющие проблемно-ориентированный характер, лишь опосредованно, через представление их в конкретных эвристиках, вовлеченных в метастратегию поиска и задействованные в ней;

9) метаэвристическая стратегия должна допускать возможность описания ее в абстрактном виде, в т. ч., в формализованных языках, не привязанных к конкретной предметной области решения проблем.

Перечисленные выше существенные черты метаэвристик позволяют эффективно использовать их как в точных науках (в частности, в компьютерной науке, в области искусственного интеллекта), так и в гуманитарных науках, где не пользуются формализованными представлениями метаэвристик, но работают с метаэвристическими стратегиями в обычной языковой среде. Связующую роль между этими группами наук играют т. н. «эволюционные метаэвристики».

В настоящее время создано весьма значительное количество метаэвристических стратегий, которые в самом общем виде подразделяются на непопуляционные и популяционные. В непопуляционных метаэвристиках стратегия поиска ориентирована на одно решение задачи или проблемы, в то время как в популяционных метаэвристиках стратегия нацелена на поиск сразу нескольких потенциальных решений. В свою очередь непопуляционные метаэвристики обычно подразделяют на натуральные и ненатуральные. Под натуральными метаэвристическими стратегиями подразумеваются механизмы оптимизации поиска, в каких-либо существенных чертах подобные механизмам естественного отбора в живой природе или вероятностным процессам с изменениями показателей энтропии в неживом мире физических явлений и процессов. Наконец, популяционные метаэвристики подразделяют обычно на иммунные, роевые, эволюционные и ненатуральные.

Для междисциплинарных исследований, в равной мере применимых и в области точных, и в области гуманитарных наук, наибольший интерес представляют собой именно популяционные эволюционные метаэвристические стратегии оптимизации поиска эффективных разрешений проблемных ситуаций в условиях ограниченных

ресурсов. Работа над метаэвристиками этого типа началась в 1954 году, когда была создана первая математическая модель эволюционных процессов, которая оказалось полезной для поиска оптимальных и субоптимальных решений в тех сложных проблемных ситуациях, в которых использование обычных эвристик с неизбежностью влекло за собой неоправданно большие ресурсные издержки (чаще всего, вычислительные и/или временные). В середине 70-х гг. на основе этой математической модели были разработаны первые метаэвристические стратегии. Параллельно с этим начало развиваться эволюционное программирование.

При всех различиях в технических деталях все варианты эволюционных метаэвристик объединяет одна ключевая идея — попытка воссоздания в искусственной среде формализованных рассуждений тех процессов в живой природе, которые разворачиваются в процессе естественного отбора на уровне генетических мутаций и связанных с этим адаптационных процессов (метаэвристики, основанные на генетических алгоритмах), в процессе роста и развития роевых форм жизни (роевые метаэвристики, моделирующие жизнедеятельность колонии муравьев, пчел и иных насекомых, а также процессы, управляющие жизнедеятельностью микроорганизмов, например, бактерий), в процессах функционирования иммунной системы живых организмов (иммунные метаэвристики) и т. д. Замечательной особенностью таких метаэвристик оказалась их принципиальная масштабируемость с задач описания и моделирования процессов в эволюции живой природы на широкий класс задач, возникающих в сложных технических системах, программных комплексах, а также в тех процессах человеческой коммуникации, в которых предполагается эволюция самих способов и форм информационного обмена, связанного с интересующим взаимодействием сознательных и мыслящих субъектов по поводу разрешения ими динамически меняющихся проблем и составляющих их задач.

Необходимо помнить, что в биологических эволюционных процессах атомарными сущностями являются биологические индивиды, живые организмы, носители генетической информации. Генетический код, несущий в себе всю необходимую и значимую для цикла жизнедеятельности организма родовую и видовую информацию, оказывается той «программной средой», в которой возникают стохастические

мутационные изменения, часть которых ведет к дезадаптации их носителей, а часть способствует росту и укреплению адаптационных возможностей организмов. Но в эволюционных метаэвристиках аналогами индивидов оказываются отдельные эвристики, представляющие собой по существу локальные программы действий по оптимизации деятельности использующего их носителя (человека или искусственного программного комплекса). Способность носителя этой программы не только эффективно пользоваться ею, но и находить возможности для оптимизации отбора среди наиболее эффективных эвристик в условиях обратной связи с той проблемной средой, в которой эти эвристики используются, является залогом стратегической эволюционной успешности такого эволюционирующего актора.

В этом смысле мы возвращаемся к основной теме этого раздела — к сути и принципам творческой деятельности человека или иной сложноорганизованной системы, способной осуществлять когнитивные акты в их непрерывной взаимосвязи с целесообразным поведением в некоторой проблемно организованной среде. Именно творческий акт как сознание чего-то нового и полезного в перспективе продуктивной жизнедеятельности человека оказывается главным продуктом его биологической и социальной эволюции, главным эволюционным преимуществом человека как разумного существа. Исследования эволюционных метаэвристик приближают человечество к разгадке тайны творчества еще и в том смысле, что создают единую методологическую основу для осмысления творческого потенциала рода *homo sapiens* на более общем фоне эволюционных процессов, происходящих в биологической природе, а также в новой реальности искусственных эволюционных процессов, моделирующих творческие процессы посредством логически организованных и стохастически реализуемых сетевых компьютерных вычислений.

Самым главным недостатком эволюционных метаэвристик на современном этапе их развития оказываются абстрактные способы их описания и представления в формализованных средах. Фактически мы имеем дело с некими программными комплексами, прекрасно функционирующими в конкретной программной среде, имеющими способность к селективному поведению при учете негативного опыта и ошибочных решений, находящими успешное применение в широком

круге научных и прикладных задач, но чрезвычайно слабо интерпретируемыми в терминах обычной человеческой коммуникации. Метаэвристика, реализованная в программной среде определенного языка программирования, видна в своей фактической содержательности и логическом функционировании кодировщикам и другим специалистам в области компьютерных наук, которые в своем подавляющем большинстве мыслят в категориях успешной функциональности, не ставя перед собой задач комплексного осмысления того, что именно успешно функционирует. Как мрачно шутят специалисты в области искусственного интеллекта, человечество сейчас сильно продвинулось вперед в плане понимания того как функционирует творческий интеллект, но оно все так же пребывает в неведении относительно того, что такое творчество, почему и зачем оно существует как факт в сущем, как бытийный феномен истины, являющей себя в творческом акте. Налицо парадоксальная ситуация, когда имеются достаточно подробные и правдоподобные способы понимания механизмов творчества, но все еще отсутствует понимание смысла творчества (по крайней мере, в категориях когнитивных наук, ориентированных на стандарты научной точности и строгости).

3.4. Эвристики и метаэвристики в философской практике

В связи с этим особый интерес представляет тема эвристических принципов в творческой деятельности человека применительно к новой области гуманитарного знания — к практической философии (философской практике). Несмотря на то, что термин «практическая философия» использовался в классической философской традиции еще с Нового времени, в конце XX века он приобрел новый смысл в связи с явлением, возникшем поначалу на периферии академической философской традиции, но затем признанным представителями философского истеблишмента. Речь идет об области помогающих гуманитарных практик, в которых профессиональный философ выступает в качестве консультанта для клиентов, обращающихся к нему для разрешения волнующих их проблем, не имеющих отчетливо

выраженной медицинской этиологии. Такая консультационная помощь (обычно краткосрочная и среднесрочная) иногда приобретает форму философского партнерства, в котором философ-консультант и его клиент полностью исключают какие-либо экспертные позиции относительно друг друга, работая совместно над прохождением через общую смысловую проблему. Разница в позициях философских партнеров в их совместном творчестве сводится фактически лишь к багажу жизненного и профессионального опыта, который не является определяющим в их совместном разыскании истины, однако, может оказаться важным в плане эвристических стратегий при работе над смысловой проблемой.

В настоящее время сложилось уже немало школ, подходов и направлений в философской практике, существует международная Ассоциация практической философии, проходят регулярные научные конференции, посвященные философской практике. Имеется широкий спектр помогающих философских практик, некоторые из которых имеют скорее проективную методологическую направленность, в то время как другие в большей степени структурированы и формализованы в плане используемых методик и техник смысловых интервенций в проблемную ситуацию клиента. Мы покажем общие принципы консультационной работы на примере развиваемого нами среднесрочного философского партнерства со-аналитики — среднесрочного философского партнерства между философом консультантом и его клиентом по поводу некоторой проблемной смысловой ситуации. Типологически со-аналитика в наибольшей степени близка к *LBT* Э. Коэна (*Logical Based Therapy*, «терапия, основанная на логике»), направлению в психологическом консультировании и немедицинской психотерапии, идейно близкому когнитивно-поведенческой терапии (далее — КПТ) А. Бека. В то же время, со-аналитика существенно отличается от КПТ тем, что имеет отчетливо выраженный философский бэкграунд, поскольку в ней ключевым концептом и методологическим императивом является истина, понятая как полная и консистентная совокупность ключевых экзистенциально-значимых принципов человека, имеющая все признаки адаптивной и продуктивной жизненной стратегии человека. В то же время известно, что большинство помогающих психологических практик не акцентируют

внимание и усилия консультанта на философски понятой, целостной истине жизненного мира его клиента. Главный смысл консультационной работы с клиентом заключается в том, чтобы устранить дисфункциональные мысли, чувства, привычки и убеждения клиента, ведущие к возникновению в его жизни дезадаптивного поведения. В этом смысле большинство помогающих психологических практик методологически схожи с практикой работы психиатра, который обычно проводит с помощью фармакологических препаратов симптоматическое лечение: устранив причины беспокоящих клиента симптомов, консультант считает проблему разрешенной, поскольку исчезают проявления проблемы, породившей негативную симптоматику. Однако это ни в коей мере не отвечает на вопрос о том, разрешена ли проблема в ее истинной сущности, поскольку подход консультанта существенно феноменологичен и исключает обсуждение каких-либо сущностей, кроме проявленных в непосредственно данной симптоматике.

Общий смысл философского консультирования в со-аналитике (как в варианте консультирования, так и в варианте философского партнерства) заключается в том, чтобы помочь человеку, оказавшемуся в проблемной ситуации и затрудняющемуся самостоятельно найти из нее выход, раскрыть в связи с этим поводом свои творческие ресурсы, понять и почувствовать себя через практику интерактивного взаимодействия с консультантом как самоорганизующуюся и саморазвивающуюся когнитивно-поведенческую систему. Это означает, что в со-аналитике сама проблемная ситуация рассматривается как творческий ресурс, как шанс для человека (самоорганизующейся системы смыслов) оказаться в эвристическом пространстве более высокого уровня. Обсуждая выше логические эвристики, мы видели, что задача, кажущаяся вполне нетривиальной и требующей творческих усилий в контексте одного исчисления, может оказаться легко решаемой в рамках другого исчисления, эвристический потенциал которого в силу структурных особенностей второго исчисления выше, чем у первого. Способ организации правил исчисления, набор исходных постулатов, правила построения доказательства — все эти компоненты исчисления могут быть организованы так, что задачи, казавшиеся ранее практически неразрешимыми, превращаются в новой

логической среде в пошагово решаемую задачу (а иногда даже и в алгоритм). Переводя решаемую задачу в исчисление более высокого эвристического уровня, мы тем самым снимаем с себя груз механических препятствий, характерных для решения задач в низкоуровневых эвристических исчислениях, акцентируя свои творческие усилия не на борьбе с ними, а на новой организации самого пространства для решения задачи, на устранении самого корня прежних затруднений в поиске оптимального решения.

Подобным образом работает и стратегия работы консультанта с клиентом в со-аналитике. Если в рамках *LBT*-терапии, основанной на логике, консультант помогает своему клиенту найти логические предпосылки для его дисфункциональных убеждений, выстраивая их поиск по принципу восстановления энтимем в силлогистике Аристотеля (с привлечением элементов модальной деонтической логики), то стратегия работы консультанта в со-аналитике опирается на более современную логическую методологию. В со-аналитике сам клиент рассматривается как смысловая проблема, как порождающая конфликтные смыслы среда, а в плане терапевтического альянса и интервенций — как смысловое исчисление с недостаточно высоким уровнем эвристического потенциала.

Эта идея ни в коей мере не означает, что в логически ориентированных видах помогающих практик (в т. ч., в со-аналитике) человек мыслится как аналог формальной логической системы. Однако рациональное понимание человека как смысловой проблемы предполагает именно такую ее реконструкцию, которая в философской практике представляет собой конкретную формализованную логику, т. е. тройку $\langle L, S, f \rangle$, где L — язык проблемной ситуации клиента, представляющий собой фрагмент языка обычной intersубъективной коммуникации, в котором формулируются релевантные разрешаемой в философской практике смыслы; S — структура смысловых денотатов, совокупность сущностей, сопоставленных в качестве значений языковым выражениям из L ; f — смысловая интерпретация, функция, приписывающая по определенным правилам языковым выражениям из L элементы структуры S .

После того, как завершен предварительный этап формализации смысловой проблемы, с этой системой можно работать обычными

логическими средствами, например, исследовать язык проблемной ситуации клиента на предмет его выразительных возможностей и связанного с этим логической репрезентативности языкового синтаксиса. Параллельно с этим исследуется семантика смысловой проблемы как способ задания базовых смыслов и их комбинаций. Вслед за этим проясняются прагматические аспекты исследуемой проблемной системы смыслов, ее влияния на общий когнитивный фон познавательной активности человека (включая специфику его рефлексии и стратегии самопознания). Наконец, исследуются порождающие смысловые механизмы, дедуктивный и индуктивный потенциал логической системы — возможность ее представления в виде формализованного (или хотя бы частично структурированного) исчисления. Для этого определяется набор базовых исходных смыслов, аналогичный аксиоматическим положениям в исчислении, выявляются типичные для проблемной ситуации клиента правила непосредственных переходов от одних смысловых структур к другим, а также общие правила смысловой дедуктики, характерные для мышления клиента.

Такой подход, в конечном счете, позволяет аналитику совместно с его клиентом получить доступ к исходному логическому коду смысловой проблемы, к его «геному», вмешательство в который вызывает изменение свойств самой проблемной системы смыслов, ее синтаксических, семантических, прагматических и дедуктивных характеристик. Моделируя проблемную ситуацию клиента как логическую систему, аналитик никоим образом не редуцирует психологию, ценности, поведенческие приоритеты клиента к логике. Однако в со-аналитике исходят из того, что понять проблему — это значит увидеть логику этой проблемы во всей ее смысловой конкретике и динамике, даже если это будет динамика психологическая, ценностная или поведенческая.

Используя свой жизненный и профессиональный опыт в работе со смысловыми структурами, аналитик предлагает клиенту помощь в виде уместных в случае его проблемной ситуации эвристик, как логических, так и психологических. В этом случае он частично занимает экспертную (хотя и недирективную) позицию в совместной работе, предлагая клиенту на собственном опыте убедиться в возможности использования эффективных процедур разрешения проблем.

Но главный позитивный смысл этой совместной аналитической работы заключается не в научении пользоваться найденными кем-то эвристическими приемами, но в способности самостоятельно трансцендировать любую проблемную ситуацию, в способности увидеть и осознать себя самого как систему жизненных смыслов, как поле для этого метаэвристического трансцендирования. Именно в этом заключается главный итог конструктивного взаимодействия клиента и аналитика в философской практике — в развитии таких когнитивных и поведенческих навыков, которые помогут клиенту отнестись к самому себе как к развивающейся во времени проблеме, которую нужно не «устранить» или «разрешить», но через которую нужно пройти как сквозь жизненную реальность, понятую в своей разумной истине, и тем самым снять себя самого как проблемную смысловую целостность, преодолеть свою эвристическую ограниченность, заданную обстоятельствами места и времени, и сделать себя саморазвивающейся метаэвристикой — принципом порождения истины себя самого в отношении любого возможного проблемного сущего.

ГЛАВА 4

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ АНОМИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

В настоящее время все социальные и экономические процессы происходят под знаменателем процессов виртуализации. Само понятие виртуализации или цифровизации общества остается недостаточно определенным. Причиной этого является методологический кризис теоретической социологии. Попытки метатеоретизирования в условиях виртуализации по сути уничтожают само понятие истины и пути ее поиска. Данный вопрос нуждается во внимательном рассмотрении и рефлексии. Развивающиеся цифровые технологии открывают для научных исследований небывалые возможности. Технологии *Big Data* способны предоставить исследователям огромные массивы количественной информации. В результате огромные неструктурированные потоки данных приводят к появлению большого количества научных исследований и публикаций, но открывающиеся возможности губительно сказываются на теоретизировании. У исследователей возникает соблазн стихийного теоретизирования, когда выводы берутся непосредственно из данных на основе анализа корреляционных, регрессионных и иных зависимостей без должного теоретического осмысления. Данные рассматриваются вне контекста существующих теорий и их развития. Этот процесс можно охарактеризовать как изучение без осмысления.

4.1. Аномия цифрового общества

В настоящее время одним из наиболее популярных способов интерпретации состояния современного общества является определение его как «цифрового» или «виртуализирующегося» [23]. В этом смысле значительная часть социальных процессов «переводится в цифру» и происходит в виртуальном пространстве. В научной литературе можно обнаружить множество концепций виртуализации и целостных

теорий цифрового общества, но нельзя обнаружить господствующую парадигму, которую можно было бы считать общим взглядом науки на общество. В настоящее время «мультипарадигмальность характеризует одновременно равноправность и дополнительность множества социологических концепций. Взаимная критика различных концептов при этом зачастую просто отсутствует в силу различий проблематики или сектора наблюдения, а также из-за противоположности методологических принципов. Научные результаты становятся практически несоизмеримыми» [24, с. 26]. Подобное метатеоретизирование приводит не к просто к сосуществованию различных парадигм в пределах социальной науки, но, по сути, и к сосуществованию разных социологий. К примеру, этнометология Гарфинкеля давно стала отдельной наукой, которая имеет свою теорию, свои понятия, свои методы и собственные способы интерпретации полученных эмпирических данных. Венцом этого процесса является формирующееся течение постмодернистской социологии, которая отвергает прежнюю систему методологических координат, однако не предлагает ничего взамен. Постмодернизм остается только лишь комплексом разрозненных высказываний об обществе. Мультипарадигмальность похожа на демократические принципы в науке, однако она крайне опасна поскольку уничтожает сам принцип нахождения истины. Вместо конкуренции различных взглядов на истину мы получаем некоторую «метаистину», которая может содержать себе взаимоисключающие суждения и существует в виде бессвязного комплекса теоретических построений. Для российской науки это также таит в себе большую опасность поскольку российская наука способна создавать оригинальные теории, но для нее существует опасность замкнуться в себе и не учитывать новейшие достижения мировой науки. Всю историю российская наука сталкивалась с проблемой признания собственных результатов мировым сообществом.

Другую опасность для российской науки представляет идеологизация, когда достоверным провозглашается не то что истинно, а то, что выгодно по конъюнктурным соображениям. Это опасность влияния на науку различных ненаучных теорий. Идеологические, религиозные, социальные активисты могут быть заинтересованы в искажении научных выводов. Наука должна быть объективна

и беспристрастна. Макс Вебер совершенно справедливо отмечал, что этот принцип особенно важен для социальной науки. В естественных науках кто-то вряд ли будет считать кусок материи «хорошим» или «добрым». Однако вопросы об изменении климата привлекут не только ученых, но и различные заинтересованные социальные силы.

При обсуждении нормативно-ценностного состояния цифрового общества зачастую используется теория аномии, которая позволяет объяснить нестабильность в обществе, а также возрастание уровней девиантного и преступного поведения. Наиболее признанной теоретической концепцией здесь является теория напряжения Р. Мертона, которая объясняет возникновение аномии разницей между заданными культурой целями по отношению к индивиду и фактически предоставляемыми реальной экономикой возможностями реализовать эти цели.

Для российского общества исследования аномии крайне актуальны: во-первых, из-за масштабных кризисов, произошедших в конце XX века; во-вторых из-за недостаточной разработанности этой концепции в научной литературе. К примеру, в юридической литературе можно обнаружить следующее определение аномии: «так, общеизвестно, что аномия в буквальном значении означает безнормие, но подобное ее понимание носит самый упрощенный характер. Формально правовые нормы могут быть закреплены в нормативном правовом акте, но быть противоречивыми или может отсутствовать сам механизм их реализации» [25, с. 9]. Здесь автор абсурдно утверждает, что буквально любой читатель знаком с понятием «аномия» и даже не конкретизирует происхождение и значение данного термина. Также автор настаивает на некоторой новой постановке проблемы, связанной с противоречивостью социальных норм. Однако на это обстоятельство указывали еще античные философы при обсуждении аномии, а сама эта проблематика уже была подробно разработана в трудах средневековых теологов [26, с. 235]. Поэтому появившийся в науке термин «аномия» (введенный Жаном Мари Гюйо, а не Дюркгеймом [27]) не был для человеческой мысли чем-то принципиально новым. Разные интерпретации аномии в науке всегда были связаны с религиозной и юридической проблематикой [28]. В настоящее время российской науке большую популярность приобретает понятие «нормальной аномии», развивающейся в «сложном обществе».

При этом «в нашем языке оно звучит как „нормальная ненормальность”, т. е. как типичный оксюморон типа „жареный лед” или „прямая кривизна”» [29, с. 55]. Помимо прочего научные термины как правило образуются от латинского или греческого языков. С содержательной точки зрения данная концепция не представляет собой ничего принципиально нового поскольку нормализация аномии латентно заключена еще в ее интерпретацию Мертоном. В англоязычной литературе наибольшую популярность имеют институциональная теория аномии и общая теория напряжения Роберта Агню. Данные теории обосновывают экономические и внутриличностные причины возникновения аномии соответственно. В целом же для понимания аномии необходимо отказаться от постмодернистского мышления и перейти к сверхсовременным парадигмам, которые включают методологию классической социологии, при этом учитывая интенсивные современные процессы [30].

Итак, аномия проявляется в обществе как безнормие, социально-психологическое напряжение и противоречивость нормативных требований к индивиду. В настоящее время применительно к социальным наукам можно говорить и об аномии в самой науке, поскольку мы имеем уже описанную ситуацию сосуществования принципиально разных взглядов на социальные проблемы. Как отмечает Девятко при анализе метатеоретизирования «всякая норма или конкретное приложение нормы представляет собой более или менее удачную интерпретацию целевого принципа (например, принципа равенства или справедливости) применительно к контингентной «ситуации». Яркий пример такого понимания соотношения морального или правового принципа и его интерпретации — талмудическая традиция и институт «суда справедливости»» [31, с. 16]. Следует отметить, что маркетологи не могли бы эффективно работать на всех континентах и среди представителей всех культур, если бы им не удавалось нащупывать некоторые универсальные подходы, которые работают только на социальном, но и на субъективном уровне. Преодоление аномии в социальных науках возможно за счет отказа от принципа метатеоретизирования, который является модным удобным, но совершенно губительным для поисков научной истины.

4.2. Специфика образования в условиях виртуализации

При анализе образования и его влияния на способность индивидов к творческому мышлению, а также поискам истины следует отметить две негативные тенденции. Первая из них заключается в стремлении к унификации, соответствию учеников определенным заданным параметром. Такой подход позволяет подтягивать «отстающих» однако он игнорирует потребности творчески одаренных личностей, которые потенциально способны внести существенный вклад в науку и практику в будущем. Другая тенденция заключается в деструктивном влиянии цифровизации образования. Цифровизация в большинстве научных источников представляется как исключительно положительное явление, поскольку она обеспечивает доступ обучающегося к огромным объемам информации, обеспечивает для обучающегося возможность учиться в асинхронном режиме и дает многие другие преимущества. Цифровизация упрощает управление образованием и помогает сокращать расходы. При этом чтобы результативно пользоваться цифровыми инструментами обучающийся должен иметь достаточную мотивацию и умение пользоваться цифровыми инструментами. Обе эти тенденции, по сути, связаны с унификацией образования.

На практике обучающийся в дистанционном режиме может «скачать лекцию» или воспользоваться иными цифровыми инструментами. Однако подобное взаимодействие не дает многие необходимые знания и навыки, которые могут быть получены обучающимися только в очном режиме. Особенно это справедливо для таких профессий, которые предполагают постоянное общение с людьми.

Рассмотрим некоторые латентные феномены образования, которые в настоящее время остаются слабо изученными. В первую очередь речь идет о скрытом учебном плане, который был впервые открыт знаменитым преподавателем Джексоном. Зачастую любое занятие движется не только за счет формальных утвержденных схем проведения занятия, но воплощается за счет опыта и творческих способностей преподавателя поскольку «случайные мысли, внезапные озарения, запутанные отступления, несущественные отступления в сторону и другие мелкие нарушения постоянно нарушают плавность

учебного диалога. Опытные учителя принимают такое положение вещей и начинают воспринимать удивление и неуверенность как естественные черты своего окружения. Они знают, или догадываются, что путь образовательного прогресса больше напоминает полет бабочки, чем полет птицы» [32, с. 166]. А в итоге можно констатировать, что скрытый учебный план — это гибкие схемы проведения занятий, которые более адаптированы к разнообразию ситуаций, возникающих в реальной жизни, чем формально утвержденные схемы. С другой стороны, скрытый учебный план предполагает определенный объем знаний и компетенции обучающегося, не все из которых описаны в формальных документах. В итоге «в широком смысле *hidden curriculum* (скрытый учебный план) можно описать как скрытые (латентные) социальные нормы и социальные функции системы образования. Концепция формируется по аналогии с понятием „учебный план“, в который включается набор знаний, умений, навыков и компетенций, которыми учащийся должен овладеть в результате обучения. Скрытый учебный план — это скрытые, неявные социальные нормы, знания, умения и навыки, которые не связаны с содержанием учебного плана, но которые ученики усваивают, находясь внутри системы образования» [33, с. 16]. На практике именно соблюдение такого скрытого учебного плана обеспечивает подлинное качество образования.

Не менее важный аспект очного обучения — это передача неявных знаний. Как и скрытый учебный план, неявные знания не описаны в научной литературе, но в отличие от скрытого учебного плана их крайне трудно описать. Разработанная психологом Стербергом концепция неявных знаний определяет их как такие знания, которые приводят обучающегося к успеху и позволяют плодотворно решать возникающие задачи. Это определение очень размыто как размыты и границы самих неявных знаний ведь «неявными (негласными или неписаными) эти знания называют потому, что о них обычно не говорят вслух — они подразумеваются под действиями и открытыми формулировками. Но их можно (и иногда это удается) вытащить наружу, хотя и не без труда» [34, с. 141].

Неявные знания трудно поддаются описанию и измерению, однако это по сути то зачем люди поступают в престижные учебные заведения. Ведь книги любого ученого можно взять в библиотеке,

но получить живое общение с ним и советы по некоторым сложным практическим ситуациям можно получить только от него лично.

На практике «Неявные знания имеют три особенности: они процедурные, они значимы в достижении важной для конкретного человека цели, они приобретаются при незначительном содействии извне. Эти знания образуют важную часть практического интеллекта» [35, с. 62]. Практический интеллект — это третий слабоопределимый теоретический концепт, но имеющий для науки огромное значение. Согласно Стернбергу — это способность воплощать свои замыслы в жизнь. Для достижения результата в науке ученый должен обладать не только аналитическим и творческим, но и практическим мышлением.

В итоге можно констатировать, что виртуальные инструменты могут быть крайне полезны для образования и расширяют его творческие возможности. При этом дистанционное образование не должно заменять традиционное. Наилучшим форматом является смешанный формат обучения, который позволяет делать презентации более наглядными красочными, предлагать обучающимся новые форматы решения практических и теоретических задач, а также давать учебный материал отсутствовавшим на занятии обучающимся. Крайне важным моментом здесь является развитие неформальных образовательных сообществ. Члены таких сообществ руководствуются не формальными, требованиями, необходимыми для получения формальной квалификации (сертификата, диплома специалиста и пр.), а собственным познавательным интересом. Обсуждение научных вопросов в таких сообществах протекает на крайне высоком уровне, а их деятельность помогает продвигать и формальное образование.

4.3. Перспективы методологического творчества

Мы обозначили феномен метатеоретизирования как поле для решения проблемы мультипарадигмальности. Рассмотрим перспективы методологического творчества как такового с учетом аномии цифрового общества. Цифровизация здесь также играет огромную роль. Виртуальная среда создает сверхновые формы неравенства в т. ч. такие как неравенство в доступе к эвристическим ресурсам. Многие

образовательные базы данных, а также цифровые продукты (статистический пакет *SPSS* программа *MAXQDA* и пр.) являются платными и достаточно дорогими. Свободный доступ к ним во многих случаях ученые имеют только если носят статус обучающихся или работающих в достаточно престижных научных и образовательных учреждениях. Но глубина цифрового неравенства не ограничивается этим и «...теперь неравенство становится инклюзивным: дифференциация внутри большинства включенных возникает потому, что преимущества от доступа и использования получают те, кто оказывается активнее и креативнее в рутинных практиках. Исследования, включая данное, показывают, что пока только меньшинство ориентировано на активное создание сетевого контента и на извлечение из этого выгод и преимуществ» [31, с. 15]. Цифровые продукты, по сути, открывают огромные возможности для творчества, включая и научное творчество. Также это возможности для ведения просветительской деятельности и распространения научных достижений «в массы». При этом подлинно творческое использование цифровых инструментов встречается крайне редко. В основном мы имеем дело с их использованием как собственно инструментов для достижения определенных поставленных целей.

Другой аспект проблемы заключается в том, что цифровизация перестает интересовать исследователей как феномен. В настоящее время «цифровизация, являющаяся инструментальной реализацией и техническим оформлением процессов виртуализации общества, превращается из экзотики в социальную рутину и в форму менеджериально-бюрократической апроприации (от англ. *appropriation* — присвоение) практик виртуализации, перевода их на подконтрольные государству и корпорациям цифровые платформы» [30, с. 8]. Однако подлинная социальная онтология процессов виртуализации до сих пор недостаточно раскрыта и это направление социологических исследований пришло в упадок исключительно из-за внутридисциплинарных причин, но не по причине того, что объект уже исследован и к написанному нечего добавить.

Существенной проблемой современной науки является программное решение *ChatGPT* от компании *Open AI*, которое способно генерировать тексты по запросу. Данный инструмент может быть полезным помощником поскольку способен очень быстро составить

подборку имеющихся в интернете сведений по определенной теме. Однако качество такой подборки сейчас является недостаточным. И зачастую для многих обучающихся *ChatGPT* стал инструментом, который работает вместо них. Это порождает множество этических проблем при использовании искусственного интеллекта в науке и образовании. Использование искусственного интеллекта также связано с проблемой конфиденциальности информации, которую пользователи оставляют в сети. Зачастую цифровые экосистемы различных компаний способны аккумулировать буквально все сведения о пользователе, включая информацию о его передвижении, сведения о банковских картах, поисковые запросы и многие прочие вещи. С точки зрения науки нас интересует возможность подобных цифровых акторов влиять на общественное мнение и отношение к науке и образованию.

Технологии искусственного интеллекта становятся все сильнее и могут все лучше «понимать» человека. Если в настоящее время искусственный интеллект только обрабатывает поисковые запросы и выдает информацию по заданию человека, то в очень близком будущем появятся чат-боты которые смогут активно общаться с пользователями и влиять на общественное мнение через социальные сети. В научной сфере же следует ожидать появления искусственного интеллекта исследователя способного не только решать задачи по запросу пользователя, но и обладающего собственной творческой активностью. При этом следует понимать, что искусственный интеллект не обладает ценностями и представлениями об этике. При создании подобных программ их настраивают таким образом, чтобы они непременно соблюдали этические принципы. Однако обучающийся самостоятельно искусственный интеллект вполне может принять иное решение или же искусственный интеллект может быть использован людьми для аморальных целей.

Существенной проблемой является также и то, что технологии искусственного интеллекта просто заменяют людей на рабочем месте. Уже сейчас можно наблюдать возникновение «нового классового расслоения между высококвалифицированными и образованными специалистами, и утратившей квалификацию малообразованной рабочей силой» [36, с. 349–350]. Если в настоящее время это касается только простых профессий, таких как телефонные консультанты,

то более мощной искусственный интеллект потенциально будет способен справляться с намного более масштабными задачами. Описанные аспекты определяют то обстоятельство, что в будущем искусственный интеллект потенциально может стать угрозой для научного сообщества.

Также при использовании искусственного интеллекта возникает и вопрос субъектности. Это неизбежный вопрос о том можно ли считать действующий в науке искусственный интеллект собственно исследователем поскольку уже сейчас алгоритмы искусственного интеллекта частично выполняют те же задачи что выполняют студенты или исследователи.

Наибольшую трудность цифровизация представляет для методологии из-за своего все большего распространения. Цифровые исследовательские инструменты позволяют собирать колоссальные объемы данных, которые изначально являются неструктурированными. Парсинг и статистический анализ позволяют обрабатывать колоссальные количество текстов, фотографий и видео файлов и получать при этом статистически значимые результаты. При этом статистической обработке подвергаются данные, которые изначально являются качественными по своей природе. В этой ситуации у исследователя возникает большое искушение принять во внимание обнаруженные статистические закономерности и отказаться от их социологической интерпретации. При этом статистическая закономерность зачастую не означает наличие причинно-следственной связи. И интерпретировать данные всегда возможно только в более широком социальном контексте. Именно этот вопрос взаимоотношения количественного анализа и интерпретации в будущем будет представлять наибольший методологический интерес. Цифровизация поставила принципиально новый аспект этой проблемы, а именно превращение всего текста в цифру. Любой текст в цифровой среде излагается при помощи двоичного кода и может быть незамедлительно подвергнут статистическому анализу. Однако каждое исследование должно опираться, прежде всего, на достаточно обоснованную теорию.

В данной главе были рассмотрены основные аспекты, которые оказывают существенное влияние на потенциал методологического творчества. Наибольшей проблемой для методологического творчества остается существование постмодернистских иллюзий, которые

мешают построить твердое основание, на которое могли бы опереться исследователи. В социальной сфере отсутствие адекватных господствующих парадигм приводит к тому, что нет общепринятых понятий, которые стали бы основанием для дальнейшего теоретизирования. Цифровые технологии открывают новые возможности, но в большей степени создают риски для научного сообщества. Цифровизация влияет на образование негативно, однако имеет большой потенциал позитивного влияния. Вообще процесс виртуализации остаются экстраполяцией происходящих в обществе процессов в цифровое пространство. И для плодотворного, эвристичного развития науки необходим интерес всех участников процесса к вопросам базовой методологии.

ГЛАВА 5

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОПЫТ И ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБЪЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

5.1. Защита исторической памяти

История нашей страны непрерывна, постоянный поток. Мы должны рассматривать ее в целом, со всеми, порой крайне сложными и даже противоречивыми, периодами.

Для государства, власти, общества, граждан крайне важны объективные, полные знания о нашем прошлом: и далеком прошлом, и близком, недавнем. Все здесь имеет значение, особенно сегодня, а значит, растет запрос и на работу историков, ученых, вузовских преподавателей, школьных учителей, наставников.

При этом хотел бы подчеркнуть, что недопустимо повторять ошибки, которые имели место в советский период, когда выводы ученых-гуманитариев нередко подгонялись под заданные шаблоны. Шаблоны вообще плохо, но в истории — особенно плохо.

Нечто подобное происходит и сейчас в некоторых странах на Западе, где многое определяет текущая радикально-либеральная конъюнктура. В угоду ей ключевые исторические события подаются в совершенно искаженном, перевернутом виде, а правда отменяется.

Позиция России по сохранению исторической памяти, а значит, и своего суверенитета вызывает у некоторых стран на Западе раздражение. Собственно говоря, так происходило на протяжении веков. И сегодня продолжают попытки выбить почву у нас из-под ног. Сами эти попытки, разумеется, не способны изменить прошлое, они обречены на провал. Лишить страну побед, достигнутых нашими предками, невозможно.

Поэтому мы, прежде всего, реагируем на события, которые волнуют всю нашу страну. Конечно же, основной ментальный стержень нашей нации — это историческая память о Великой Отечественной войне.

Запад охватила страшная болезнь: историческая амнезия. Там напрочь «забыли», какая страна внесла наибольший вклад в борьбе с нацизмом, и какую страшную цену за это заплатил ее народ. История войны искажается, переписывается, из нее вырываются одни страницы и вставляются другие, новые.

Самым эффективным оружием в борьбе против исторической лжи и фальсификации является, конечно же, историческая правда, т. е. твердые аргументы, основанные на достоверных исторических источниках. При этом нам в отличие от наших недоброжелателей ничего выдумывать не надо: Россия обладает богатейшей тысячелетней историей. Курсантам и слушателям, необходимо эту историю объективно изучать, твердо знать, достойно продолжать и защищать.

Очень важно подчеркнуть, что поправки к Конституции Российской Федерации, инициированные Президентом Российской Федерации В. В. Путиным и принятые 01.07.2020 г. на всенародном голосовании защищают историческую память, правду и ценности народа России. Полный текст Закона «О поправке к Конституции Российской Федерации» в ч. 3 ст. 67.1 определяет: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»¹.

На Западе практически переписали историю Второй мировой войны. Оказывается, не Советский Союз победил во Второй мировой и не он понес самые огромные потери в борьбе с фашизмом, уничтожив гитлеризм. К такому «выводу» все чаще приходят политики на Западе, а не так давно, они в очередной раз в этом «расписались». Это произошло на торжественных мероприятиях во Франции, по случаю 80-й годовщины высадки десанта союзников в Нормандии в июне 1944 года.

Начнем с того, что представителей России на упомянутый форум даже не пригласили. Это уже о многом говорит. Кстати, подобное происходит не первый год, и не только из-за нашей спецоперации на Украине. Презрев элементарную вежливость, не говоря уже

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

о благодарности перед огромными заслугами нашей страны-победительницы в той войне, они делают вид, что мы здесь ни при чем.

Правда сегодня в расчет такое не принимается. На прошедших недавних торжествах президент Америки Байден даже не упомянул среди держав-победительниц Советский Союз. Он говорил о высадке в Нормандии, как о самом главном эпизоде Второй мировой: «Молодые люди из Соединенных Штатов, Британии, Австралии, Канады, Франции и других стран объединились, чтобы, как говорил Рузвельт, „освободить страдающее человечество”» [37].

Оказывается, исход всей войны решила операция «Оверлорд», начавшаяся 6 июня 1944 г., когда на побережье Нормандии высадились более 150 тысяч солдат и офицеров союзников и вступили в бой с немецкими войсками, оборонявшими Атлантический вал.

Безусловно, это было очень важное событие. Гитлер был вынужден перебросить на Западный фронт значительные силы, ослабив позиции на Востоке. Но кто ж не знает, сколько союзники тянули со Вторым фронтом. Несмотря на настоятельные просьбы советского руководства, представители Запада долго ограничивались лишь обещаниями и комплиментами в адрес героического советского народа и ее доблестной армии.

Вашингтон и Лондон, мягко говоря, не испытывали больших симпатий к «жестокому коммунистическому режиму СССР», но все же варварский национал-социализм, построенный Гитлером и его кликой, казался им куда большим злом. И потому они склонились тогда к союзу с Москвой.

Как известно, идее Второго фронта куда больше противился премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, чем президент США Франклин Рузвельт. Но они оба понимали, что, если бы Гитлер сумел победить СССР, его хищный взор неминуемо обратился бы на Запад.

Ни для кого не секрет, что союзники, проводя высадку в Нормандии, заботились вовсе не о воюющей, истекающей кровью России. Они лишь в страшных снах могли видеть, как над всей Европой взвиваются красные знамена. И это казалось реальностью — после разгрома Германии и ее союзников мощная и закаленная в боях Советская армия вполне могла двинуться дальше на Запад.

Представители старшего поколения на Западе прекрасно помнят о сражениях под Москвой, битвах в Сталинграде и на Курской дуге. Помнят, кто освобождал Украину, Белоруссию, Польшу, Чехословакию, Австрию, взламывал оборону нацистов в Восточной Пруссии, штурмовал Берлин. Но сегодня они отмалчиваются. А скоро и вовсе уйдут, и история предстанет насквозь лживой, отредактированной. Ее будут изучать молодые люди в школах, вузах, восхищаться не мужеством истинных освободителей, солдат Красной армии, а храбростью американцев, англичан, французов, канадцев, австралийцев, подоспевших лишь к концу войны.

Уместно вспомнить исторический случай, происшедший в мае 1945 года. Глава германской делегации Вильгельм Кейтель, подписывая акт о безоговорочной капитуляции, обратил внимание, что в зале вместе с союзниками находятся представители Франции. «А они тоже нас победили?» — изумился фельдмаршал [38]. Его можно было понять.

Франция вошла в число победителей лишь благодаря успехам Красной армии, хорошему отношению союзников, в т. ч. милости Сталина. И вот теперь французы «затмили» героических советских воинов.

Президент Франции Эммануэль Макрон, присутствовавший на торжествах в Нормандии, разумеется, не упомянул об оккупации своей страны немцами, позже названной «комфортабельной». Как и прежде, заполнялись театры, концертные залы, варьете. Люди, которые впоследствии стали звездами культуры и искусства, охотно демонстрировали завоевателям свой талант. Морис Шевалье, Саша Гитри, Шарль Азнавур выступали в залах, битком набитых солдатами и офицерами вермахта, давала сольные концерты Эдит Пиаф. Луи де Фюнес — еще молодой, не известный — играл для «дорогих гостей» на рояле. Жан Марэ, Ив Монтан, Фернандель и другие известные французские актеры снимались в фильмах, на киностудии «Континенталь», которую создал министр пропаганды Третьего рейха Йозеф Геббельс.

Поразительно, но многие французы и вовсе не желали победы союзникам. В июле 1944 года немцы провели по Парижу захваченных при высадке в Нормандии англичан и американцев. Горожане были возбуждены, вели себя агрессивно, но не по отношению к оккупантам

Они оскорбляли пленных, плевали в них, хватали за волосы, норовили ударить. Об этом свидетельствуют кадры кинохроники.

Отрицание величайших заслуг Советского Союза в победе во Второй мировой войне — это презрение памяти миллионов павших, замученных на оккупированных территориях и в концлагерях.

На Западе же сегодня спокойно, без эмоций наблюдают за разрушением памятников и осквернением могил советских воинов в Европе.

На торжествах по случаю 80-й годовщины открытия Второго фронта в выступлении представителя США были такие слова: «Ветераны Второй мировой войны, мы поздравляем вас – вы спасли мир. Мы лишь должны его защищать. Да благословит Бог военных из США и стран-союзниц, которые сражались и пали 80 лет назад. Да благословит Бог Соединенные Штаты Америки и пусть благословляет и дальше тех, кто по-прежнему борется за свободу» [37].

5.2. Уроки истории.

Англосаксонская геополитическая стратегия XX века в Европе и ее историческая оценка

Отношение и оценка ко Второй мировой войне не может быть понятна без знания англосаксонской стратегии XX века в Европе. Одной из ее целей было не допустить усиления Германии и России. При этом стратегия исходила из тезиса, что определяющее влияние на континенте придает Германии или России только Восточная Европа. Все зигзаги мировой политики оцениваются с этой точки зрения. Для осуществления этой цели после Первой мировой войны Британия и президент США В. Вильсон поставили цель: создать на основе принципа «демократии и самоопределения» между Германией и Россией ярус мелких несамостоятельных государств от Балтики до Черного моря так, чтобы они не входили ни в германскую, ни в российскую орбиту. Гитлеровские планы завоевания восточного «жизненного пространства», казалось, полностью ломали англосаксонскую доктрину «буфера между славянами и тевтонами». Однако известно, как Британия и США косвенным образом всемерно подталкивали Гитлера именно на Восток. Все гитлеровские акты были

признаны «демократическим сообществом», и потом их было бы трудно опротестовать. Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но подтолкнуть его к дальнейшей экспансии, и в принципе англосаксонский расчет на необузданность амбиций и дурман нацистской идеологии был точным.

Поощряя Гитлера на захват Чехословакии, Лондон шел на риск утраты важнейшего для англосаксов итога Версальской системы — раздела земель Центральных держав: кайзеровской Германии и Австро-Венгрии. До Первой мировой войны, как известно, Чехословакии не существовало — это была часть Австро-Венгрии. Остановка Гитлера после поглощения Чехословакии и аншлюса Австрии означала бы «кошмар» для британской геополитической стратегии — это стало бы соединением всех немцев, всего немецкого потенциала в одном сильном и амбициозном государстве.

Необходимо отметить, насколько точно подмечено российскими экспертами, что в настоящее время, НАТО идет по проторенному в 1938 году пути. Если сравнить современную карту расширения НАТО еще с картой пангерманистов 1911 года, то обнаруживается и с ней полное совпадение. Там Румыния, Прибалтика и другие в разной степени ассоциации, входили в некое супергерманское образование. «Берлинский халифат» — назвал его бывший царский министр Сазонов, потому что эта конфигурация предполагала захват проливов и контроль Германии над аравийской нефтью и Багдадом.

Но Британии нужно было направить агрессию только на Восток, что дало бы повод вмешаться и войти в Восточную Европу для ее защиты и довершить геополитические проекты, то есть изъять Восточную Европу из-под контроля, как Германии, так и СССР. Расчет был, конечно, на необузданность амбиций Гитлера на Востоке, куда его и подталкивали в течение всех тридцатых годов Лондон и другие западноевропейские страны. И расчет был верным. А что тогда случилось бы с Советским Союзом?

Можно с уверенностью предположить, что в таком гипотетическом случае Германия, никем не сдерживаемая, быстро истощая силы России, тогда совершенно еще не готовой к войне, стремительно бы продвигалась к Волге, Уралу, Кавказу с его нефтью, к Черному морю. Британия, конечно, заперла бы Черноморские проливы и через соглашение с Польшей, безусловно, немножечко била бы Гитлера с Запада

но именно так, чтобы он продвигался дальше на Восток. Они бы дождались, пока Гитлер как можно дальше продвинулся бы в глубину нашей территории. При этом нешуточная история разыгралась бы на Дальнем Востоке, куда вступила бы Япония. А это по канонам американской геополитической стратегии было бы сигналом для высадки США на нашем тихоокеанском побережье, где они уже высаживались в ходе Гражданской войны в России, чтобы предупредить занятие региона Японией. Что бы все это означало для нас?

США и Британия, конечно же, не позволили бы гитлеровской Германии стать лидером Евразии. Но они никогда бы не позволили и России вернуться на наши западные исторические рубежи к Балтике, Черному морю, Кавказу с его нефтью. И наша страна возможно бы оказалась бы в тундре, она лишилась бы выхода ко всем морям. Ее положение было бы хуже, чем у Московии XVIII века.

Для Запада из этого следовало, что Гитлеру, если он хочет воевать с Россией, не надо мешать, а, скорее, надо помочь. Но как ему было воевать с Россией? Для того чтобы воевать с ней, надо было продвинуть Германию на Восток и, в конце концов, вывести на физическое соприкосновение с нашими границами. Отсюда вся эта история конца 30-х гг. Сначала сдавали Австрию, затем сдавали Чехословакию, затем не возражали против вступления в Антикоминтерновский пакт болгар, румын, венгров. И затем последний, но самый главный этап — это сдача Польши. Потому что Польша лежала на главном направлении удара Гитлера на Москву и на Ленинград.

Почему это делалось? Думается, что тут надо бы вспомнить о беседе, которую имел Маннергейм в 1935 году с английским королем Эдуардом. У него это есть в мемуарах. Он говорит, что высказывания Эдуарда звучали примерно так: «Ну, конечно, Гитлер — очень неприятный человек, насильник, преступник и так далее, но это второстепенно. Главное то, что он расправился со своими коммунистами, и коммунистический фактор в Германии исчез. Если он, то же самое сделает с Советским Союзом, за это его только благодарить надо» [39].

В свое время Валентин Фалин говорил, что «от многих вопросов нас избавит документ, который Сталин хранил до самой смерти в рабочем шкафу. А именно: запись беседы Черчилля с внуком Бисмарка, первым секретарем посольства Германии в Лондоне, состоявшейся в октябре 1930 г. Немцы — недоумки, рассуждал Черчилль. Будь

посмышленной, все силы в Первой мировой войне они сосредоточили бы на разгроме России. В этом случае англичане позаботились бы о том, чтобы Франция немцам не мешала» [40].

О том, что целью «миротворчества» британского хищника было совершенно сознательное и прагматичное провоцирование новой войны во имя интересов Запада и Британской империи. Об этом пишет и Наталия Нарочницкая: «До сих пор тиражируется суждение, что Британия полагала умиротворить Гитлера. Нет! Самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии... Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но соблазнить его продвижением на восток... Агрессия на восток давала повод вмешаться и, при удачном стечении обстоятельств, довершить геополитические проекты не только в отношении стран, подвергшихся агрессии, но всего ареала» [41].

Очевидно, на протяжении последних столетий в истории западной цивилизации наблюдаются два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, экспансия Запада вовне, связанная с захватом чужих ресурсов и рынков, попыткой превратить весь Земной шар в свою колонию. С другой стороны, внутрицивилизационная, идеологическая борьба за лидерство, в которой решалось, кто будет править миром от лица Запада, кому достанутся главные дивиденды.

Однако в преддверии Второй мировой войны Британскую империю, казалось бы, подменили. Вместо того, чтобы по хорошо отработанному алгоритму придушить еще в зародыше Третий рейх, явно стремившийся поставить под свой контроль континентальную Европу, чтобы затем бросить вызов британской гегемонии, Лондон стал проводить в отношении него политику «умиротворения». Великобритания фактически собственными руками взрастила соперника, для спасения от которого затем пришлось заплатить страшную цену — передать контроль над Империей Соединенным Штатам, сведя тем самым на нет результаты четырех веков борьбы.

Политика США. В связи с этим, возникают важные идеологические и геополитические вопросы: за что воевали США? только ли за свободу и демократию воевали США? А какие цели были у Соединенных Штатов, которые представляют сейчас не только как главного спасителя, но как борца исключительно за торжество универсальных

принципов свободы и демократии, но никак не за интересы? Кто привел Гитлера к власти?

Соединенные Штаты многие документы того периода не рассекретили. Первый контакт с Гитлером американские представители установили в ноябре 1922 года. По итогам встречи помощника военного атташе США в Германии Смита в Вашингтон была послана телеграмма, в которой цитировалась бравада Гитлера: «Не дожидайтесь, когда вам придется столкнуться с коммунистами на поле брани. Поручите нам разделаться с ними» [42].

В 1923 году к Гитлеру пристроили американца немецкого происхождения Эрнста Ганфштенгля. В его особняке Гитлер прятался от полиции после провала «пивного путча». Ганфштенгль не только сочинял мелодии маршей для СА и СС. Он обдελывал и другие делишки — обтесывал Гитлера, вводил его в респектабельные салоны Мюнхена и других городов, помогал будущему фюреру обкатывать формулировки «Майн кампфа», где высоко продвинулся в финансовой сфере и стал совладельцем юридической конторы Сэлливан, где служили небезызвестные братья Даллес. Через эту контору оформлялись основные сделки американских и немецких монополий, в частности Стиннеса. Стиннес контролировал в Германии предприятия различных отраслей, на которых работало примерно 600 тысяч человек. В США хранятся за семью замками документы, в которых зафиксированы финансовые потоки, в т. ч. взносы в нацистскую кассу на протяжении 20–40-х гг. Приходится сомневаться, что эти тайны раскроют и к столетию формального окончания второй мировой.

США вообще собирались выждать в надвигающейся войне между Германией и СССР до их истощения или до того момента, пока уже не начнутся геополитические изменения структурного порядка, которые кардинально изменят соотношение сил. Сообщение советской разведки о такой позиции США сопровождалось записью полного текста доклада Рузвельта своему кабинету от 29 сентября 1937 г. Доклад же был предварительно обсужден с Рэнсименом — специальным представителем британского кабинета Болдуина, и о выводах и позиции Америки говорилось так: «Если произойдет вооруженный конфликт между демократиями и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции

и сохранит свой нейтралитет» [42]. «Но если СССР окажется под угрозой германских империалистических, то есть территориальных стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их сторону» [42].

Здесь ясно какой неприятностью оказался пакт Молотова-Риббентропа, поменявший временно приоритеты Гитлера. Англосаксы явно предпочитали, чтобы Германия и СССР истожили друг друга, а вмешались бы лишь в том случае, если бы Германия побеждала, и вся Евразия попадала бы под ее полный контроль.

А вот что означала так называемая Атлантическая хартия — декларация Ф. Рузвельта и У. Черчилля от 14 августа 1941 г. об общих целях войны [43]. Она превозносится как полная абстрактными демократическими принципами, акцент делается на отсутствие у этих стран «стремлений к территориальным или другим приобретениям». Хартия близка по духу Программе В. Вильсона и ленинскому Декрету о мире («мир без аннексий и контрибуций»). Но декларированный отказ признать «территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов» никогда не анализировался в широком идеологическом, политическом и международно-правовом контексте.

На самом деле именно эта хартия стала первым провозглашением глобалистских критериев и права англосаксонских держав назначать сами критерии. До того, как определились итоги войны, хартия провозгласила «право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить» [43]. Народы никогда не испрашивали у кого-либо разрешения, следовательно, смысл такого заявления в другом в провозглашении права США и Британии выносить суждения о внутренней политике других государств. Это претензия, немислимая в классических международных отношениях, — судить, являются ли существующие суверенные государства «угнетающими права своих народов» (не чужих, а своих собственных!), и оказывать давление и подвергать сомнению чужой суверенитет.

США и Великобритания объявили и о своем решении содействовать восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем. На фоне гитлеровской агрессии против всей Европы это звучало красиво, но никакой ссылки на гитлеровскую агрессию в документе

не было. Это означало «освободить» не только тех, кто подвергся нападению или захвату гитлеровской Германией, но и других, находившихся в составе суверенных государств в ареале, охваченном войной. Под «нациями» имелись в виду не государства, но и народы, которые не имели своей государственности. Если бы этот пункт был расшифрован требованием вернуться к «положению до войны», это означало бы лишь отмену всех завоеваний гитлеровской Германии, стран оси и сателлитов. Это было провозглашением права признавать или не признавать довоенные реалии.

Именно так поняли декларацию в британском парламенте, который встревожился возможным распространением положений Атлантической хартии на судьбу английских колоний. Тут-то Черчиллю пришлось все же уточнить, что имелись в виду народы под нацистским гнетом. Но Рузвельт имел в виду Прибалтику, южных славян, все российские народы кроме русского. Рузвельт, похоже, программировал еще дальше — на конец столетия.

Но в то время как Рузвельт и Черчилль приглашали СССР к подписанию хартии и военному сотрудничеству, за дверьми внешнеполитической кухни Вашингтона и Лондона варился питательный бульон будущего пира победителей по весьма старым рецептам. Сравнение с официальными декларациями и идеологической внешнеполитической пропагандой весьма впечатляет.

Через неделю после Атлантической хартии с ее проповедью борьбы за свободу народов и демократию этот документ показывает изнанку, прагматизм которой смутил бы Талейрана и Макиавелли. Перечень вариантов поведения США демонстрируют интересы, весьма отличные от официальных деклараций и обращенных ко всему миру и к СССР инициатив:

Если большевистский режим сохранится:

а) станет ли Америка соучастником Советской России в войне против Гитлера;

б) должна ли Америка добиваться установления равновесия между (послевоенной) Германией и Россией путем создания независимых от них обеих буферных государств;

в) в случае нападения Японии на Приморье, должны ли тогда США вмешаться путем интервенции на Дальнем Востоке.

Если большевистский режим падет:

а) должна ли Америка стараться восстановить большевизм в России;

б) должны ли США по примеру Гитлера санкционировать массовое переселение народов для создания буферной зоны между Германией и Россией.

Если после большевистского режима будет установлен режим сотрудничества с Германией:

а) должны ли США не дать возможность этому режиму установить контроль над Транссибирской железной дорогой;

б) должна ли Америка подготовить на Дальнем Востоке противников этого режима (Китай, Япония)».

Не «право народов избирать свою судьбу», а российско-германский баланс, создание между ними буфера через «переселение народов» под собственным контролем и Транссибирская магистраль, одним словом, реальный ключ к контролю над Евразией — вот главная забота при оценке смысла участия США в войне.

Роль Китая, Японии в самых классических традициях баланса сил и *Realpolitik* меняется на 180 градусов от опоры до противника в зависимости от исхода схватки. Однако самое ценное заключают в себе итоговые тезисы обсуждения.

Каким же ударом по этому плану была Ялтинско-Потсдамская система! Как тут не начаться «холодной войне»! Кстати, З. Бжезинский прямо полагает, что именно США в первые пять и даже десять лет первыми прямо нацелили свою политику сначала «сдерживания», потом «отбрасывания» на тот самый ареал, который был согласован в Ялте, Потсдаме — на Восточную Европу, в то время как «сталинский СССР» до середины 50-х гг. едва справлялся со своим наследием и даже провел масштабную демобилизацию.

Но геополитический рисунок этой стратегии был воспроизведен в 90-е гг. Именно на эти «буферные» восточно-европейские и центрально-европейские силы будет сделана главная ставка США в расширении НАТО в 90-е гг. после краха России-СССР.

5.3. XXI век. Война с неонацизмом, как война за историческую правду и ценности народа России

Весь мир проходит через кардинальные и неотвратимые перемены. Мы все свидетели и участники происходящих больших геополитических событий XXI века. Сегодняшние события на Украине — это один из этапов геополитического противостояния России и США. Начались они вместе со спецоперацией, которая идет на «исторических землях» России и ради ее безопасности. Москва долгое время пыталась избежать такого развития событий, поэтому участвовала в переговорах о мирном урегулировании конфликта в Донбассе.

России глобальным западом во главе с США объявлена тотальная война на уничтожение. Идет великая брань Добра и Зла, война цивилизаций, война идеологий, противостояние идей мироустройства! Битва с нацизмом, это битва с дьяволом! Это духовная брань Добра со Злом. Дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей (Ф. М. Достоевский). Украина является эпицентром войны цивилизаций. Это война за время и за существование России в этом мире.

В. В. Путин в начале специальной военной операции по этому поводу говорил: «Зачем нам такой мир, если в нем нет России?» [44], «За право быть и оставаться Россией, мы готовы биться до конца» [44].

В сложившейся современной геополитической ситуации на Украине по решению Президента России с 24 февраля 2022 г. идет специальная военная операция, целью которой является защита народа Донбасса от геноцида неонацистов, демилитаризация и денацификация Украины и обеспечение национальных интересов России.

Необходимо подчеркнуть, это коллективный Запад развязал войну, а мы использовали силу и используем, чтобы ее остановить. У России не было другого выбора. Россия была вынуждена применить силу, чтобы остановить украинскую агрессию и защитить народ Донбасса.

В завершении хочется отметить, что В. В. Путин выступая 14 июня 2024 г. на встрече с руководством Министерства иностранных дел России сказал: «Кризис, связанный с Украиной, — это не конфликт двух государств, тем более двух народов, вызванный

какими-то проблемами между ними. Если бы дело обстояло именно так, то нет сомнений, что русские и украинцы, которых объединяет общая история и культура, духовные ценности, миллионы родственных, семейных, человеческих связей, нашли бы способ справедливо урегулировать любые вопросы и разногласия» [45].

«Но дело обстоит по-другому: корни конфликта не в двусторонних отношениях. События на Украине - прямой результат мирового и европейского развития конца XX — начала XXI века, той агрессивной, бесцеремонной и абсолютно авантюрной политики, которую Запад проводил и проводит все эти годы задолго до того, как началась специальная военная операция» [45].

«Эти элиты западных стран, как я уже говорил сегодня, после окончания «холодной войны» взяли курс на дальнейшую геополитическую перестройку мира, на создание и насаждение пресловутого порядка, основанного на правилах, в который просто не вписываются сильные, суверенные и самодостаточные государства» [45].

5.4. Урок мужества и памяти. Умение жить и быть счастливым

В 2020 году в издательстве «Вече» в серии «Правда Победы» увидело свет еще одно историческое исследование, посвященное героям Великой Отечественной войны — книга А. В. Тимофеева «Как русские научились воевать». Откровенные беседы с фронтовиками.

«Как известно, чтобы узнать и понять какое-то историческое событие, сражение и т. д., необходимо погрузиться в ту эпоху, поработать в архивах, почитать мемуары и книги историков. И третья составляющая такого исследования — рассказы участников событий, которые словно живой водой окропляют сухие строки документа» [46].

Книга, заслуживающая нашего пристального и сосредоточенного внимания, имеющая свой голос, свое лицо, свою тему, свою душу — русскую душу.

Книга, которая по праву должна занять достойное место в ряду подвижнических трудов наших отечественных историков, писателей, журналистов, рассказывающих правду о нашей Победе,

восстанавливающих историческую справедливость и таким образом создающих Духовный щит нашего народа.

Книга о боевом и жизненном опыте ветеранов — героев Великой Отечественной, своим мужеством и несокрушимой волей отстаивших независимость нашей Родины и нашу с вами возможность жить и трудиться во благо России.

Писатель-историк провел личные подробные продолжительные беседы с этими замечательными людьми, свершения которых поражают наше воображение своей вероятностью для сознания обыкновенного человека. Реальность нереального. Совершенство невозможного.

Вот лишь одно из приведенных А. В. Тимофеевым свидетельств из книги — это статья «Претерпевший же до конца спасется». Разговор с сапером Дмитрием Егоровичем Голиковым.

То есть, разговор идет о том, что прожить жизнь полноценно, полной грудью, идя туда, где трудно, не боясь этих трудностей, и в результате этого всего прожить счастливо.

Кавалер орденов Красного Знамени, Славы III степени и Отечественной войны I степени сапер Дмитрий Егорович Голиков, героически проявивший себя на фронте, потерявший зрение и правую руку, в 1943 году в его руке взорвалась мина, ставший инвалидом I группы, сумел счастливо прожить большую трудовую полноценную жизнь.

Воспоминания ветерана. «9 июля 1944-го я вернулся в родную деревушку, 25 домов. Родные знали из писем о моем приезде. Матери моей Голиковой Анне Ивановне я посвятил несколько стихотворений (Дмитрий Егорович после своих тяжелых ранений, после того, как потерял зрение, начал писать стихи). 46 лет отработал я на нашем 11-м предприятии Всероссийского общества слепых. Мастерил различные электроприспособления...» [46].

Жизнь этого человека для многих людей может стать компасом в их собственной жизни — ориентиром мужества, терпения, стойкости, примером умения выстоять, состояться, полноценно созидательно прожить и наполнить смыслом свою жизнь.

И, конечно, опыт его жизни будет полезен тем, кто волей судьбы стал инвалидом, особенно кто вернулся домой со специальной военной операции России на Украине. Пример Дмитрия Егоровича способен

подбодрить и вдохновить тех, кто готов бороться с выпавшими на их долю трудностями и «невозможностями».

«Вы спрашиваете меня — почему здоровые люди, с глазами и руками часто жалуются на жизнь, ноют, и что я, прожив слепым уже шестьдесят с лишним лет, мог бы сказать им?

Отвечу одним стихотворением:

Я счастлив тем, что существует этот мир.

Я счастлив тем, что есть на свете труд.

Я счастлив, что живу в такой стране,

Которую Россиею зовут.

Я счастлив тем, что есть любовь во мне,

Любовь не только к детям и жене,

Моя любовь и к солнцу, и к полям,

Моя любовь к душистым тополям,

Моя любовь ко всей моей стране,

И людям всем, живущим на земле,

Хочу работать так, чтоб не хватало дня —

Вот что такое счастье для меня» [46].

«Как я живу? — отвечал ветеран на вопросы писателя. — Мужество надо иметь. Сколько я одних шишек и синяков набиваю за день на лбу, на руках, по всему телу. Слух у меня лет десять назад резко ухудшился. И люди мне не всегда встречались хорошие. Соседи как-то написали куда надо, — какой он слепой, он сам балкон подметает. Приехал ко мне с проверкой врач, посмотрел мне в пустые глазницы и молча ушел. Как говорится, жизнь прожить не поле перейти. Я верую в Бога. А те, кто ноют, — слабовольные они...» [46].

Тех людей, с кем Алексей Викторович вел тогда беседы, чьи рассказы он внимательно слушал и тщательно записывал на диктофон, тех, кому он тогда, еще совсем вроде бы недавно имел возможность задавать вновь «вызревающие» у него в голове важные вопросы, дать ответы, на которые могли только они, тех замечательных мудрых людей, которым писатель мог тогда лишний раз позвонить для уточнения какой-либо детали их рассказов, еще раз договориться о встрече — почти всех из них — уже нет с нами. Эти люди почти все уже ушли от нас.

Задать им вопросы и услышать их ответы уже больше нельзя. В записях тех бесед, происходивших в теплой искренней, доверительной

атмосфере, писатель-историк бережно сохранил, оставил звучать для нас с вами живые голоса этих людей: живое биение их сердец, жаркое горение и чистоту их душ, высоту и красоту помыслов, которые были воспитаны в них их родителями — отцами, жившими по совести и чувству долга, и православными в большинстве своем матерями, — а также и тем государством, которое их вырастило.

Эту высоту помыслов и яркое свечение своих душ они смогли сохранить и пронести через всю свою большую, долгую трудную и трудовую жизнь.

Во всех их рассказах и размышлениях о войне, о времени, о жизни, о своей стране и о себе лично их всех объединяют (роднят) беззаветная любовь к Родине, глубокая искренняя благодарность ей за все, что было в их жизни, потребность служения ей на любом фронте своей жизни и боль за происходящие с ней, с нашим народом, горести и беды.

Их объединяет любовь к людям, любовь к своему народу, любовь к своей семье. Их объединяет душевная щедрость, готовность к самоотдаче и жертвенность. У большинства из них необыкновенная скромность в простой каждодневной реальной жизни сочетается с отчаянной смелостью, решительностью, отвагой и бескомпромиссностью во всех серьезных принципиальных жизненных вопросах

Они щедро делятся с нами своим жизненным опытом, прежде всего военным — своими открытиями и наработками в сфере военного искусства, но также и своей человеческой мудростью, накопленной в результате большой, трудной и плодотворной, насыщенной событиями жизни.

Забываясь о нас — думая, прежде всего, о нас! — да, о нас с вами и обо всех будущих поколениях русских людей, ветераны-герои предельно серьезно отнеслись к этим встречам с историком.

Для кого-то из них решиться на эти встречи было тяжело, сложно — слишком больно было ворошить в памяти страшное, смертельное прошлое. Они пошли на это, чтобы принести нам пользу, быть полезными нам, своему народу, своим потомкам.

Они находились в момент общения с писателем уже в полушаге от вступления в вечность. В своей Душе, в своем сознании подводили Духовный итог всей жизни. Они все относились к этим интервью как

к своему духовному завещанию! Как к последнему главному Делу в своей жизни.

Нам с вами необходимо понять это, понять глубоко, всем сердцем и внимательно отнестись к тем наставлениям, напутствиям, которые ветераны оставили нам.

ГЛАВА 6

ЧЕЛОВЕК КАК ТВОРЕЦ: РЕНЕССАНСНЫЙ ГУМАНИЗМ КАК АПОФЕОЗ ОПРАВДАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАЧАЛА

Сегодняшний технократический постиндустриальный мир максимально, сравнительно с предыдущими эпохами, освободил человека от влияния окружающей среды, дал ему возможность в бытовом плане комфортно существовать, не заботясь особо о капризах природы. Знание дало человеку силу и власть над внешней окружающей средой. «Знание — сила, власть». Казалось бы, власть над природой, должна открыть необозримые горизонты творчества и свободы, изменить самого человека, направив его интеллектуальный и духовный потенциал на совершенствование себя и этого мира, о чем мечтали философы утописты. Вместе с тем, ни природа человека не менялась в этом направлении, да и сам мир, социальное бытие не слишком преуспели в этом.

В чем видится актуальность обращения к этой, казалось бы, «музейной» теме сегодня? Сегодня мы живем в обществе массового потребления и массовой культуры, основанных на культе денег, где, например, качество киноискусства определяется кассовыми сборами кинопродукции. Наш мир — мир «мелких клерков» Кафки, «подпольных человечков» Достоевского. Он укладывается в следование циркуляру, который, кстати, они сами и изобрели, складывая из этих циркуляров казуистическую хитросплетенную паутину, попав в которую, человек напрочь лишается возможности проявления своего творческого начала. Следуя циркуляру, ты попадаешь в «прекрасный мир», где все за тебя рядоположено, упорядоченно. Главное, не нарушать этот порядок, и ты будешь «счастлив» во всем, т. е. «как все». Нетворческая природа общества массового потребления напрочь лишает человека внутренней свободы, как конституирующего принципа бытия.

Это своего рода средневековый провиденциализм, но «Бог мертв», и вместо широкой спины Всемогущего мы прячемся за могущество правил, порядка, принципов, установленных все теми же мелкими клерками, издавшими свой циркуляр. Даже такая творческая деятельность как наука, сегодня измеряется в чиновничьих «критериях

публикационной активности», критериях «индекса цитирований» и прочего, не имеющего по существу ничего общего с творчеством.

Ренессансный гуманизм был призван освободить человека-творца для творческого преобразования этого мира к гармонии, красоте, справедливости. Но, «обмирщив Бога», сведя его в этот тварный мир, гуманисты с остротой поставили вопрос об ответственности человека-творца за свою собственную судьбу, судьбу этого мира, а также вопрос о тех предельных основаниях этой ответственности, которые раскрывают истинный смысл гуманизма.

Средневековье называют «темными веками», хотя с этим и не вполне можно согласиться. Сегодня мы видим, что эпоха массового потребления и массовой культуры наглядным образом приходит к своему логическому завершению. Жажду роста потребления нельзя ограничить ни чем. Ответственность за себя, за мир, за свое отечество нельзя привить только лишь циркуляром без любви — к человеку, миру, отечеству. История — это не только то, что прошло, но это и то, как мы сегодня видим и делаем наше завтра, — это та судьба, которую мы сегодня себе сами уготовливаем, а значит, сегодня мы за нее ответственны. Станет ли мир лучше, зависит от того, насколько нам хватит творческой активности сегодня «ухватить» наше завтра и преобразовать его сейчас. Этому нас учат великие художники, поэты, архитекторы, философы эпохи Возрождения. И в возрождении понимания самоценности человека и его жизни, целесообразности мира и его внутренней органической связанности, возрождении идеалов прекрасного, основанного на гармонии, а не наоборот видится исход из тупика «нового средневековья» общества массовой культуры и массового потребления.

Природа творчества кроется в неизменной сущности и природе человека как существа свободного. Рассмотрим природу творчества в контексте трансформации эстетических представления эпохи Возрождения.

В истории человечества одной из самых «творческих» эпох, раскрывающих в наиболее очевидных формах творческое начало человека, являлась эпоха Возрождения. Ренессансный гуманизм стал апологией человека-творца. Наиболее ярко творческое начало в эпоху Возрождения проявляется в сфере эстетической, находя свое выражение в великих произведениях искусства того времени. В этой связи

существенным представляется раскрытие представлений о «прекрасном» и «безобразном» и их эволюция.

Корни ренессансного гуманизма уходят в средневековую западноевропейскую традицию и культуру. Мышление средневекового человека можно определить одним термином — теоцентризм. Бытие воспринималось как данное Богом и протекающим по литургическому календарю, оно было пронизано ожиданием Спасения, которое должно будет случиться чудесным образом. Основе средневекового мышления было ожидание Чуда, оно было «ожидательным», где чудо воспринималось в свете Божественного Откровения. Человек не стремился ничего привносить в установленный Богом миропорядок. Средневековая ученость сводилась к объяснению мира при помощи Библейских догм. Для средневекового человека «все чудесно», а не «все понятно», «все так, как и должно быть», ибо не ему судить мир. «Все, что ни делается, все к лучшему», где «лучшее» — это Спасение, Второе пришествие и Страшный Суд. В мире признается один лишь Творец, а само творчество понимается провиденциально.

Исследователи эстетики эпохи Возрождения, замечают, что уже Фома Аквинский (1225–1274) вносит нечто новое сравнительно со средневековым пониманием красоты. «В сравнении со строгой и суровой средневековой верой в истины Откровения у Фомы Аквинского чуть ли не впервые раздается твердый голос о полной самостоятельности эстетического удовольствия и о его вполне самостоятельной и специфической предметности» [47, с. 152].

Красота трактуется как целесообразность, причем, уже достигнутая. Фома выделяет три «условия красоты»: цельность, которая есть то же самое, что совершенство; пропорцию; «ясность», источником которой является Бог. «Стало возможным не только падать ниц перед иконой, но и получать удовольствие от созерцания ее формальной и пластической целесообразности» [47, с. 153]. Подобное отношение к эстетической предметности напрямую предшествует эстетике Возрождения, является ее исходным моментом.

Бонавентура (Джованни Фиданцы) (1221–1274), развивая это учение, приходит к выводу, что всякая форма прекрасна только там, где она соответствует структуре окружающей предметности. Идеи Бонавентуры проясняют горизонт представлений о прекрасном, перенося его постепенно из сферы сакрального в сферу культуры,

понимаемой как систему отношений, реализующихся в полагании прекрасного или красоты. «Красота спасет мир!».

Одними из ярчайших выразителей в своем творчестве названных эстетических представлений, заложивших основу ренессансному гуманизму, являлись Данте, Джотто и Петрарка. Приведем два интересных факта из биографий Данте и Петрарки, которые кардинально повлияли на их творчество и на эстетику Возрождения.

Данте (1265–1321). Девяти лет от роду, в 1274 году в мае месяце в предместьях Флоренции на одной частной пирушке взору Данте Алигьери предстает его одноклассник в ярко красном платье по имени Беатриче, что в переводе означает «Дарующая блаженство». Юношеская влюбленность, причем безответная, побуждает его обратиться к перу и бумаге, которым он теперь доверяет свои чувства, облакая их в форму стихов. Друзья и учителя прививают Данте вкус к поэзии «нового сладостного стиля», своеобразным девизом которого стала канцона некоего Гвидо Гвиницелли «Любовь всегда облагораживает доблестное сердце». Дама как отражение совершенства Бога; Дама как защитница перед Богом, возвышающая своей любовью сердце поэта до истинной доблести, истинного благородства; Дама защиты...

История повторяется с Петраркой:

«И навсегда мне памятен тот час,

Что спас меня из суетного стана...» [48, с. 64], — воскликнет Петрарка.

Это произошло 6 апреля в первом часу дня в церкви Санта-Кьяра в 1327 году, когда 23-х летний Франческо увидел перед собой 12-тилетнюю Лауру-лавр-дуновение... Практически каждый год после этой встречи к 6 апреля Петрарка сочиняет сонет в честь той минуты.

Беатриче Портинари скончалась двадцати пяти лет от роду в 1290 году. Данте посвящает этому роман в стихах под названием «Новая жизнь», первыми строками которого были: *Incipit vita nova* (перевод с лат. – *Вот начинается новая жизнь*).

История снова повторяется. Через 21 год после первой встречи, т. е. в 1348 году Лаура умирает. Теперь знаменитые сонеты Петрарки делятся на две категории «На жизнь Мадонны Лауры» и «На смерть Мадонны Лауры».

Эстетически прекрасное, совершенное, божественное переносится из сферы сакрального, из сферы земного бытия в сферу культуры

и искусства. Образ Прекрасной Дамы, заменяя собой рыцарский культ средневековья, переносится в сферу эстетического, создаваемого творческими усилиями человека-творца, способного привнести в мир гармонию, целостность и облагородить его. «Красота спасет мир!». Эстетически прекрасное не может быть нравственно порочным. А эстетическое совершенство достижимо лишь в искусстве — искусственном образе, являющимся порождением творчества художника. Лоренцо Валла (1407–1457) в своем трактате «О наслаждении как истинном благе» напишет: «Если лик одного какого-нибудь ангела ты бы увидел рядом со своей подругой, то подруга показалась бы тебе столь отвратительной и страшной, что ты бы отвернулся от ее лица, словно от лица трупа, и всего себя устремил к красоте ангела, красоте...» [49, с. 245].

Одной из основных характеристик ренессансной культуры является гуманистическая традиция. Немаловажным представляется рассмотрение самого термина *Humanitas* в ренессансном истолковании. Так, у Марсилио Фичино (1433–1499) исследователи [47] обнаруживают два разных, но связанных между собою истолкования этого термина. Во-первых, речь идет о человеке как части природы, во-вторых, *humanitas* понимается в качестве морального свойства, которое проявляется в общении между людьми.

Оба значения взаимосвязаны. Если в человечности имеет полное утверждение культура, то ее можно рассматривать как некую ступень состояния человечности. Становясь основой понимания человеческой общности, *humanitas* — культура — нашла в системе Фичино свое онтологическое обоснование и оправдание. В своем письме к Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи Марсилио Фичино пишет: «Остерегайся, когда-либо пренебрегать ею, случайно полагая, что человечность земного происхождения. Ведь она сама есть нимфа, превосходная телом, небесного происхождения, рожденная Эфиром и более других приятная Богу» [47, с. 318]. Таким образом раскрываются побуждающие мотивы творчества и шире, — самой жизни как попытки «становления» бытия ренессансного типа.

Первостепенной задачей творчества Данте видит миссионерско-прорицательскую деятельность. Он не ожидает больше чудес Провидения, но сам, будучи уверен в своей избранности, устанавливает Справедливость, осуществляет своего рода «спасение», вершит

судьбами по собственному усмотрению. Тем самым он посягает на права Творца, противопоставляя Ему свое волеизъявление. Данте, безусловно, уже и является творцом, как и всякий другой художник. Но благодаря избранной им темы, он становится невероятно дерзостным творцом, почти, что ставит себя вровень с Творцом Небесным. Данте никогда не считал себя обычным человеком с того «великого часа». Во-первых, он — поэт; во-вторых, он пророк в смысле ветхозаветных поэтов — обличителей зла и провидцев; наконец, в-третьих, он избранник, на которого возложена великая миссия. Дж. Боккаччо пишет: «Он страстно жаждал восхвалений и пышных почестей — более страстно, быть может, чем подобает человеку столь исключительных добродетелей. Но что из этого? Покажите мне такого смиренного, которого не прельщала бы сладость славы. Думаю, как раз из-за славолюбия и предпочитал Данте занятие поэзией всем другим занятиям, ибо понимал, что, хотя нет науки благороднее философии, превосходные ее истины доступны лишь немногим, к тому же на свете немало знаменитых философов, тогда как поэзию понимают и ценят все, а хорошие поэты — наперечет. И поэтому в надежде заслужить Лавровый венок — почесть редчайшую и пышно обставленную — он безраздельно отдался изучению поэзии и творчеству. И нет сомнений, его желание исполнилось бы, когда бы судьба благосклонно позволила ему возвратиться во Флоренцию, ибо только в этом городе, только под сводами крещальни Сан-Джованни хотел он увенчаться лаврами: там, при крещении получил поэт свое первое имя, там мечтал при увенчании получить и второе...» [50, с. 107].

Данте, решился на до сих пор немыслимое. Он пожелал воскресить всех своих любимых и друзей, героев, совершив, великую миссию вечного возвращения. Текст Комедии построен еще в основном по средневековому канону, как, например, строго вертикальная и поляризованная топография загробного мира и пр. Исключением может служить лишь образ Беатриче, который прошел в творчестве Данте свой генезис — от флорентийской возлюбленной, до Донны Философии, до Беатриче — дамы защиты, «дарующей блаженство». Данте нужно было представить мир в виде законченной гармонии, которая, к тому же, не только удовлетворяла потребности Спасения, но и в сугубо эстетическом смысле, потребности в Красоте, точнее, в мире Данте «Нравственное — должно быть Красиво, и наоборот».

Данте возвеличивает эстетическое начало, возрождает тем греческую традицию. В подобном возвеличивании эстетического начала просматривается не только ренессансное отношение к красоте, но, по видимому, оно имеет определяющее значение и для последующих за возрождением эпох. Действительно, с одной стороны, Бог опрощается, приближается к миру, что в свою очередь порождает пантеистические воззрения, однако, с другой стороны, человек обожествляется, в частности, Беатриче становится художественным образом.

Текст «Божественной комедии» также строится по средневековому канону, топография загробного мира строго вертикальна и канонична, однако язык и сам замысел уже вовсе не соответствуют канонам средневековья: так, описания посещения загробного мира встречаются в средневековой литературе, но все они выражены либо в форме видений, либо написаны не от первого лица. И конечно, в подобного рода произведениях никак нельзя столкнуться с такими «творческими» добавлениями к канону, как своевольное размещение своих собственных современников, в том числе и еще не почивших, в ту или иную сферу загробного мира. Также образ Божественной Беатриче — «Дамы, дарующей блаженство», — не вписывается в средневековые каноны.

Исследователи отмечают влияние Франциска Ассизского на творчество Джотто. Францисканцы проповедовали деятельную любовь ко всему земному: к людям, к природе. Они поэтизировали и одухотворяли весь окружающий мир. Средневековый Бог — непреклонный судья, «Бог грозный и мстительный до третьего колена» — в их проповеди преобразился в «богочеловека и брата с истерзанной душой». Восседающая на троне Богоматерь, окруженная херувимами и серафимами, в проповедях и поэтическом творчестве францисканцев представляла образ земной человеческой материнской любви к собственному сыну, ко всему человечеству, любви более понятной людям, чем абстрактная всеобъемлющая любовь Божия. Дева Мария является у них живой посредницей между землей и недостижимым для людей небом.

Как пишет И. Данилова, — «рядом с суровой фигурой Данте Джотто выглядит как образ задорный, жизнерадостный, почти озорной, что, впрочем, не мешает ему быть великим человеком» [51, с. 7]. Предание рисует Данте худым и высоким, с резким профилем

лем, с темным цветом лица, словно обожженным адским пламенем, хотя предание и грешит неточностями, однако оно интересно в смысле стереотипа восприятия. Джотто предстает в предании в следующем виде: низкого происхождения, маленького роста и безобразного, заурядной и невыразительной внешности. «В новеллах того времени Джотто выступает как острослов и весельчак, всегда имеющий словечко под рукою и острый ответ наготове, любивший сыграть злую шутку с заносчивым и жадным невеждой, и при случае допустить непростительную вольность по адресу Иосифа и Марии» [51, с. 24].

Интересным фактом связи Данте и Джотто является то, что одним из обитателей дантовского «Ада» является Реджинальдо Скровеньи, по заказу сына которого, Энрико, в Падуе в первые годы нового XIV столетия начинает строиться капелла дель Арена, или как ее называют по имени заказчика капелла Скровеньи. Первоначально постройка была задумана как род фамильной усыпальницы, не предназначенной для публики. На сооружение именно такой капеллы он получил разрешение. Но в какой-то момент честолюбивый заказчик решил превратить семейную капеллу в городской храм. Для этого он пригласил знаменитого Джотто, чтобы тот покрыл стены капеллы фресками. Данте помещает отца Скровеньи (известного ростовщика) в седьмой круг «ада». Сын Скровеньи, Энрико, желал видеть капеллу не только фамильной усыпальницей, но и искупительным даром, которым сын пытался замолить грехи отца. Джотто своей росписью капеллы как бы смягчает суровый приговор Данте относительно ростовщика Реджинальдо Скровеньи, изображая в сцене «Страшного Суда» Энрико Скровеньи с моделью капеллы в руках симметрично повесившемуся Иуде — первому ростовщику, по другую сторону Креста.

Как и «Божественную комедию», роспись стен капеллы дель Арена исследователи по праву называют поэмой. И действительно, роспись отвечает основополагающему принципу наличию единства действия, пространства и времени в изображении. Г. К. Соломин замечает: «Это целая драматическая поэма из земной жизни Христа, с прологом и эпилогом, и с моральным выводом в виде аллегорий. Тут в образах приведены даже справки и доказательства в виде ветхозаветных эпизодов, символических сцен и множества бюстов пророков и Отцов Церкви» [52, с. 129]. Капелла представляет собой не только

место проповеди и беседы, она сама — проповедь, текст Священного Писания, повествование (в смысле Евангелия-Благовеста) Джотто. Росписи стен капеллы раскрываются Джотто как ряд следующих друг за другом эпизодов одного повествования.

Таким образом, принцип содержательного единства находит свое выражение, как у Данте, так и у Джотто, в первую очередь, в смешении двух типов эстетического восприятия - старого средневекового и нового, еще во многом неопределенного и неосознанного. «Нужно представить себе зрителя — современника Джотто, внимательно рассматривающего фрески. Увлеченно следя за драматическим повествованием, он трижды обводит взглядом стены капеллы. При этом глаз его трижды натывается на огромную композицию «Страшного Суда», которая, прерывая ритм рассказа, подобно удару колокола, напоминает ему о вечности, о возмездии; и трижды, как благовест, звучит для него роспись алтарной арки» [53, с. 15].

Джотто отошел от средневековой системы композиционного сочетания, которая не позволяла раскрыть естественную связь изображаемых объектов, а значит не давала цельности впечатления [54]. Он впервые со времен античности твердо ставит фигуры на землю, а трехмерность становится фундаментальной художественной задачей. Изображаемое действие находится в определенном пространственном отрезке, который всегда обозначается.

Такое понимание не могло ни оказать воздействия на все изобразительное искусство того времени. Наиболее важным последствием можно назвать появление перспективного построения пространства.

В основу своих композиций Джотто полагает художественную закономерность, выражающуюся не в системе идеальных образцов, лежащих по ту сторону живописных изображений, не в богословско-трансцендентном истолковании мира, но в естественной связи вещей, путем переработки ее в типическую нормативную истину, которая показывает нам не единичное и случайное, но всеприемлемое и вседейственное, возведенное в художественный принцип.

Сказанное имеет свое теоретическое обоснование в трудах более поздних мыслителей Возрождения. В XIV веке на горизонте мышления появляется нечто новое. В противовес реализму Фомы Аквинского возникает номинализм Думса Скотта и Уильяма Оккама. К последним можно причислить парижских номиналистов Жана Буридана

и Николая Орема. Основными тезисами номиналистов можно считать следующие: идея абсолютной трансцендентности Бога — Бог настолько превышает все мыслимое, что недоступен познанию, потому теология не ведет к познанию Бога и раскрытию Его бытия универсалии, вроде — человек, вещь и др. суть имена, обозначающие индивидуальные вещи, которым в реальности ничего не соответствует — противопоставление имени и сущности вещи, где первое ничего не дает для познания второй; идея создать в противовес «Науке о Словах Божиих» — «Науку о вещах» — от мира горнего обратиться к дольному миру природы. В итоге номиналисты подрывают основу основ религиозного сознания, для которого достоверно как созерцание, что в Иисусе Христе Божественный логос стал плотью. Номиналисты, конечно, не отрицают этого, но как бы признают этот факт вопреки своему разуму, который не в силах познать этого. По поводу веры Дунс Скот говорит: “*Credo quia absurdum*”. Бог устраняется из мира по причине того, что для разума Он — абсурд.

Наиболее точно и предельно сжато, интересующие вопросы изложены Николаем Кузанским в его трактате «Об ученом неведении». Буквально с первых строк текста мы узнаем, что «...во всех вещах... дарованное Богом естественное стремление существовать наилучшим образом...» [55, с. 50]. Понять это можно лишь обладая высшим — максимальным искусством незнания. Рассматривая природу самой максимальной, Кузанский приходит к выводу, что она, как то, больше чего ничего не может быть совпадает с единством, которое есть бытие. Раз эта максимальность как единство «универсальным и абсолютным образом возвышается над всякой относительностью и конкретной ограниченностью, то ему ничего не противоположно по его абсолютной максимальной» [55, с. 51]. Бог — абсолютный максимум есть актуально всевозможное бытие. Оно не определяется ни чем вещественным, но от него все. И так как абсолютному максимуму ничего не противоположно, с ним совпадает и минимум, но только стяженным образом, как вот это конкретное бытие вещи. Все вещи находятся в Боге в свернутом компликативном виде (*complecatio*). Мир является демонстрацией, развертыванием, экспликацией (*explecatio*) божественного бытия. Бог сродственен миру, как демонстрация самого себя, как Творец и творение. Исчезает полная трансцендентность Бога миру, так как мир уже не есть творение

ex nihilo, он как бы суть творения из Бога, через Бога (панентеизм). Природное бытие и мир не различаются. Если Бог — абсолютный максимум или бесконечное, то и Его экспликация есть также бесконечное, достигающее своей максимальной в лице Сына Божия — Иисуса Христа. Отсюда, мир как стяженное бесконечное или первичная демонстрация есть бесконечная протяженность.

Кузанский различает три вида бесконечности:

1. Чистая как *concidencia oppositorum*.

2) Стяженная или ограниченная, где абсолютное мыслится не только как *concidencia*, но и как различие. Мы различаем отдельные ее части, предельная совокупность которых составляет абсолютное.

3. Так как бесконечность неделима и состоит из частей, то она присутствует полностью в каждой части. Мир как второй тип бесконечности возможен только благодаря своему приобщению к первому. Каждая вещь есть актуализированное Все, но Все — стяженным образом, или в виде самого бытия вещи.

Кузанский строит такую теорию, чтобы в ней все было представлено наглядно, было доступно осязанию, оформлено в геометрически правильные формы, но в то же время, «в нем было готическое аффективное стремление вверх» [47, с. 202]. Поэтому в «Ученом незнании» мы можем встретить объяснения божественного бытия или становления двух видов: во-первых, методом бесконечно малых приращений, во-вторых, методом трансфинитной онтологии, где бесконечность выступает своего рода фигурной конструкцией, подчиненной принципу упорядочения.

Мир отныне представляется свободным перспективным пространством для самоосуществления субъективности человеческой личности, которая есть Образ и Подобие, и в силу этого, сродственна миру и Богу. Перспектива — просматривание, распластывание, акт, неразрывно связанный с процессом объективации мира в сознании человека. Перспективное восприятие пространства превращает сущность в явление, сводит Божественное до простого созерцания человеческого сознания, хотя и расширяет человеческое сознание до вместительности идеи Божественного.

Перспективизация сознания, основанная на интерпретированном понимании Бога, открывает путь чисто научного, рационального познания мира. В живописи объективация ландшафта приводит

к пейзажу. Икона сменяется в точном смысле этого слова живописью, создаваемой по правилам перспективного изображения и включающей комплекс естественно-научных знаний. Живопись становится своего рода зашифрованной философией. Чтобы лучше понять картину, необходимо обладать многими научными знаниями.

Перспективизация сознания порождает идею судьбы. Судьба — жизненный план, находящийся полностью во власти человека. И будущее существует в форме жизненного плана. Бытие представляет собой воление удерживать себя во времени, в его прохождении из будущего в прошедшее, воление удерживать себя в настоящем. Быть, значит не зависеть от времени, от его исчезновения. Поэтому воля начинает бунтовать против времени; она не в силах «так было» переделать в «так я хотел», она бессильна, а потому, прошлое в плане «как это было» не устраивает волю. Воля начинает исправлять историю, умышленно забывая и добавляя кое-что по своему усмотрению. Здесь перспективное мышление сменяется конструкторским. Человек, находясь на позициях оценки, точнее, переоценки всего сущего конструирует свой собственный универсум, руководствуясь своими собственными соображениями. Человеческая индивидуальность, утверждая себя, становится, не целью, а средством — средством достижения своего величия.

«Существовать — это значит быть здесь, только и всего; существования вдруг оказываются перед тобой, на них можно наткнуться, но в них нет закономерности. Ни одно необходимое существо не может помочь объяснить существование: случайность... нечто абсолютное... некая совершенная беспричинность. Беспричинно все — вот, что такое тошнота... вот, что пытаются скрыть с помощью идеи права...» [56, с. 286].

Словно в зеркале — никогда не уловить взгляда собственного отражения, в тексте никогда не услышать голоса автора до конца. Искусство рождается из энергетики творческого акта, вечно стремящегося установить живую связь (отношения) между образом и образцом, творцом и произведением, искусство стремится выразить внутреннее напряжение сил: центростремительных, — со стороны автора, и центробежных, — со стороны произведения. Эта связь вечно устанавливается насилием образа по отношению к образцу, произведения к автору. Сам творческий акт превращается в насилие, в экспансию

изображаемого по отношению к изображающему. Творить — всегда «больно». Любая единица действия любого языка выражения — слово, цветовая точка, линия-штрих, — наносят сокрушительный удар в самое основание, эту точку устанавливающего. Связь реализуется, таким образом, в строго вертикальной иерархии — творение всегда выше творца. Здесь творческий акт обнаруживает свой глубокий сакральный смысл: *religio* выступает в своем исконном значении связи с чем-либо высшим.

В знаке фиксируется этот процесс «рождения» культуры, происходит кодификация связи отношений. Но знак — это, прежде всего, условность: человеческий глаз неспособен сфокусировать зрение на расфокусированном фокусе отражения. Человек способен видеть и знать лишь то, что есть. Но это вовсе не означает, что все то, что есть, человек способен видеть и знать. Остается сфера неведомого: абсолютно реального, но совершенно недоступного восприятию и знанию. Творческий акт, осмысленный в своем сакральном значении, основывается не на даре веры, а на интуиции-предвидении. Собственно поэтому, мы без труда отличаем, где заканчивается религия Бога и начинается культура — религия человека даже в том случае, если культура и ее художественное выражение в искусстве связывается (по сюжету, замыслу, средствам выражения и пр.) с религией Божественного Откровения.

Возвращаясь к началу нашего повествования с уясненными принципами ренессансного гуманизма — самоценности человека-творца, зададимся вновь вопросом о том, может ли человек в рамках бюрократически-массовой культуры реализовывать, присущую ему по природе свободу творчества? Творческий акт есть всегда акт волеия вопреки, назло, всегда происходящий из Ничто. Он всегда находится в прямой зависимости от хаотического и динамического состояния Ничто, потенциально могущего стать всем, но актуализирующимся в Этом.

Фридрих Ницше, болезненно чувствовавший существо мещанской буржуазной культуры, «убившей Бога», напишет: «Горе! Приходит время, когда человек не носит больше стрелы тоски своей выше человека, и тетива лука его разучится дрожать! Я говорю вам: нужно еще носить в себе хаос, чтобы родить танцующую звезду. Я говорю вам: вы еще носите в себе хаос...» [57, с. 11].

Истинное творчество исходит из ностальгии — тоске по невосполненной целостности этого мира, в основании которой лежит любовь к родному дому, к этому миру. Творческий акт состоит в преодолении мира, навязывании ему новой попытки, нового Это и в утверждении прав на существование этого Это среди космически сплоченных элементов мира и вопреки им во имя Прекрасной Дамы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многообразные аспекты феномена творчества позволяют трактовать его сущность как целенаправленную деятельность человека по познанию и созиданию качественно нового в духовной и материальной сфере культуры, рассматриваемой в ее историческом становлении и развитии. Основным критерием творчества выступает уникальность его результата.

Творческая деятельность представляет собой значимую основу научного познания, образовательного процесса, правотворческой и правоприменительной деятельности, она выступает в качестве основополагающего принципа формирования социума и осмысления его ценностей. Творчество выступает также и как средство формирования самого человека, совершенствования его личностных качеств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Библер, В. С. Из заметок впрок // Вопросы философии. – 1991. – С. 19–20.
2. Топоров, В. Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира : Энциклопедия : В 2 т. – 2-е изд. – Москва : Советская Энциклопедия», 1988. – Т. 2: К (Корибанты) —Я. – 671 с.
3. Мелетинский, Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – Москва : Восточная литература, 2004. – 462 с.
4. Соловьев, В. С. Красота в природе // // Сочинения : в 2 т. – Москва : Мысль, 1990.
5. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства. Трагедия философии // Сочинения : в 2 т. – Москва : Наука, 1993. – Т. 1. – 603 с.
6. Кассирер, Э. Избранное. Индивид и космос / сост.: С. Я. Левит, Л. В. Скворцов ; пер.: А. Г. Гаджикурбанов [и др.]. – Москва : Университетская книга, 2000. – 654 с.
7. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря. / [Сост. и послесл. П. В. Алексеева ; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой]. – Москва : Республика, 1995. – 382 с.
8. Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию. – Москва : Прогресс, 1992. – 415 с.
9. Ницше, Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Сочинения : в 2 т. / пер. с нем. Г. А. Рачинского ; [сост., ред., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна]. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 1.
10. Иванов, О. Е. Самосознание как основа метафизики. Опыт введения в философию. – Санкт-Петербург : Церковь и культура, 2002. – 446 с.
11. Бердяев, Н. А. Смысл творчества. – Москва : АСТ, 2007. – 164 с.
12. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / вступ. ст. Г. М. Фридендера ; сост. В. Е. Багно. – Москва : Искусство, 1991. – 588 с.
13. Мартысюк, П. Г. Основные проблемы культуротворческой деятельности в контексте диалога создателя и потребителя // Человек. Культура. Образование. – 2014. – № 2 (12). – С. 24–31.

14. История и философия науки : учебное пособие / под ред. В. В. Балахонского, А. Г. Никулина. – Санкт-Петербург : Издательство СПбУ МВД России, 2021. – 128 с.
15. Философия : курс лекций / А. Г. Никулин, В. В. Балахонский, А. А. Артемов [и др.] ; под ред. В. В. Балахонского, А. Г. Никулина. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 263 с.
16. Балахонский, В. В., Никулин А. Г., Молчанова М. В. Методология подготовки и проведения научного исследования : учебное пособие / под ред. В. В. Балахонского, А. Г. Никулина. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – 74 с.
17. Горелов, Н. А. Методология научных исследований : учебник / Н. А. Горелов, Д. В. Круглов. – Москва : Юрайт, 2015. – 290 с.
18. Добреньков, В. И. Методология и методы научной работы : учебное пособие / В. И. Добреньков, Н. Г. Осипова. – Москва : Университет, 2012. – 273 с.
19. Кузьменко, Г. Н., Отюцкий, Г. П. Философия и методология науки : учебник. – Москва : Юрайт, 2016. – 450 с.
20. Мокий, М. С. Методология научных исследований : учебник / М. С. Мокий, А. Л. Никифоров, В. С. Мокий ; под ред. М. С. Мокия. – Москва : Юрайт, 2014. – 255 с.
21. История и философия науки : учебник / Т. П. Матяш, Е. Ю. Положенкова, К. В. Воденко, Г. И. Могилевская ; отв. ред. К. В. Воденко. – Москва : КНОРУС, 2022. – 271 с.
22. Кузнецов, И. Н. Основы научных исследований : учебное пособие. – Москва : Дашков и К°, 2013. – 282 с.
23. Евтушенко, С. Н. Цифровой гражданин и цифровое общество: влияние индивида и общества на достижение национальных стратегических целей // Экономические стратегии. – 2021. – Т. 23, № 2 (176). – С. 22–37.
24. Козловский, В. В. Утраты и обретения социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 1. – С. 25–40.
25. Малько, А. В., Липинский, Д. А., Иванов, А. А., Маркунин, Р. С. Юридическая аномия как фактор снижения эффективности правотворческой деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28. № 1. – С. 7–28.

26. Hong, L. K. Anomia and Religiosity: Some Evidence for Reconceptualization // Review of Religious Research. – 1981. – Vol. 22, No. 3. – P. 233–244.

27. Плетнев, А. В. Эвристический потенциал теории аномии в современной криминологии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) : электронный журнал. – 2014. – № 9. – С. 95–110; <http://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-9-8>.

28. Плетнев, А. В. Развитие аномии в религиозной сфере жизни постсоветского общества // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) : электронный журнал. – 2013. – № 4. – С. 26; <http://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-4-27>.

29. Кавецкий, С. Т. Может ли аномия быть нормальной? // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2021. – № 4. – С. 50–57.

30. Иванов, Д. В. Ворчание «стариков», нытье «молодых» и прогресс социологии // Социологические исследования. – 2022. – № 2. – С. 3–11.

31. Иванов, Д. В. Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2023. – Т. 26, № 3. – С. 7–35.

32. Джексон, Ф. Жизнь в классе / пер. с англ. Р. Устьянцева, Т. Соколовой ; под науч. ред. А. Сидоркина, Т. Соколовой. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 248 с.

33. Сересова, У. И. “Hidden curriculum”: отечественная академическая дискуссия в социологии и педагогике // Вестник РМАТ. – 2021. – № 1. – С. 15–26.

34. Стернберг, Р. Интеллект успеха / пер. С. И. Ананина. – Минск : Попурри, 2016. – 400 с.

35. Практический интеллект / Роберт Дж. Стернберг, Джордж Б. Форсайт, Дженнифер Хедланд [и др.] ; [под общ. ред. Роберта Стернберга.]. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 265 с.

36. Коллиер, П. Будущее капитализма. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2021. – 376 с.

37. Глава Пентагона в речи о высадке союзников в Нормандии не упомянул вклад СССР в победу // Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС) : [сайт]. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17941499> (дата обращения: 12.12.2023).

38. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 0512. – Оп. 4. – № 213. П. 25. – Л. 3.
39. Brzezinski, Zb. How the Cold War Was Played // Foreign Affairs. – 1972. – P. 182–183.
40. Валентин Фалин на линии // Goblin EnterTorMent : [сайт]. – URL: <https://oper.ru/news/read.php?t=1051608755> (дата обращения: 28.12.2024).
41. Нарочницкая, Н. А. Великие войны XX столетия: за что и с кем мы воевали. – Москва : Айрис-пресс, 2007. – 231 с.
42. Очерки истории Российской внешней разведки : В 6 т. – Москва, 1997. – Т. 3: 1933–1944 годы. – 496 с.
43. Декларация президента США Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля от 14 августа 1941 г. (Атлантическая хартия) // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/history-of-the-un/preparatory-years> (дата обращения: 20.01.2025).
44. Соловьев В. В. Миропорядок 2018 : фильм // RUTUBE (rutube.ru) : [сайт]. – URL: <https://rutube.ru/video/c561e20db503397ef2834431dd8b64bf/> (дата обращения: 20.01.2025).
45. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина 14 июня 2024 года на встрече с руководством Министерства иностранных дел России // Президент России : [официальный сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74285/> (дата обращения: 16.06.2024).
46. Тимофеев, А. В. Как русские научились воевать : Откровенные беседы с фронтовиками. – Москва : Вече, 2020. – 400 с.
47. Лосев, А. Ф. Эстетика Возрождения. – Москва : Культура, 2017. – 646 с.
48. Петрарка Ф. На жизнь Мадонны Лауры : Сонет 61 // Сонеты : [Пер. с латин. и итал.]. – Москва : Летопись, 1997. – 349 с.
49. Валла, Л. Об истинном и ложном благе : О свободе воли / Лоренцо Валла ; отв. ред. А. Х. Горфункель ; сост. и авт. вступ. ст. Н. В. Ревякина ; пер. с латин. В. А. Андрушко [и др.]. – Москва : Наука, 1989. – 474 с.
50. Боккаччо, Дж. Декамерон ; Жизнь Данте. – Москва : Московский рабочий, 1987. – 685 с.

51. Данилова, И. Джотто : Giotto : [альбом] / авт.-сост. И. Данилова. – Москва : Изобразительное искусство, 1970. 21 с.
52. Соломин, Г. К. Джотто ди Бондоне : Эпоха ран. Ренессанса / Графические украшения книги В. Левитского ; ред. А. Л. Волынский. – Санкт-Петербург : Грядущий день, [1914]. – 176 с.
53. Дмитриева, Н. А. Краткая история искусств. – [4-е изд., стер.]. – Москва : Искусство, 1986. – Вып. 1: От древнейших времен по XVI век. – 318 с.
54. Дворжак, М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения = Четырнадцатое и пятнадцатое столетия : Курс лекций : В 2 т. / [пер. и коммент. И. Е. Бабанова] ; послесл. Е. И. Ротенберга. – Москва : Искусство, 1978.
55. Кузанский, Н. Сочинения в 2-х томах / пер. З. А. Тажуризиной [и др.] ; сост. В. В. Бибихина ; общ. ред. В. В. Соколова, З. А. Тажуризиной ; вступ. ст. З. А. Тажуризиной. – Москва : Мысль, 1979–1980.
56. Сартр, Жан-Поль. Тошнота. – Москва : АСТ, 2023. – 352 с.
57. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра : [сочинения] / Фридрих Ницше ; [пер. с нем. Ю. Антоновского, Н. Полилова ; вступ. ст. и примеч. К. Свасьяна]. – Москва : Эксмо, 2011. – 669 с.

Научное издание

Аманацкий Юрий Валентинович,
кандидат педагогических наук, доцент
Балахонский Виталий Витальевич,
*доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник Высшей школы РФ*
Ладушкин Сергей Иванович,
кандидат философских наук, доцент
Мартысюк Павел Григорьевич,
*доктор философских наук,
доктор культурологии, доцент*
Никулин Антон Геннадьевич,
кандидат философских наук, доцент
Плетнев Александр Владиславович,
кандидат философских наук

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОКИ И ПУТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Монография

Под редакцией
доктора философских наук, профессора В.В. Балахонского

Редактор *Артамонов Р. Е.*
Компьютерная верстка *Артамонов Р. Е.*

ISBN 978-5-91837-967-7

EDN: OGCOAI

Подписано в печать 21.05.2025. Формат 60×84 ¹/₁₆

Печать цифровая. Объем 10 п. л. Тираж 50 экз. Заказ № 14/25.

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1